

236
K36

К. Керам

**УЗКОЕ
УЩЕЛЬЕ
И
ЧЕРНАЯ
ГОРА**

Богазкёй — турецкое название
маленькой деревушки в северной
Анатолии — Узкое ущелье

Каратепе — турецкое название
горного отрога в юго-восточной Тур-
ции — Черная гора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

К. В. КЕРАМ

УЗКОЕ УЩЕЛЬЕ
И
ЧЕРНАЯ ГОРА

Издательство
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962

3.302
157
C. W. CERAM

ENGE SCHLUCHT UND SCHWARZER BERG

Rowohlt Verlag Hamburg

Перевод с немецкого

Л. Ф. ВОЛЬФСОН

Ответственный редактор

В. В. ИВАНОВ

От редактора

Книга К. В. Керама «Узкое ущелье и Черная гора» представляет собой популярный очерк истории открытий, благодаря которым в XX веке стала известна культура одного из наиболее могущественных государств II тысячелетия до н. э. — Хеттского царства.

Автор не является специалистом-хеттологом, и книга его содержит некоторые неточные утверждения и выводы, касающиеся истории и культуры хеттов. Было бы нецелесообразно отяжелять русское издание громоздкими подстрочными примечаниями. Поэтому отдельные места книги, а также глава, посвященная истории хеттов, опущены в русском издании и заменены очерком, дающим общий обзор истории и культуры хеттов в свете данных клинописных текстов.

За последние полтора десятилетия хеттология обогатилась данными новых исследований, которые не были учтены в немецком издании.

Открытия последнего времени меняют не столько представления о самих хеттах, сколько взгляды на взаимоотношения хеттов с другими древними народами. Ранняя хронология хеттских государственных объединений была установлена благодаря работам турецких ученых, прежде всего К. Балкана, исследовавшего документы на аккадском языке, найденные в ассирийских колониях на территории древней Малой Азии. Заимствования из хеттского языка, обнаруженные при разборе этих документов (начало II тысячелетия до н. э.), показывают, что хеттская культура к тому времени уже оказывала влияние на другие народы Малой Азии.

Для освещения истории древнехеттского царства первостепенное значение имеет архив из Бююккале*, который содержит около двухсот пятидесяти клинописных памятников, в том числе текст «деяний» царя Хаттусилиса I. Из этого текста, а также из нескольких других клинописных памятников, исследованных за последнее время, выясняется, что уже в древнехеттский период (около XVII века до н. э.) хетты находились в тесном контакте с хурритами — другим могущественным народом Передней Азии, который оказал огромное влияние на хеттскую культуру новохеттского времени (начиная с XIV века до н. э.). Начало знакомства хеттов с хурритской культурой можно отнести уже ко времени Хаттусилиса I, который после походов в хурритские земли вернулся в хеттскую столицу Хаттусас с богатой добычей, в том числе с многочисленными произведениями хурритского искусства. Взаимодействие хеттской и хурритской культуры продолжалось несколько веков и привело к созданию смешанной хеттско-хурритской культуры.

История Хеттского царства характеризуется постепенным перемещением центра культурной жизни страны с севера и востока — из палайских и собственно хеттских областей на юг и запад — в лувийские области (юг Малой Азии и Северная Сирия), где было особенно сильно хурритское влияние. В связи с этим вполне закономерно, что после разрушения столицы хеттов Хаттусаса лувийско-хурритская культурная традиция долгое время сохранялась в сирийских княжествах I тысячелетия до н. э. Именно эта традиция отражена в памятниках «иероглифической хеттской» письменности, исследование которых подробно описывается в предлагаемой вниманию читателя книге Керама. Последние данные подтверждают, что эта письменность действительно использовалась для записи одного из лувийских диалектов. Другой язык — ликийский, в основу которого лег диалект лувийского языка, сохранялся на юго-западе Малой Азии вплоть до античного времени. Ликийские надписи известны были давно,

* Архив из Бююккале был найден в 1957 году археологической экспедицией, возглавляемой К. Биттелем.

но только в самые последние годы французский хеттолог Э. Ларош установил, что ликийский язык тесно связан с лувийским и с диалектом, отраженным в «иероглифических хеттских» надписях Северной Сирии.

Для исследования связей Хеттского царства с Северной Сирией много дали интенсивные раскопки в культурном и торговом центре древней Сирии — Угарите (современный Рас-Шамра). В Угарите, в кварталах которого были представлены разные государства и культуры Передней Азии, обнаружены письменные памятники многих древних языков (среди них четырехъязычный словарь, много давший для исследования хурритского языка). В угаритских текстах обнаружены также и такие хеттские термины (названия должностных лиц), которые не были известны по хеттским текстам, найденным на территории самого Хеттского царства. Вместе с тем среди текстов из архивов столицы Хеттского царства обнаружен хеттский перевод ханаанского (угаритского) мифа.

Таким образом, благодаря археологическим находкам последних лет все яснее становятся культурные связи, скреплявшие воедино древние культуры Ближнего Востока и много значившие для подготовки позднейшего духовного развития человечества.

Культура хеттов особенно интересна тем, что она могла выполнять роль посредника между древними цивилизациями Передней Азии и Греции. Этим обстоятельством можно объяснить то, что новохеттские версии хурритских эпических сочинений, по-видимому, оказали влияние на греческую мифологию.

Книга Керама лишь в некоторой мере может восполнить отсутствие в нашей популярной исторической литературе работ, посвященных этим проблемам. Но в этой книге содержится занимательный и общедоступный очерк путей, по которым ученые подошли к открытиям, по-новому осветившим историю человечества во II тысячелетии до н. э.

В. В. Иванов

ВВЕДЕНИЕ

«Узкое ущелье и Черная гора» вполне самостоятельная книга, посвященная истории открытия государства хеттов. Однако она с успехом могла быть названа «Книгой скал» и присоединена в качестве пятой к четырем предшествующим, которые я объединил в археологический роман под общим заглавием «Боги, гробницы, ученые». Книга «Узкое ущелье и Черная гора» рассказывает об археологах, о путешественниках, расшифровывающих надписи, о раскопках и о толковании археологических находок, дающих возможность восстановить картину истории государства хеттов, еще недавно совсем неизвестного.

В то же время эта книга отлична от предыдущей: я не обещаю здесь рассказать о «волнующих приключениях», так как среди исследователей, посвятивших себя хеттологии, нет таких образов, как открыватель Трои Шлиман, атлет Бельзони и врач Ботта, как консульские агенты Лайард, Стефенс и Томпсон. Да и в области находок памятников хеттской культуры не были обнаружены такие ценности, как в Египте, не были раскрыты могилы, содержимое которых хранит следы драматических событий глубокой древности, подобно могилам королей Ура. На первый взгляд, это разочаровывает, но, несмотря на то что великие властители хеттов не были собирателями сокровищ и выдающимися покровителями искусств, они господствовали над народом, о котором нам теперь известно, что во II тысячелетии до н. э. он населял третью великую державу Передней Азии наряду с Египтом и Ассирийско-Вавилонией.

Тем не менее я надеюсь, что книга будет прочитана не без интереса, особенно теми, кто правильно понимает слова Вулли, открывателя Ура и Алалаха, что для археолога «во всех случаях сведения, полученные в результате раскопок, представляют несравненно большую ценность, чем самые находки».

Мне хотелось бы, чтобы читатель получил полное, связанное представление о необычайных обстоятельствах, при которых была открыта культура хеттов.

Поскольку хеттология далека от всякого рода приключений и человеческой фантазии, я не мог на этот раз создать «хеттологический роман». Здесь подробно рассматриваются некоторые методы научного исследования, например приемы расшифровки письма или разработки основ древней хронологии.

В заключение мне хочется сказать несколько слов благодарности. Я не мог бы написать книгу об этих еще далеко не законченных исследованиях, если бы мне не была предоставлена возможность осмотреть места, где производились наиболее значительные раскопки. Приглашением на XXII конгресс ориенталистов в Стамбуле я обязан посредничеству профессора Карла Ратьенса. Таким образом я оказался не только в центре самых интересных обсуждений, но и получил возможность принять участие в экскурсиях, которые под руководством ученых были проведены в места, некогда занятые империей хеттов. Я совершил первый обход Алая Хююк под руководством археолога, бывшего генерального директора Турецкого музея древностей, доктора Хамида Зюбейра Козаи. За объяснения раскопок в Кюльтепе я благодарю супругу археолога, доцента доктора Нимет Озгюч; за первое знакомство с Богазкёем и Язылыкёем — профессора Курта Биттеля (директора Германского археологического института в Стамбуле), который вел там раскопки с 1931 по 1939 год. Именно профессор Биттель во время продолжительных бесед в Стамбуле сообщил мне первые сведения о последних раскопках хеттской культуры и вообще об истории хеттов.

Я очень обязан профессору Стамбульского университета доктору Гельмуту Т. Боссерту, открывшему памятники в Каратепе и руководившему там раскопками.

С самого начала он принял непосредственное участие в осуществлении моих планов. Осенью 1951 года вплоть до первых дней периода дождей я был гостем его экспедиции. Я никогда не забуду этого гостеприимства в джунглях, сердечность этой трудовой атмосферы, вечерние беседы за круглым столом, сопровождавшиеся воем шакалов, доносившимся издалека. Никогда не забуду также долгих споров по поводу только что обнаруженных находок с доктором Бахадиром Алкимом и госпожой доктором Халет Чамбел, а также с другим гостем экспедиции, отцом О'Каллаганом, погибшим впоследствии под Багдадом, и с госпожой доктором Мухиббе Дарга, самой молодой ученицей профессора Боссерта.

Я весьма признателен доктору Бахадиру Алкиму и его жене госпоже Хандан Алким: они не только оказали самое любезное гостеприимство во время моего вторичного пребывания в Каратепе в 1953 году, но доктор Алким просмотрел первый краткий набросок этой книги. Ему я обязан многочисленными и ценными указаниями. Наконец, большую помощь мне оказали, когда я закончил книгу, вторично профессор Боссерт, а также доктор Маргарита Римшнейдер (Шверин) тем, что просмотрели верстку и помогли мне устранить некоторые ошибки, неизбежные в такой работе.

К. В. Керам

ТАЙНА СУЩЕСТВОВАНИЯ

Глава I

ОТКРЫТИЕ И ПРЕДЧУВСТВИЕ

Со времени издания первого большого словаря всех наук и искусств — большой французской энциклопедии — прошло около двухсот лет. С тех пор нет лучшего способа установить, насколько та или иная наука продвинулась, чем просмотрев старые определения слов в словаре. Примером может служить определение слова «хетт» в Мейеровском «Новом энциклопедическом словаре» 1871 года, где сказано: «Ханаанская народность, которую израильтяне встретили в Палестине, населяла область Геброна южнее поселений аморитян и по соседству с ними, а позднее — более северную область Бетель, была подчинена Соломоном. Однако еще и в более позднее время существовала ближе к Сирии независимая, управляемая монархом, ветвь хеттов».

Такое определение не дает ничего нового по сравнению с тем, что скупо сообщает Библия.

Таким образом, в 1871 году историки знали о хеттах очень мало. Если сегодня нам известно, что этот народ во II тысячелетии до н. э. создал великую державу, господство которой простиралось на всю Малую Азию до Сирии, которая покорила Вавилон и вела успешные войны с Египтом, создала собственное письмо и собственное право, то кажется совершенно невероятным, что вплоть до XX века она оставалась вне поля зрения археологов и историков.

Действительно чудесно, что в конце концов горсточке ученых, немногим более двадцати человек, все же удалось в течение нескольких десятилетий, считая от первых раскопок, изучить культуру, до того совершенно неизвестную. Несколько забегаая вперед, можно сказать, что начало раскопок (первый решающий удар лопаты) было одним из самых счастливых моментов, какие когда-либо выпадали на долю археолога. Однако, прежде чем об этом рассказывать, необходимо бросить общий взгляд на страну, древнюю историю которой мы намерены раскрыть вместе с исследователями.

Малая Азия — небольшая часть азиатского континента. Уже в античные времена ее называли «Asia Minor», так как предполагалось, что она повторяла рельеф и очертания Большой Азии: плоскогорье, окаймленное горами и уступами. Это сравнение по тем временам несколько преувеличено, ибо тогда еще не были известны северные и восточные границы Большой Азии.

В наше время Малую Азию легко пересечь по железной дороге, на грузовике, автобусе или просто такси, но лучше всего верхом. Сидя в скрипучем деревянном седле, можно увидеть, какова эта страна теперь, и представить, какой она была раньше. По сей день во Внутренней Анатолии (что значит «страна, обращенная к восходу солнца», «страна Востока») можно встретить упряжки волов, тянущих телегу с дисковыми колесами, визжащий звук которых оглашает окрестность на несколько миль вокруг. Серые деревеньки выглядят совсем так, как три с половиной тысячи лет назад, когда первые ассирийские купцы отправлялись торговать из богатого Ассура в сердце Анатолии. Еще и сегодня в деревнях строят дома из необожженного кирпича, который трескается под палящими лучами солнца, а

затем размывается дождями. Поэтому самая грязная деревня выглядит так, будто бы ее создала причудливая фантазия. Эти дома из сырцового кирпича могут продержаться едва ли более двадцати лет: когда они разрушаются, следующее поколение на их развалинах строит снова — так возникают «археологические слои».

Малая Азия не больше Испании, Германии или Калифорнии в США, но меньше провинции Квинсленд в Австралии. О Кайсери говорят, что там зима, как в Амстердаме, лето, как в Тулузе. В ущельях Тавра и поныне встречаются медведи, волчьи стаи нападают на овечьи загоны и африканские рептилии греются под солнцем на скалах. А когда спускаются сумерки, по джунглям, образуемым зарослями дикого терновника, крадутся гиены, оттуда доносится ночной вой шакалов.

На северо-востоке растет чай, на юго-востоке — хлопок и цитрусовые. В окрестностях Адана я изо дня в день наблюдал крестьянина, который выращивал лимоны в тени развалин древних стен, а в Язылыкая (в святилище хеттов у Богазкёя) я знал сторожа, приносившего своей жене луковицы, выращенные им во дворике перед храмом, вдоль рельефа с изображениями богов.

В долинах рек и на узких полосах побережья растут также табак и мак, злаки и оливковые деревья. Однако сколько же там таких зеленых долин?

В Малой Азии нет ни одной судоходной реки. Самая большая река — Кызыл-Ирмак, в древности Галис. Перед переправой через нее Крез вопрошал оракула. Ответ гласил, что, если переправа произойдет, большое царство погибнет: так и случилось — Крез потерял свое царство. Река мчится смелым потоком с востока во Внутреннюю Анатолию, пересекает горы к северу от нее и впадает в Черное море. Остальные реки менее значительны.

Треть территории Малой Азии — плоскогорье без воды и растительности; и только изредка сверкнет голубизной соляное озеро. Этот ландшафт монотонно величав, его краски обесцвечены — их выжгло солнце. Часто он производит даже зловещее впечатление. Приближаясь к цепи гор, испытываешь страх — оттуда надвигается еще более жуткий, еще более неизвестный

мир. Если доберешься до деревушки, кажется, будто попал на кладбище — под палящим зноем темные отверстия дверей выглядят глазами черепа. Затем появляются мужчины (женщин не видно) да несколько любопытных ребятишек, которые пугливо прячутся при малейшем движении руки. Мужчины медленно приближаются, их неподвижные лица не выражают удивления. Они обступают чужеземца и молча смотрят на него. Дают ему воду, и он, неуверенно улыбаясь, оглядывает окружающие его молчаливые лица. Здесь отсутствуют навязчивый шум Леванта и роскошные краски сказочного Востока. Здесь люди держатся с удивительным достоинством, которое так гармонирует с ландшафтом, определившим характер этих людей.

Народы, боровшиеся за обладание Малой Азией, были столь многочисленны и различны по характеру, что в ранней доевности, за одним исключением, устойчивые и крупные государственные образования не могли возникнуть.

Однако, поскольку нашей темой является не столько общая история и география, сколько описание археологических исследований, то, пожалуй, на этом мы и закончим наш общий обзор. Он нужен был только для того, чтобы подчеркнуть, что в истории этой древней разобщенной страны лишь одному народу удалось, несмотря на всякого рода противодействия, основать единое государство, превратившееся за короткое время в великую державу Передней Азии, культурное влияние которой простиралось вплоть до греческого мира. Быть может, еще и сегодня мы не представляем всей глубины этого влияния.

Благодаря удивительному стечению обстоятельств первое знакомство современных исследователей с этим народом произошло на месте его древней столицы.

В начале тридцатых годов прошлого столетия один французский исследователь тщательно разработал план путешествия во Внутреннюю Анатолию. «Моей целью, — писал он впоследствии, — было выяснить расположение древнего Тавиума, который, по всей вероятности, должен был находиться на берегу древнего Галиса, на плодородной земле». Готовясь к путешествию, он столкнулся с тем, что описания мест, куда он соби-

«Львиные ворота» в большой крепостной стене Богазкёя

рался отправиться, были крайне скудны. Все же, прибыв в Турцию, «несмотря на то что все сведения были очень неполны, я 28 июля 1834 года отправился в путь с моим караваном на север!» Спустя немного времени, совершая в одиночестве поездку верхом, он вдруг очутился в маленькой деревушке Богазкёй, расположенной в большой излучине Кызыл-Ирмака, перед руинами, при виде которых у него захватило дух, и он почувствовал себя совершенно беспомощным дать им историческое объяснение.

Этим французом был Шарль Феликс Мари Тексье (1802—1871), археолог и путешественник, один из тех людей, которые посвятили свою жизнь исследованию далекого прошлого.

Тексье в поисках Тавиума собрал в деревне Богазкёй некоторые сведения, и ему хотелось их проверить.

И вот ученый стал подниматься вверх по улице, тянувшейся между двумя рядами глиняных домов, по все более отвесным холмам. Вдруг он увидел гигантские каменные глыбы, лежащие правильными рядами, сглаженные тысячелетиями, но ясно различимые. Это были очертания построек гигантского, странного, неправильного в плане сооружения. Тексье поднялся выше и увидел панораму смело разорванного ландшафта, натолкнулся на остатки стены и пошел по ней — она тянулась многие километры. Достигнув наивысшей точки, он осмотрелся, и ему стало ясно: эти развалины были когда-то городом, таким же большим, как Афины в период расцвета.

Кто же построил такой город? Мог ли это быть Тавиум? Он пошел дальше и обнаружил в стене двое огромных ворот. На одних был рельеф, изображавший возможно царя, нечеловеческих размеров, странного, не сравнимого ни с чем из того, что встречалось до сих пор. На других воротах Тексье увидел каменные скульптуры львов. Он срисовал их и дал скопировать своим спутникам. Но рисовальщики были детьми своего века. Поэтому на их рисунках получились фантастические животные с бидермейеровской злобностью в физиономии.

Затем Тексье попытался дать первое объяснение увиденному: «Будучи полностью во власти идеи, будто обнаружен древний Тавиум, я был склонен видеть в этих руинах храм Юпитера, который упоминает Страбон... Однако впоследствии я был вынужден отказаться от этой мысли».

И далее: «Здесь не было ни одного строения, которое можно было бы отнести к какой-либо из римских эпох; этот великолепный и своеобразный характер руин поверг меня в полнейшее недоумение, когда я пытался дать городу историческое имя...»

Позднее, когда Тексье уже передал свои записи в печать, предварительно просмотрев заметки англичанина Вильяма Гамильтона, через год после него посетившего Богазкёй и также принявшего его за Тавиум, он еще раз сопоставил сообщения античных авторов и сравнил их со своими выводами. И тогда ученый отказался от мнения, будто обнаружил руины Тавиума, пе-

рассмотрев этот вопрос в пользу Итерии, у которой Крез и Кир встретились в знаменитой битве.

Однако Тексье ждали новые неожиданности. Один из местных жителей повел его в сторону от Богазкёя труднопроходимой тропой через глубокопересеченную долину реки на расстояние добрых двух часов ходьбы до плато, лежавшего на противоположном берегу реки. И там он нашел то, что сейчас называют Язылыкая («Расписанные скалы»). Крутые, отвесные скалы поднимались здесь ввысь, открывая широкую щель, и взору представились странные скульптуры на грубо отесанном камне. Тексье увидел ряды торжественно застывших богов в островерхих шапках, в повязанных поясами одеждах. Он последовал вдоль расселины, отклонявшейся несколько вправо, и увидел новые картины, новые фигуры в других одеждах, вместо островерхих шапок на них были тиары. Две фигуры были крылаты, некоторые держали в руках непонятные предметы и стояли на головах других фигур, за ними следовали звери.

Тексье был весь во власти впечатлений от этих удивительных процессий из камня. Когда он стал искать выход из расселины, то заметил с левой стороны узкий проход, который переходил в еще более узкую щель между скалами. Тексье направился было туда, но внезапно остановился: слева и справа стояли высеченные из камня два крылатых демона, как бы преграждавших вход. С некоторым трепетом он все же прошел через ущелье и вновь увидел процессию, высеченную на отвесной западной стене: двенадцать воинов — или, быть может, это были боги — шествовали один за другим с устрашающей стремительностью. Двенадцать марширующих фигур; на головах островерхие шапки, на плечах двенадцать сеоповидных мечей. А прямо напротив на камне была изображена высокая фигура, которая покровительственным жестом прикрывала меньшую. Над ее вытянутой рукой было изображено подобие цветка, составленного из нескольких знаков, похожих на иероглифы, возможно, символов — но чего?

Осмотревшись внимательнее и затем вернувшись в больший отсек, Тексье заметил еще большее количество таких знаков. Некоторые так стерлись, что их едва

162226

можно было распознать. Были ли эти знаки орнаментом? Или, быть может, надписью? Тексье покинул «Расписанные скалы». Когда он стал изучать плато перед входом, то различил остатки стен. Были ли здесь некогда постройки или это остатки ворот, через которые можно было попасть в щель между скалами?

Он пришел к выводу, что находился перед древнейшим святилищем, необычайно своеобразным храмом из скал, — но кто его построил, памятником культуры какого народа он был?

Тексье окинул взглядом руины Богазкёя, ущелья и хребты, возвышавшиеся за долиной в пылающем сиянии немилосердного солнца. Здесь господствовала воля народа, воздвигшего на естественных скалистых кручах каменные блоки, так что и теперь можно было различить остатки стен, которые когда-то соединяли своими зубцами отвесные вершины. Такие сооружения могли воздвигнуть лишь сильные цари, властители богатого и могущественного народа.

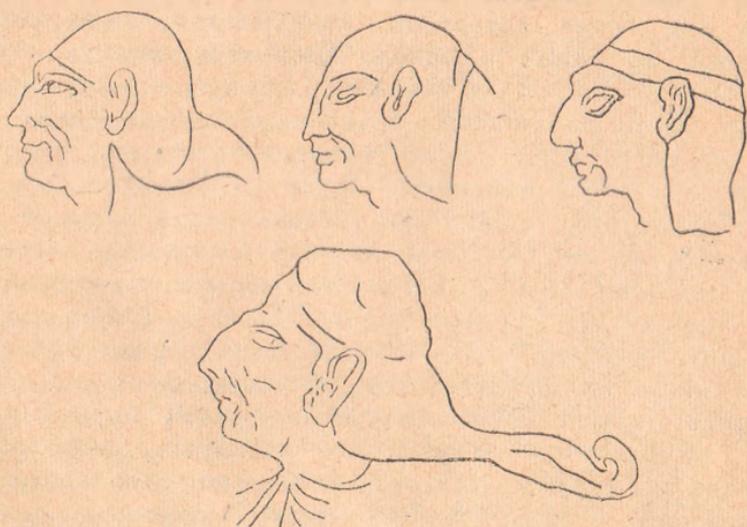
В 1839 году Тексье издал в Париже свою монументальную работу, результат многолетнего труда — «Описание Малой Азии». Ученый должен был признать: народ, обладавший таким могуществом, о котором свидетельствуют руины Богазкёя, был совершенно неизвестен исторической науке XIX века среди других народов, обитавших на протяжении II тысячелетия до н. э. на территории Малой Азии. Поэтому все, что показал Тексье, явилось для науки труднообъяснимой загадкой. Получить поразительные данные и не иметь отправных моментов для их объяснения — это само по себе должно было вызвать досаду у любого специалиста. Кроме того, после 1830 года интерес исследователей к еще молодой тогда археологии был в течение десятилетий направлен на вызвавшие восхищение раскопки, проводившиеся в Египте и Месопотамии. Лепсус и Мариэтт открыли в стране фараонов изумительные памятники, Ботта и Лайард подняли из недр ассирийские культуры. Однако, несмотря на эти сенсационные открытия, исследователи не могли обойти молчанием таинственные руины в Анатолии. Это объяснялось тем, что о них появлялись все новые и очень интересные сведения.

Вскоре после Тексье Гамильтон не только посетил Богазкёй, но и открыл новые руины близ деревни Алая Хююк. Немецкие путешественники Барт и Мордтманн сообщили более подробные данные из Богазкёя и внесли уточнения в планы, наскоро сделанные Тексье (1859—1861). В те же годы француз Ланглуи совершил путешествие по области Тарса. А с 1862 года французский ученый Георг Перро объездил всю Анатолию, тщательным образом обследовал всю страну и открыл еще ряд очень интересных монументов. Так, между прочим, он нашел в районе Богазкёя отвесную скалу Нисантепе, покрытую знаками. Они сильно стерлись и были плохо различимы — как царапины на камне, но тем не менее можно было установить, что они того же характера, что и найденные Тексье в Язылыкае.

Именно это должно было стать очень важным открытием, но оно потонуло в массе материала, который был опубликован Перро и иллюстрирован зарисовками, сделанными Е. Джулеме после 1872 года. Ровно десять лет спустя немец Карл Хуманн отлил первые рельефы Язылыкае. То обстоятельство, что позднее он мог представить первый точно вымеренный план руин Богазкёя, объясняется отчасти его прежней профессией: прежде чем стать археологом, он был железнодорожным инженером, а впоследствии снискал мировую славу, открыв Пергамский алтарь. В 1887 году Перро вновь обобщил в своем большом сводном труде «История искусства в древности» все, что было открыто в загадочных монументах в Анатолии. Теперь он мог в отношении некоторых изображений и зарисованных групп высказать предположения, которые для других стали очевидностью. Дело в том, что двое американцев в 1870 году после своего путешествия по Сирии сообщили о камнях, покрытых надписями, названных по месту их обнаружения «камнями Гамата». Это должно было стать новой фазой в борьбе за раскрытие тайны руин Анатолии. На самом деле честь открытия таких камней принадлежит не американцам. Их первооткрывателем был за пятьдесят восемь лет до этого один из замечательных путешественников XIX века.

В 1809 году бородатый человек в восточном одеянии сел в Мальте на корабль, отправлявшийся в Си-

рию. Он назваля Шейхом Ибрагимом и выдал себя за купца на службе Ост-Индской компании. Три с половиной года он пробыл в Сирии. Это был самый удивительный из всех купцов, появлявшихся когда-либо между Алеппо и Дамаском. Вместо того чтобы заниматься торговлей, он изучал местные языки, историю и географию, а также Коран и прерывал занятия только

Хетты — изображения на египетских памятниках

ради путешествий: на юг — в «святую землю», на восток — к Евфрату, затем по долине Оронта. Он поднимался на «святую гору» Хор, на которой почил Аарон. Во время одного из путешествий по Нубии он был арестован как шпион, выслан и в конце концов попал в Египет. Один паша подверг его экзамену, призвав на помощь двух арабских докторов, — он должен был доказать свое знание мусульманских законов. Он выдержал испытание так блестяще, что получил разрешение в качестве магометанского паломника совершить четырехмесячное путешествие в Мекку, в «Запретный город», а затем вместе с восьмьюдесятью тысячами других паломников к горе Арафат. С тех пор он по праву носил титул «ходжа». И когда в 1817 году

в возрасте тридцати трех лет он умер в самый разгар приготовлений к новому путешествию, его похоронили, как ходжу, на магометанском кладбище, со всеми почестями, подобающими шейху.

Шейх Ибрагим в действительности был Иоганн Людвиг Бургхардт, происходивший из древнего базельского патрицианского рода. После смерти молодого ученого Кембриджский университет получил в наследство его коллекцию оригинальных восточных рукописей, состоящую из трехсот пятидесяти томов, и дневники, оказавшиеся неиссякаемым источником для исследований в области географии, этнографии, древней филологии и археологии. В результате редакторской обработки этих необычайно интересных дневников были опубликованы работы, которые для Бургхардта существовали лишь в замысле.

В одной из этих книг, «Путешествия по Сирии и Святой земле» (Лондон, 1822 год), в связи со своим пребыванием в Гамате на Оронте он описывает камень, простой камень, в стене дома на базаре: «Камень с изображением маленьких фигур и знаков, которые походили на иероглифы, хотя и не имели ничего общего с египетскими».

Разумеется, что в 1822 году, за семнадцать лет до появления большого труда о путешествии Тексье, никто не обратил внимания на это описание, сделанное вскользь. Тем более что оно потонуло в массе несравненно более интересных событий и приключений, описанных Бургхардтом.

Прошло пятьдесят восемь лет, и по следам Бургхардта по базару в Гамате шли два американца — консул Август Джонсон и миссионер доктор Йессуп. Они оказались не менее наблюдательными, чем Шейх Ибрагим, и нашли не только камень, «покрытый надписями», но еще три таких «с изображением маленьких фигур и знаков». Год спустя на заседании Американского общества по исследованию Палестины Джонсон докладывал о своей находке, но он не смог представить точных зарисовок, не говоря уже об оттисках. Как только Джонсон приближался к камням с намерением дотронуться до них, местные жители поднимали крик, дело доходило до диких сцен, которые свидетельство-

вали о том, что они воспринимают это как оскорбление. По всей видимости, таинственные знаки были издревле предметом суеверного почитания. Это стало еще более очевидным, когда спустя некоторое время в Алеппо вновь был обнаружен камень с такими иероглифами. Местные жители приписывали знакам целительную силу, и люди, особенно с больными глазами, приходили издалека, чтобы коснуться лбом гладкоотшлифованного камня в надежде на исцеление.

Потребовался еще год, прежде чем одному из ученых удалось осмотреть камень. Это был Вильям Райт, ирландский миссионер, обосновавшийся тогда в Дамаске. Ему помогла одна из тех случайностей, без счастливого вмешательства которых не осуществляются открытия. В 1872 году был отстранен прежний губернатор Сирии, человек строгих религиозных убеждений, противившийся исследовательским поискам западных ученых. Его преемник, Субхи-паша, был, наоборот, сторонником просвещения. Он слышал о камнях Гамата и разрешил референту Вильяму Райту сопровождать его в одну из инспекционных поездок. 25 ноября 1872 года Райт в третий раз нашел камни, ставшие уже знаменитыми (точнее, в пятый раз, так как за это время в Гамате побывали еще две группы путешественников). Но в отличие от своих предшественников Райт опирался на поддержку губернатора, оказавшуюся весьма действенной,— паша послал солдат. С их помощью Райт выломал камни из стен домов. Это была тяжелая работа, которой все время пытались помешать демонстрации местных жителей: они верили, что камни могут исцелить от ревматизма, так же как камни в Алеппо от глазных болезней.

Когда камни были временно помещены в доме, где остановился паша, один из носильщиков сообщил о сборищах местного населения и о слухах, будто фанатики хотят взять штурмом дом и скорее разбить камни, чем дать их увезти. Говорили даже, будто полиция на стороне жителей Гамата. «Я видел, что наступает критический момент», — пишет Райт. Под прикрытием солдат он пошел по улицам, ощущая на себе взгляды, исполненные нескрываемой ненависти. Он заговаривал с людьми, заверял их в том, что на следующее утро

паша уплатит за камни, — люди насмешливо отвечали, что они уже знают, чего стоят обещания, исходящие от властей. Тогда Райт стал угрожать солдатами, страшными наказаниями, которые применил бы паша в случае, если бы дело дошло до насилия. Очень обеспокоенный, он вернулся обратно. «Это была длинная бессонная ночь», — сообщает он.

Ничего не произошло. На следующее утро, к безмерному удивлению жителей, Субхи-паша уплатил обещанную сумму. Однако некоторое время спустя возмущение, подавленное угрозами и смягченное деньгами, вспыхнуло с новой силой. Снующие по переулкам деревни объясняли всем, что ночью прошел сверкающий звездный дождь. Это были метеориты действительно необычайной яркости. Жители послали к паше делегацию, чтобы выяснить — не следует ли считать это указанием неба на то, что камни не должны быть увезены?

Паша долго думал. Затем он спросил, не причинили ли камни какой-нибудь вред? Не убили ли они человека или животное? Ничего подобного не случилось. Тогда паша спросил с мудростью Соломона, неужели же возможно лучшее знамение неба для выражения его согласия, чем то, что произошло?

С ближайшим транспортом камни были переправлены в Константинополь. Но до этого Вильям Райт получил разрешение сделать с них оттиски, которые и отправил в Лондон, в Британский музей.

Тексье увидел на севере Анатолии руины и никак не мог их объяснить. Райт имел оттиски с надписей на «камнях Гамата» и не знал, как их толковать. Конечно, тогда ничто не говорило за то, что между руинами Анатолии и камнями Сирии есть что-то общее: не хватало связующего звена.

Но вот В. Скин и Г. Смит из Британского музея открыли близ Йераблуса на правом берегу Евфрата огромный холм с руинами. Название «Йераблус» происходит от «Европус», так назывался город греко-сирийского периода. Они исследовали холм и отождествили найденные руины с Кархемишем, известным из ассирийских источников, и, как вскоре выяснилось, оказались правы.

Уже при поверхностных раскопках были обнаружены фигуры, также покрытые таинственными знаками, человеческие головы, руки, ноги, звериные головы, перемежку с кругами, полумесяцами, крючками, обелисками, явно составлявшими в совокупности какую-то надпись.

Более всего обескураживало, что областью распространения знаков была отнюдь не только Северная Сирия.

Воин из Кархемиша

Е. Д. Дэвис встретил похожие знаки рядом с монументальным рельефом в Ирвесе в горах Тавра. Были найдены и печати с такой же письменностью. Вскоре уже не оставалось сомнений, что иероглифы, обнаруженные Тексье рядом с фигурами богов в Язылыкае, подобны сирийским. В конце концов загадочные письмена были обнаружены в районе Смирны.

Это обстоятельство окончательно все запутало: ведь если все знаки имели общее происхождение, то должен был быть народ, обладавший когда-то таким могуществом, что его письменность распространилась от Эгейского побережья через всю Анатолию, далеко в глубь Сирии. Это должен был быть народ с единой письменностью, т. е. единой культурой. Но помимо образчиков письма и нескольких монументов определен-

ного вида, не существовало других данных и никаких упоминаний ни в одном предании.

А может быть, упоминания были? Может быть, до сих пор просто не умели правильно толковать известные предания?

В 1879 году английский ученый осматривал холмы близ Смирны. Спустя год он выступил в Лондоне перед Обществом библейских древностей с докладом, в котором неоднократно ссылался на Библию и выдвинул

предположение, с научной точки зрения очень смелое. Этот ученый, английский археолог Арчибальд Генри Сейс, был известен уже тогда, в возрасте тридцати четырех лет. Британская энциклопедия, которая редко отмечает живущих, пишет о нем: «Нельзя переоценить его заслуги в области ориенталистики».

Сейс заявил, что все монументы и надписи определенного характера, собранные в последние десятилетия в Малой Азии и Северной Сирии, должны быть приписаны народу хеттов. Как известно, этот народ упоминается в Библии, но до сих пор созданная им культура никогда не подвергалась специальному историческому исследованию.

Глава 2

БИБЛИЯ И НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Арчибальд Генри Сейс уже в 1876 году, сидя за письменным столом, угадал истину. Год спустя он высказал предположение, что странные знаки на «камнях Гамата» безусловно представляют собой письменность. Ученый утверждал, что даже обнаружил некоторые характерные черты, например так называемый бустрофедонский порядок строк (позже мы узнаем, что это такое). В 1879 году он опубликовал статью под заглавием «Хетты в Малой Азии».

Но лишь в 1880 году, т. е. год спустя после его путешествия в Смирну, Сейс прочитал в Лондонском библейском обществе доклад, вызвавший сенсацию и на некоторое время закрепивший за автором репутацию «изобретателя» хеттов.

Это было во всех отношениях неверно: за два года до Сейса миссионер Райт в небольшой статье в «Евангелическом обозрении» уже относил за счет хеттов новые находки в Малой Азии. Но на его статью не обратили внимания, ибо она не была написана со страстью убежденного исследователя.

Вскоре возникшая в результате предположения Сейса бурная дискуссия вышла за пределы узкого круга специалистов и привлекла внимание широкой общественности. Только в Англии, где публика, как нигде

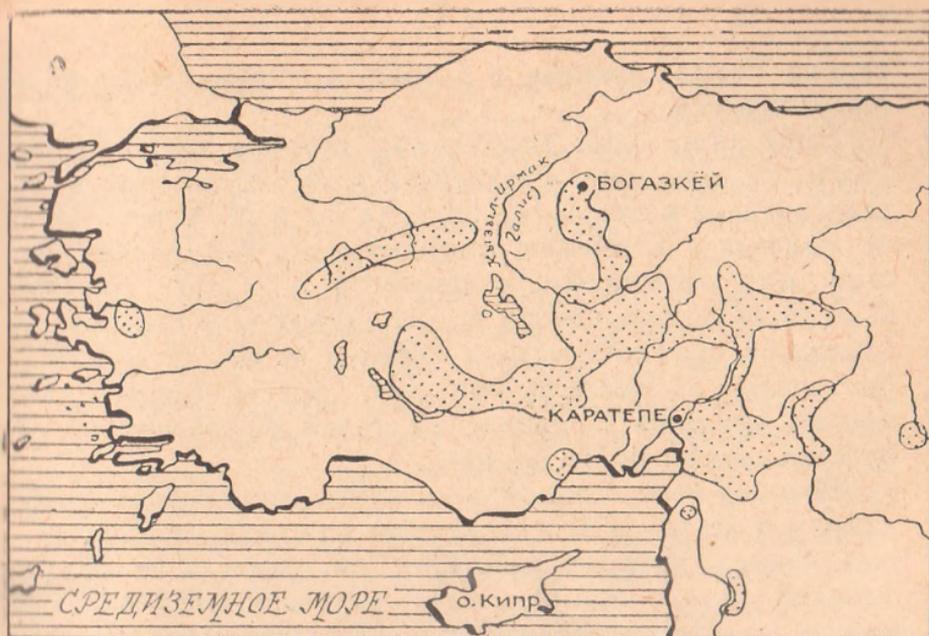
в Европе, интересуется вопросами археологии, могло случиться, что исчезнувший три тысячелетия назад народ вдруг попал в заголовки ежедневной прессы. Дискуссия, в которой все участники располагали лишь незначительным числом фактов, достигла наивысшей точки, когда Вильям Райт в 1884 году в Лондоне опубликовал книгу, не только содержащую новые данные, но и носившую вызывающее название — «Великая империя хеттов, с дешифровкой хеттских надписей профессора А. Г. Сейса».

Теперь содержание этой книги уже не кажется таким ошеломляющим, и поэтому мы не будем заниматься ею подробно. Однако именно с нее начинается хеттология. Смелые утверждения, изложенные на страницах этой книги, не позволяли в дальнейшем обходить хеттов молчанием; из побочной отрасли востоковедения медленно, но неуклонно выростала специальная наука.

Эта книга должна была вызвать сенсацию. Если все, что в ней утверждалось, было правильно, то, вместо того чтобы лишь подтвердить систематическими раскопками уже известное или предугаданное, наука в этом, единственном в своем роде, случае сделала гораздо больше. Сравнивая случайные находки из отдаленнейших мест, ученые вновь открыли целый народ, третью великую державу Передней Азии, о существовании которой греки и римляне забыли уже более двух тысячелетий назад.

Эти смелые утверждения могли восприниматься как вызывающие потому, что были основаны на очень скудных доказательствах. Ибо именно из того исходного пункта, который для доказательства казался наиболее удобным, дорога тут же заводила в совершенно бесплодную область. Да, в Библии действительно уже упоминались хетты, но...

В древнееврейской Библии они назывались «Hittim», что Мартин Лютер перевел на немецкий язык как «Hethiter», англичане перевели как «Hittites», французские ученые — вначале «Héthéenes», а сейчас также «Hittites». Но в книге они упоминаются только при перечислении незначительных народностей, например в книге Иисуса Навина, 3, 10 «...Хананеев, Хеттеев, Евев, Ферезеев, Гергесеев, Аморреев и Иевусеев» или

Точками обозначена территория, где были обнаружены хеттские развалины, памятники и надписи. Эти чисто археологические данные отчетливо характеризуют политическое распространение Хеттской империи в том виде, как его удалось реконструировать после дешифровки глиняных табличек Бозазкёя

в «Книге Моисея», 1, 15, 19—21 «...Кенеев, Ферезеев, Рефаимов, Аморреев, Хананеев, Кенезеев, Кедмонеев, Хеттеев, Гергесеев и Иевусеев».

Несколько больше говорится в притче об Аврааме («Книга бытия», 1, 23, 3), где Авраам называет себя чужаком перед сынами хеттовыми и просит дать ему в собственность место для гроба, «чтобы мне умершую мою схоронить от глаз моих». Это уже доказывает, что в известное время хетты все же были, видимо, истинными владельцами «священной земли». Еще в одном месте Библия приводит обстоятельную географию народов («Книга Моисея», 4, 13, 29): «Амалик живет на южной части земли, Хеттеи, Иевусеи и Аморреи живут на горе, Хананеи же живут при море и на берегу Иордана».

Согласно этим и некоторым другим упоминаниям в Библии, народ хеттов, очевидно, мог представлять собой

только племя, жившее в Сирии и ничем особенно не выделявшееся.

Есть лишь одно упоминание, которое могло бы задолго до открытия, сделанного Сейсом, заставить исследователей насторожиться, если бы в XIX веке наука не подвергла сомнению достоверность библейских текстов. Это упоминание содержится в «Книге царств», 4, 7, 6: «Господь сделал то, что стану Сирийскому слышался стук колесниц и ржание коней, шум войска большого. И сказали они друг другу: верно нанял против нас царь Израильский царей хеттейских и египетских, чтобы пойти на нас».

Вопреки всем приведенным ранее библейским упоминаниям о хеттах и перечислениям их среди незначительных племен, которые действительно никогда не играли никакой роли в истории, здесь хеттские цари названы наряду с могущественнейшими повелителями древнего мира — царями египетскими и названы даже раньше них.

Но это и все, что могла сообщить Библия.

Достаточно ли этого, чтобы подкрепить положение о существовании «империи», великой державы хеттов?

Сейс и Райт, естественно, стали искать других доказательств, и — кто ломает лед, тот освобождает поток, — едва вышла в свет книга «Хеттское царство», как наряду с возражениями появились и многочисленные подтверждения. Стала очевидной необходимость еще раз проверить новое положение по всем древним источникам, особенно египетским. Было бы слишком утомительно подробно разбирать, какова доля отдельных исследователей в этой работе. Достаточно привести несколько примеров, потому что то сравнение источников, которое могло быть проведено в восьмидесятых годах (когда ассирийские документы только что были открыты), лишь побуждало к дальнейшему изучению, но еще не приводило к заключениям, которые имели бы покоряющую силу убеждения.

Два соображения приобрели теперь совершенно особое значение. Не упоминали ли ассириологи постоянно о «стране Хатти» и не рассказывали ли египтяне о непрерывных войнах с народом «хета» («хета» — про-

извольное чтение египетского иероглифа «хт» — египетское письмо не знает гласных; принятое нами в настоящее время произношение египетских названий, следовательно, не является истинно египетским, вернее назвать его египтологическим, т. е. предполагаемым нашими египтологами).

Действительно, после того как лед оказался сломанным, были выявлены источники, доказывающие, что уже фараону Тутмосу (XV век до н. э.) народ хеттов должен был платить дань; подробные надписи на стенах египетских храмов сообщали о победоносных войнах, которые вел против хеттов Сирии великий Рамсес II; были там весьма точные записи о мирном договоре, которым наконец завершились войны между египтянами и хеттами. Этот договор, удивительно современный по форме, увенчался браком между хеттской принцессой и фараоном.

Некоторые подробности высокопарных египетских отчетов о сражениях, а особенно характер мирного договора должны были заставить исследователей настроиться; но они нашли сходные, а следовательно, подтверждающие сведения у ассирийцев. Тиглатпаласар I (около 1100 года до н. э.) сообщает о победоносных войнах со страной хеттов. На протяжении четырехсот лет в военных отчетах постоянно встречаются упоминания о хеттах, как о народе, организованном якобы в небольшие города-царства (главным образом в Кархемише, Самале, Малатье, на севере Сирии). Этот народ никогда не был действительно опасным противником и в 717 году до н. э. в результате падения Кархемиша растворился в Ассирийском государстве, что не вызвало никакого отзвука в странах Передней Азии. Разве мог народ, который в отчетах того времени выступает лишь как постоянно побеждаемый враг, создать культуру, распространившую свое влияние от Эгейского моря через всю Анатолию?

Египтяне и ассирийцы упоминают о народе хеттов на протяжении длительного времени (от Тутмоса до падения Кархемиша прошло больше семисот лет). И сегодня нам, уже изучившим этот вопрос, легко говорить, что одного этого обстоятельства достаточно, чтобы составить верное представление о хеттах.

Современники же Сейса, возражая ему, пытались помочь себе половинчатыми объяснениями, а Сейс между тем из месяца в месяц публиковал все новые статьи, обогащенные новыми фактами. Многие годы казалось неоспоримым неправильное, как мы знаем сегодня, предположение, будто хетты были народом из Северной Сирии, по каким-то причинам постепенно распространившимся к северу, в глубь Анатолии. Согласно этой теории, военные и культурные устремления хеттов должны были быть весьма противоречивы — они вели войны только на юге, а распространение их культуры на север и северо-запад проходило, по-видимому, вполне мирным путем.

Совершенно очевидно — здесь что-то неладно. Но что именно? (Если бы в то время кто-нибудь предугадал правду, его бы высмеяли.)

В восьмидесятых годах во всяком случае еще не удавалось «втиснуть» историю хеттов в схему исторического процесса. Большое открытие было сделано, а научное исследование вопроса застыло на мертвой точке.

В 1887 году делу опять помог случай. Подобно молнии, он осветил совсем с новой стороны все, что было неясно. Это был всего лишь забавный инцидент, который к тому же произошел на другом континенте, в египетской Африке. Однако он имел непредвиденные последствия: ему было суждено дать ключ к решению хеттского вопроса.

Этот случай был вызван к жизни, пожалуй, лишь гневом феллахской женщины. Произошел он у Эль-Амарны, на восточном берегу Нила, на расстоянии трехсот километров к югу от Каира. Защищаясь от навязчивых чужеземцев, она схватила несколько глиняных черепков и запустила в них, чтобы избавиться от их любопытства, но результат получился обратный. Брошенные ею черепки привели иностранцев к самому большому и важнейшему из когда-либо найденных египетскому архиву глиняных табличек, к архиву Эль-Амарны времен царя-«еретика» Аменхотепа IV.

Мы точно не знаем, соответствует ли эта версия действительности, ибо научная разработка архива велась самым необычным образом. Дело в том, что в мо-

мент, когда были найдены первые таблички этого бесценного архива, здесь не оказалось ни одного ученого. Известно только, что первые таблички появились на базарах к концу 1887 года, а затем попали в Каир к антикварам и продавались по десяти пиастров за штуку. Так как в то время относительно предметов древности уже существовал строгий закон, то местные жители старались продавать свои находки из-под полы, не сообщая о них правительству, так как разница в цене была значительной.

В 1880 году на каирском рынке продавалось уже около двухсот табличек. Сейс увидел их там и написал об этом в Европу. Институты и коллекционеры немедленно заинтересовались ими, и в течение месяца первые образцы появились в Лондоне и Берлине.

При этом происходили удивительные инциденты. Арабский купец Абд эль-Хай в Гизехе показал спешно приобретенные им таблички музейному служащему в Булаке, где в то время создавалась основная база музея, который ныне находится в Каире. Служащий заявил, что таблички безусловно подделка, и отказался их купить. Тогда купец поторопился продать таблички австрийскому коллекционеру Теодору Графу из Вены.

Сейчас известно, что таблички из Амарны подлинные. После приобретения коллекции Графа берлинские музеи стали обладателями ста шестидесяти табличек, часть которых «невиданной доселе величины».

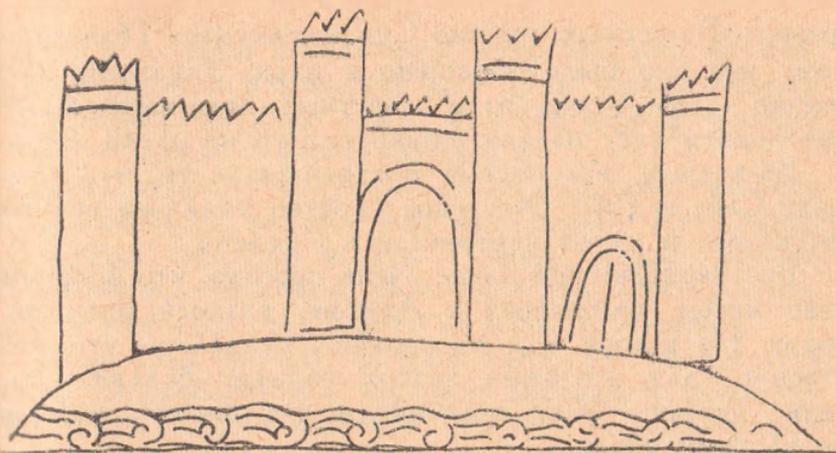
С ноября 1891 года до конца марта 1892 года раскопки в Эль-Амарне вел знаменитый английский археолог Виллиам Флиндерс Петри, предварительно собравший все имевшиеся сведения. Он сделал важные открытия — архив заговорил и рассказал интереснейшие подробности об определенном периоде середины II тысячелетия до н. э.

Таблички Амарны оказалось возможным прочесть. Они были написаны давно дешифрованной клинописью на дипломатическом языке тогдашнего Древнего Востока — аккадском (вавилонском). Эта находка особенно изволновала египтологов потому, что архив содержал внешнеполитическую корреспонденцию одного из интереснейших фараонов, когда-либо правивших Египтом. Извлеченная из земли Амарна была резиденцией Амен-

хотепа IV (примерно 1370—1350 годы до н. э.), этого мистика на троне, мечтателя, который не видел реальных политических фактов, потому что не хотел их видеть. Он проклял всех древних египетских богов, весь египетский пантеон, а сам поклонялся лишь одному богу — богу солнца. И изменил свое имя, вместо Аменхотепа стал называть себя Эхнатон, поклонник Атона, бога солнца. Он предпринял также попытку даровать свою собственную религию всему египетскому народу. Не удивительно поэтому, что все консервативное египетское жречество стало его противником. Начались не только беспорядки внутри страны, но воинственно настроенные пограничные народы, воспользовавшись тем, что фараон придавал большее значение религиозным реформам, нежели защите страны, начали новые войны. Религиозная реформа Эхнатона была важным событием, но политически она оказалась несостоятельной. И вот египтологи нашли корреспонденцию этого царя «еретика» и не только нашли, но и смогли прочитать. Из писем им стала ясна картина политической обстановки в Египте и Передней Азии. Но что дали эти письма хеттологам?

В обширной корреспонденции, найденной в Амарне, имелось также два письма фараону от хеттских царей и многочисленные сообщения о мятежных действиях хеттских военных отрядов у сирийской границы. Некоторые письма разъясняли значение царей других народов (например, народа митанни), которые до этого были известны только по названиям. При этом были найдены и письма с самыми беззастенчивыми просьбами о подаении. Посылали их государи, которые смело называли египетского фараона «братом», но, если они просили для своего гарема дочь фараона, им с пренебрежением отказывали. В то же время собственных дочерей они вынуждены были посылать в гарем египетского фараона.

Тушратта, царь Митанни, писал фараону Аменхотепу III (предшественнику Эхнатона): «Ты поддерживал очень тесную дружбу с моим отцом. Теперь, когда мы заключили дружбу, она в десять раз больше дружбы с моим отцом. И теперь я говорю своему брату: пусть мой брат уделит мне в десять раз больше, чем

Ассирийское изображение крепости Кархемиша (на бронзовых воротах в Балавате). Этот весьма примитивный рисунок настолько ясно показывает архитектуру зубчатых башен, что его можно рассматривать как образец для реконструкции

моему отцу! Пусть мой брат пришлет мне очень много золота, бесчисленные количества золота пусть пришлет мне брат мой, пусть мой брат пришлет мне больше золота, чем моему отцу!» Это не специально отобранное письмо — это типичное явление для переписки того периода. Но, конечно, не эти письма с просьбой о подаении способствовали дальнейшему развитию исследования в области хеттологии, хотя для установления хронологии истории Передней Азии они были очень важны. Большое значение имели подлинные письма хеттов. Наиболее интересной вскоре стала считаться табличка, содержащая поздравление «от царя хеттов» с благозвучным именем Суппилулиумас, адресованная Эхнатону, царю-«еретику», по поводу его вступления на престол. Найденные в Амарне письма в своей совокупности впервые доказали, что Хеттское царство не только бесспорно было великой державой, но что хетты ни в коем случае не могли происходить, как считали раньше, из Северной Сирии. Стало ясно, что они переселились в Сирию из Малой Азии, хотя не было еще известно точно, когда именно. Итак, благодаря найденным в Амарне письмам удалось сделать два важных

вывода. Во-первых, письмо Суппилулиумаса (благодаря тому что оно было обращено к царю Эхнатону, даты жизни которого уже были известны) дало возможность установить дату начала жизни одного из царей хеттов.

Во-вторых, все письма подтверждали то, что заявляли Сейс и Райт: Хеттское царство являлось великой державой и хетты переселились с севера.

Востоковедческой науке очень повезло, что большинство писем, найденных в Амарне, удалось прочитать сразу. Но вскоре, как ни странно, оказалось, что, собственно, для изучения хеттов гораздо большее значение должны были приобрести два письма, которые прочесть не удалось.

Их называли «письма из Арцавы», так как они, хотя и написанные уже известной клинописью, но на непонятном языке, были обращены к царю Арцавы. По разным причинам предполагают, что Арцава находилась в Южной Анатолии. Возможно, что эти письма исчезли бы в архивах музеев, если бы французский археолог Е. Шантре не нашел в 1893 году в Богазкёе фрагменты глиняных табличек, бесспорно составленных на том же неизвестном языке «арцава». Так возникла новая проблема: существовал ли народ, объединенный языком арцава, который одновременно господствовал в северной излучине Галиса и на средиземноморском побережье Малой Азии?

Проблема была столь важной, что несколько лет спустя заставила одного ученого, бывшего ассириолога, отдать все свои силы на ее решение, — и он нашел его. Но прежде чем описывать эти события, хотелось бы рассказать, как во времена, когда вопрос был еще неясен, производились раскопки, вызванные при отсутствии определенных знаний исключительно любовью к открытиям. Мы ограничимся этим единственным примером из числа многих, которые здесь приводить не будем.

Небольшое путешествие послужило толчком для начала первых раскопок в стране хеттов.

Путешествуя по юго-востоку Турции, археологи Отто Пухштейн, Карл Хуманн и доктор фон Лушан узнали, что недалеко от них, в Зинджирли, обнаружены интереснейшие рельефы. Пухштейн и фон Лушан, хотя вре-

мени было в обрез (оставалось всего два дня до отъезда), поспешили посмотреть их. Они сразу нашли восемь рельефных плит *in situ*, т. е. на первоначальном месте и в первоначальном положении.

Правда, радость открытия была омрачена тем, что плиты незадолго до них уже обнаружил Хамди-бей, генеральный директор музеев Турции. Однако оставалась надежда, что земля, едва тронутая здесь раскопками, хранит еще неизмеримо больше памятников.

Четыре года спустя, в 1888 году, при поддержке недавно образованного в Берлине Восточного комитета Хуманну удалось получить от главной администрации королевских музеев разрешение отправиться в Константинополь, сделать заявку на концессию и подготовить экспедицию.

Необходимо подчеркнуть, что все, сделанное Хуманном для организации этих богатых перспективами раскопок, было для его времени образцовым. Мы знаем, как несколькими годами раньше в Трое грубо вел раскопки гениальный Шлиманн, известно также, что во многих местах это делалось вообще хищнически — кладонскательство превалировало над научным исследованием. Хуманн же организовал превосходную археологическую экспедицию, обеспечил ее палатками, походными кроватями, кухонным оборудованием, включил в ее состав надсмотрщиков, каменщиков, плотников, кузнеца и повара, позаботился обо всех необходимых фотоматериалах и специальных инструментах. От королевских музеев в Берлине к нему был прикомандирован доктор фон Лушан, от афинского Археологического института — его друг Франц Винтер.

Карла Хуманна и Феликса фон Лушана можно назвать хорошей парой. Хуманн, родившийся в 1839 году в Штееле, был чистокровным пруссаком и обладал подвижностью, присущей этому народу. Бывший инженер-железнодорожник, он по состоянию здоровья вынужден был перебраться на Юг. Сорок лет спустя та же причина вынудила спортсмена лорда Карнарвона переехать в Египет, где он совместно с Картером открыл гробницу Тутанхамона. Случайная удача на Самосе положила начало его увлечению археологией. С 1867 до 1873 года Хуманн руководил строительством дороги в

Передней Азии. Но в то же время он никогда не забывал об археологии, открыл Пергам и вел там раскопки. Работа была начата в сентябре 1878 года, а в 1886 закончена. Результатом явилось сооружение удивительнейшего алтаря древности в особом музее в Берлине.

Феликс фон Лушан — австриец, родился в 1854 году в Хеллабрунне, возле Вены, антрополог по призванию. Кроме того, будучи медиком, Лушан служил военным врачом в австрийской армии: он был незаменим для любой экспедиции и прекрасно дополнял Хуманна.

Средства предприятия были ограничены, однако Хуманн мог рассчитывать на трех-четырёхмесячную продолжительность экспедиции при наличии ста рабочих. В распоряжении экспедиции было двадцать острых кирок, двенадцать плоских кирок (к ним сто запасных рукояток), пятьдесят пять лопат, двенадцать тачек (вместе с корзинами — важнейшая часть снаряжения), пятьдесят семь корзин, два ворота, два железных рычага, два тяжелых молота, три каната, подъемный блок, тяжелая повозка с железной осью, полевая кузница, кроме того, всевозможные инструменты, гвозди, веревки и т. д.

«Таким образом, — говорил он, — у меня был инструмент для ста семидесяти и более человек, и я мог легко заменить поврежденное».

О бытовых удобствах участников экспедиции он не говорит ни слова. Время, когда научная экспедиция стала считать жизненно необходимым условием для исследований наличие холодильников и душевых установок, тогда еще не настало.

5 апреля 1888 года экспедиция отправилась в путь из Александретты по старой дороге крестоносцев, той же, по которой задолго до этого, около двух тысяч лет назад, поднимали пыль кони Кира Младшего и Александра Великого. Дорога была плохая. Шел дождь. Лишь седьмого вечером они прибыли в Исляхие, окруженной центр, «грязный, зараженный городишко, состоящий из пятидесяти домов».

Так как этот пункт (лучшего в округе не было) являлся резиденцией каймакама (каймакам — нечто вроде окружного головы или ландрата), то Хуманн

удалось, заручившись его поддержкой, заказать лес для запланированной им постройки барачков, а также дополнительно нанять двух плотников.

В воскресенье, 8 апреля, отряд из тринадцати человек верхом отправился дальше. Вечером прибыли в Зинджирли. Первое впечатление следующего утра было воспринято ими как дурное предзнаменование.

Перед ними возвышался холм яйцевидной формы; поже его измерили: длина — 335 м, наибольшая ширина — 240 м. У его западного склона теснились хижины обитавших здесь «ужасно грязных жителей». Деревня была залита нечистотами», через нее протекал заболоченный ручей, извивавшийся между восьмьюдесятью хижинами. И когда Хумани захотел осмотреть рельефы, открытые несколько лет назад Хамдибеем, он обнаружил, что большинство рельефов снова засыпано.

Несмотря на это, уже 9 апреля начались раскопки. О странном занятии чужеземцев стало известно в округе. Вест о том, что за перекапывание старого мусора можно получить большие деньги, а при нахождении обтесанных камней еще и бакшиш, произвела на жителей сильное впечатление: уже к обеду явилось тридцать четыре человека, на другой день — девяносто шесть.

В первый же вечер раскопок экспедиция обнаружила не только пять рельефов, некогда открытых Хамдибеем, но и четыре новых. Там были изображены воин с копьем, девушка, держащая зеркало, конь боевой колесницы. Были открыты также подъезд к воротам и сами ворота с двумя львами. К вечеру второго дня раскопок было обнаружено двадцать шесть рельефных плит. Причем изображенные на них боги, люди и животные отличались от всех ранее известных. Имелось, конечно, и сходство с плитами, обнаруженными между Евфратом и Галисом. Но до сих пор нигде не находили в таком количестве столь выразительных изображений. Как любой исследователь, Хумани был взволнован внезапным появлением из щебня загадочных плит. По этому поводу он писал: «Так закончилась первая неделя, и, радостно возбужденные богатыми находками, мы за-

бывали о том, что буря, налетевшая с запада, рвет наши палатки, дождь заливает постели, в которых нам приходится спать, держа в руке зонт, и что в палатках — грязь по щиколотку!»

В результате раскопок была обнаружена крепость кольцевидной формы, необыкновенная по величине и украшениям. Для Хуманна, читавшего Сейса и Райта и знакомого со всеми трудами «за» и «против», не было сомнения в хеттском происхождении раскопанного. Учитель-армянин водил Лушана и Винтера в отдаленную деревню, где показал им явно хеттский рельеф: женщина, сидящая за столом, и стоящий против нее мужчина. А к северу от Зинджирли, на расстоянии часа езды верхом, нашлась хеттская надпись.

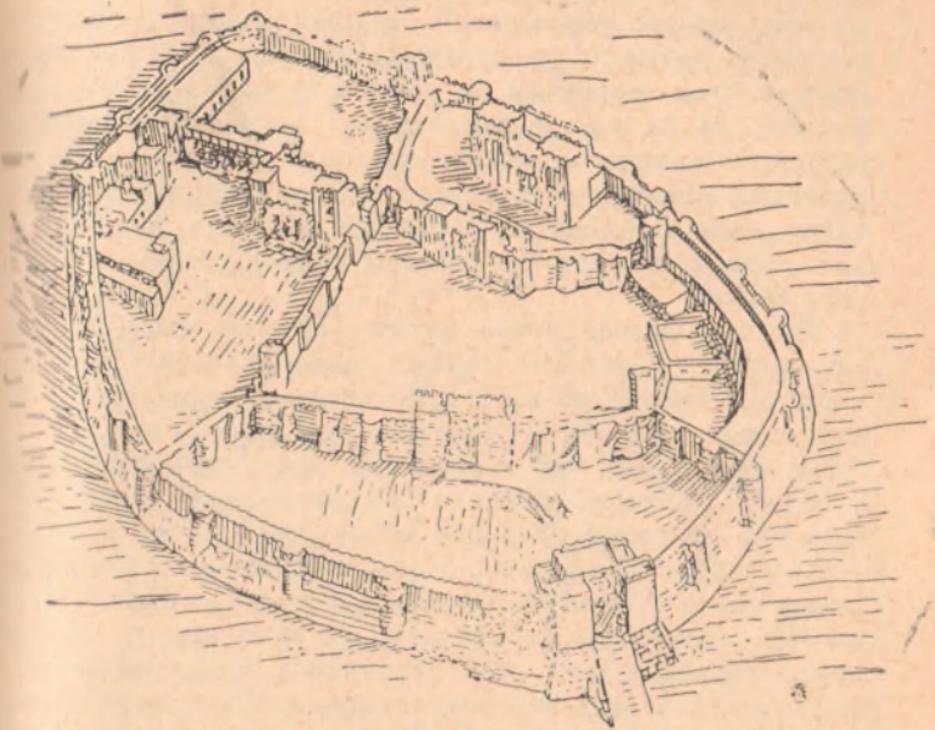
Холм таил еще много тайн. Погружаясь в прошлое, всегда охотно прибегаешь к символам. Поэтому да будет нам позволено сообщить, что холм был густо покрыт буйно разросшимися цветами асфеделии, «цветами преисподней». Что же скрывалось под их зарослями?

«Эта экспедиция могла лишь прощупать почву», — писал Хуманн 4 мая 1888 года в своем дневнике. То же он писал и в Берлин. «Если мне удастся лишь констатировать существование древнего дворца, то на этот раз будет, по-видимому, достигнуто все возможное и можно будет с большей уверенностью начать подготовку к следующей экспедиции».

Однако погода препятствовала продолжению работ. Сначала было прохладно и дождливо, затем в середине мая наступила сильная жара, а вместе с ней появились змеи, скорпионы, тарантулы и мириады moskitov.

Но члены экспедиции снова испытали большой душевный подъем, который может быть вызван лишь хорошей находкой. 3 мая нашли огромного льва. Он лежал на боку на глубине пяти метров под «цветами преисподней».

Хуманн пробовал раскапывать холм с севера и с юга, с востока и запада. Но что бы он ни предпринимал, ему не удавалось точно установить расположение раскапываемого сооружения. Если он находил один опорный столб ворот, то оказывалось, что невозможно обнаружить второй, парный, наличие которого при нормальных условиях естественно было предположить.

Реконструкция города и крепости Зинджирли. Он построен так, что враги не могли захватить его весь сразу, а только частями. Царский дворец расположен на самом высоком месте

Если он находил скульптуру, которая, согласно опыту, накопленному археологией, не могла быть в единственном числе, то здесь он был вынужден отметить, что она все-таки была единственной.

Какими бы сомнительными ни казались научные результаты раскопок, однако Хуманн должен был позаботиться о вывозе найденных предметов. Из опыта своих многочисленных предшественников он знал, что большой вес находок всегда доставлял наибольшие трудности. Найденные же здесь рельефы были высечены не на плитах, а на глыбах огромной величины и, следовательно, были неимоверно тяжелыми.

В течение первой недели мая, согласно указанию Хуманна, от ворот большого кольцевидного вала были отсечены находившиеся на нем восемь рельефов. Обратная сторона обивалась до тех пор, пока толщина

рельефов не составила пятнадцать сантиметров, благодаря чему их вес сокращался до пяти-восьми центнеров. Но снова возникло затруднение. Черкесы из Мараша и окрестностей требовали по девяносто марок за каждую подводку, в то время как бюджет экспедиции предусматривал максимум шестьдесят пять марок. Хуманн отправил своего агента на расстояние двадцати четырех часов езды в Албистан, и оттуда прибыло десять первых подвод, каждая из которых стоила шестьдесят восемь марок.

Но тут Восток начал мстить. 28 мая среди членов экспедиции появился первый лихорадящий больной. Самого Хуманна на пять дней свалило воспаление легких. Через день после тяжелого рецидива болезни прибыла телеграмма от Хамди-бея (от благосклонности которого целиком зависели все экспедиции того времени) с любезной просьбой встретиться с ним 7 июня в Александретте. 5 июня больной Хуманн в сопровождении врача Лушана отправился в путь, доложил Хамди-бею результаты раскопок и, получив высказанное в дружелюбной форме, но настойчивое предложение сообщить о находках непосредственно в Константинополь, был вынужден — все еще больной — сесть на корабль. В Константинополе он добился разрешения отправить в Берлин двадцать три рельефа, одну стелу и все мелкие находки. Затем он немедленно снова отправился в Александретту, куда прибыл 11 июня. Тринадцатого Хуманн был уже в Зинджирли.

Однако там он нашел лишь одного здорового человека — доктора фон Лушана. У всех остальных была лихорадка.

Лушан не терял времени даром. Он продолжал продвигаться вглубь через нагромождения мусора и пепла. Работа была тяжелой и малопродуктивной. Лишь в конце июня были обнаружены стены, причем одновременно четыре, самая нижняя — не менее четырех метров толщины. Лихорадка нарушила порядок, ослабила дисциплину. В последнюю неделю июня на работу вышло только шестьдесят рабочих. Хуманн повысил плату на пиастр (это составляло в то время восемнадцать пфеннигов); два дня спустя на работу снова вышел сто один рабочий.

Находки были весьма странного характера. Была там эллинская монета рядом с ассирийским царским надгробием высотой три метра сорок пять сантиметров; хеттская бронзовая фигурка — по соседству с константиновой монетой, эллинская слоновая голова — вместе с хеттской надписью.

Неожиданно в расположении экспедиции появился курд и многословно сообщил о «говорящих картинах».

Он повел Лушана и Вшитера к Ордеггёль — «Угинуму озеру». Там они нашли стелу высотой метр двадцать сантиметров с типично хеттским изображением поминовения мертвых, а также девять строчек финикийской надписи.

Все эти находки свидетельствовали о том, что почва здесь как бы пропитана историей, но по первому требованию тайн не открывает.

В лагере вновь начала свирепствовать лихорадка. Некоторых рабочих пришлось отправить в горы. Каждый день кого-нибудь из оставшихся шалила с ног болезнь. Температура воздуха угрожающе поднималась: «Если жара после полудня не превышала тридцати семи — тридцати восьми градусов, мы говорили, что день прохладный». И при этих обстоятельствах нужно было организовать транспортировку крупных находок. Задача почти неразрешимая.

Уже 13 июня первые двенадцать воловьих упряжек тронулись в путь. На дороге за Исляхне три повозки развалились. Остальные девять, ко всему прочему, были конфискованы спесивым заместителем курдского каймакама. Сопроводительное письмо Хамди-бея не оказало действия, лишь угрозами удалось добиться освобождения повозок.

Бог Тешуб

Измученные лихорадкой люди были близки к отчаянию. Неожиданно 14 июня появился один из черкесов, ранее просивший невероятную цену, с двумя крепкими упряжками на этот раз по сходной цене. Прибыли и другие черкесы. Одна за другой по дороге в Александретту потянулись, тяжело переваливаясь, телеги с многими центнерами каменного груза. К 30 июня было отправлено восемьдесят два ящика — всего около шестисот центнеров отесанного и обожженного камня. Для специалистов они представляли собой книгу с картинками древнейшей культуры, волнующей своей неизвестностью.

Один из сторожей свалился в лихорадке. Унылая колонна людей и животных проплелась однажды утром рябыми от пыли улицами по направлению к пристани. Они отправились в путь в понедельник, а в среду в полдень, не доезжая шести километров до Александретты, увидели море. У дороги стояла небольшая кофейня, которую содержал предприимчивый негр, рядом находился колодец с прохладной водой. А ближайший корабль отправлялся только через десять дней! Они разбили палатки и, как писал Хуманн, «в виду голубого моря предавались отдыху».

Не был ли результатом этого отдыха оптимизм, позволивший ему писать: «Цель, к которой мы стремились, была достигнута, мы нашли хеттскую постройку, которую искали, и даже не на очень большой глубине. Теперь можно было смело начинать новую кампанию, ибо холм перестал быть неисследованной грудой мусора, его тайна была приоткрыта, речь шла о том, чтобы окончательно раскрыть ее».

Здесь необходима оговорка, что Хуманн переоценил результаты своей работы и тем более преувеличил надежды на будущее. Преувеличенными были и надежды первых участников раскопок в Кархемише, начатых в 1878 году совершенно по-дилетантски. Сменившие их специалисты добились уже научных результатов. Но все, что там было найдено, касалось поздней хеттской культуры (все находки относились к I, а не ко II тысячелетию до н. э.) и хотя было весьма интересным, но мало дало для хеттологии, находившейся на ранней, вопрошающей и исследующей стадии (ибо дело здесь

включалось в том, чтобы выяснить, действительно ли хетты стояли во главе переднеазиатской империи).

Весьма забавно, что прекрасно проведенная экспедиция под руководством Хуманна дала лишь второстепенные сведения, в то время как двадцать лет спустя из рук вон плохо организованной экспедиции суждено было сделать действительно сенсационные открытия, которые помогли наконец установить, какова была роль хеттов в истории Переднего Востока. Следует добавить, что последняя экспедиция (ею руководил немец доктор Гуго Винклер) могла осуществиться исключительно благодаря случайности.

Дело в том, что один из лучших английских археологов еще до Винклера добился у турецкого правительства разрешения начать раскопки в Богазкёе, городе, открытом Тексье. Однако в это время бряцавший оружием германский император Вильгельм II был с турецким султаном Абдул Гамидом II в лучших отношениях, чем английский король Эдуард VII. Политическая дружба имела экономическую основу. В 1899 году Немецкий банк получил концессию на строительство Багдадской железной дороги, одного из величайших в мире проектов железнодорожного строительства. Нужно ли удивляться тому, что фирман, позволявший копать в Богазкёе, был отдан немцу, а не англичанину? Это разрешение было дружественным жестом султана по отношению к германскому императору, весьма благосклонно относившемуся к археологии.

Глава 3

ВИНКЛЕР ВЕДЕТ РАСКОПКИ В БОГАЗКЁЕ

Споры вокруг хеттской проблемы обострились. Изучая сегодня события прошлого, мы легко можем выделить суть дела, которая стала очевидной лишь в наши дни. В путанице же разноречивых и ошибочных толкований раннего периода исследования эта сущность оставалась скрытой.

Для того чтобы показать, каково было положение вещей примерно в 1907 году, приведем высказывание человека, которому предстояло вскоре сделать важные

открытия. В декабре 1907 года Гуго Винклер писал в тридцать пятом номере «Известий Германского восточного общества»:

«Наряду с памятниками чисто малоазиатской или хеттской культуры тем временем стали известны также материалы, доказывавшие сильное влияние Вавилона и на эти страны. Благодаря случаю почти одновременно с документами Эль-Амарны были найдены глиняные таблички с клинописью в Малой Азии, причем оказалось, что место их находки — курган Кюльтепе у деревни Караююк, расположенный примерно в трех часах езды к востоку от Кайсери. Трудные для понимания и бедные по содержанию таблички все же доказали влияние на Малую Азию культуры стран клинописи и, таким образом, явились желанными свидетелями этого влияния наряду с теми немногими малоазиатскими письмами фараону, которые были найдены в Эль-Амарне. Там было лишь несколько малозначительных писем царя хеттов Суппилиумаса, а также два других письма, содержащих больше загадок, чем объяснений.

Это было, во-первых, послание Аменофиса III царю Арцавы Тархундараусу, из которого можно было заключить, что страна Арцава находилась где-то в Малой Азии. Определить ее более точное положение невозможно.

Во-вторых, имелось письмо некоего государя Лапава, который в другом месте назван северным соседом царства Иерусалим и резиденцию которого, следовательно, нужно искать примерно в районе Кармела.

Было совершенно непонятно, как согласовать эти факты и объяснить применение в Палестине, в области, где впоследствии возникло государство Израиль (Самария), языка, который следовало рассматривать как язык страны Арцавы».

Внимательный читатель уже безусловно заметил, что здесь еще раз поднят вопрос, о котором мы вкратце упомянули в начале предыдущей главы, разбирая письма царю Арцавы.

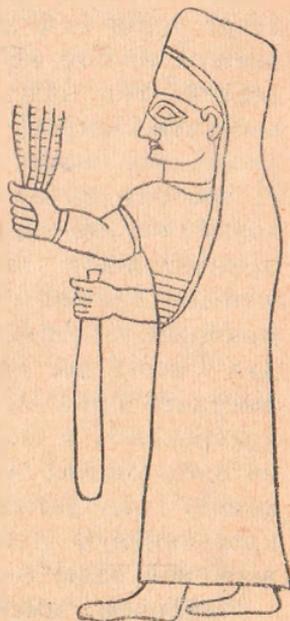
Чтобы читатель лучше понял суть дела, поставим вопрос так: возможно ли, что письма царю Арцавы были написаны на языке хеттов? Посмотрим, как эту проблему решают археологические исследования.

Начиная свою первую экспедицию, Винклер имел перед собой образцовые примеры работы других экспедиций, на которые он мог бы ориентироваться. За несколько лет до него Артур Эванс начал раскопки у Кносского дворца на Крите, несколько раньше Роберт Колдевей вел раскопки в Вавилоне — обе экспедиции были превосходно организованы.

Несмотря на это, Винклер и его сотрудники отправились на первую разведку как новички-любители. Они поехали поездом до Анкары, надеясь там купить все необходимое. Анкара в то время была захолустной степной деревней, собранием глиняных домиков, группировавшихся вокруг древнего крепостного холма (ныне Анкара — столица Турции с 287 тыс. жителей*, бульварами, банками и искусственным озером). Для покупок им понадобилось три дня. С трудом приспособившийся к обстоятельствам, Винклер безмерно страдал от необходимости торговаться. Они не нашли даже хороших лошадей. «То, что служило нам седлами, в Европе бесспорно могло бы претендовать на место в камере пыток».

Затем они отправились в путь. Это было 14 октября — очень позднее время года. Востоковед Винклер воспринимал Восток как нечто враждебное, страдал днем от жары, ночью от холода, болезненно реагировал на мелкие неудобства и бранил всех и вся. Поиски продолжались пять дней.

Ночью путешественники располагались у костра или делали привал в мисафир оде (убежище, приготовленном специально для путешественников) или в небольших населенных пунктах (каждый местный житель обязан в порядке очередности предоставлять чужеземцам

Йрица на Кархемища

* В 1960 году уже было около 400 тыс. жителей. — *Ред.*

приют на один день). Винклер предпочитал останавливаться здесь, чем в ханах, старых караван-сараях, где было слишком много тахта бити — насекомых. Зато в мисafir оде часто приходилось делить помещение со скотом. «Причем, — писал он, — эти существа вполне уживчивы и явно менее противны человеческой природе, чем прочие сожители, проявляющие к людям такое навязчивое расположение, какое я наблюдал только еще у христиан-сирийцев».

В Богазкёе было иначе. Хотя с тех пор как семьдесят один год назад сюда приезжал Шарль Тексье, внешне ничего не изменилось, однако за последние два десятилетия здесь нередко можно было видеть странных чужеземцев, которые, едва появившись, с невежливой поспешностью начинали поиски древних стен. И все они находили одного и того же гостеприимного хозяина в лице крупного землевладельца Циа Бея. Ему принадлежали необъятные земли, но, как представителю древнего сельджукского дворянства, которого мрачный, постоянно преследуемый страхом султан Абдул Гамид все еще боялся, Циа Бейю было запрещено покидать пределы своей провинции. Таким образом, он превратился в полукрестьянина-полуаристократа, ездил на породистых лошадях, всегда сопровождаемый роскошно разодетым телохранителем Измаилом, носил крестьянскую рубашку без ворота, а вместо сапог для верховой езды — домашние туфли.

Впрочем, именно он отправил в Константинополь глиняную табличку, принесенную ему одним из его крестьян. Там ее увидел Макриди, а благодаря ему на нее обратил внимание и Винклер.

Итак, Циа Бей приветствовал путешественников. Им, как благородным иностранцам, принесли шелковые матрацы. Винклер рассказывает, что Макриди первый вскочил, чтобы почесаться. Винклер потребовал новые постели. Радостно оживленные слуги — какая неисчерпаемая тема для разговоров: мужчины, взволнованные укусами нескольких насекомых, — принесли другие постели, не менее населенные.

Несмотря ни на что, 19 октября началась работа. Винклер и Макриди обследовали развалины. Они шли теми же дорогами, что и Тексье, а вслед за ними все

другие путешественники; но сейчас они искали нечто определенное, а именно — место, где были найдены таблички со странными знаками.

Когда мужчины в Богазкёе поняли, что именно иностранцы на этот раз ищут, они начали с готовностью приносить черепки глиняных табличек, не видя в них ничего ценного. Прогоняя овец вдоль большой древней стены, местные жители, наверное, кидали в пытавшихся отбиться от стада животных такими вот глиняными черепками — их много валялось вокруг. Винклер и Макриди работали с утра до вечера. Они обошли основное место находок и обнаружили, что там, где, по сообщениям местных жителей, были найдены особенно большие куски табличек с письменами, уже кто-то занимался раскопками.

«Это нас, однако, ничуть не огорчило», — пишет Винклер. Всем было ясно, что здесь производились лишь непланомерные, поверхностные исследования. Ученый с удовлетворением отметил, что его предшественник слишком рано пал духом. Винклер предчувствовал, что стоит на пороге великого открытия. Ибо, когда его группа после трехдневных интенсивных поисков была вынуждена прервать свою исследовательскую поездку (захваченные врасплох периодом дождей, люди не могли бы пробраться домой через заболоченную равнину), она везла с собой не менее тридцати четырех тщательно упакованных обломков хеттских глиняных табличек. По сравнению с обычным опытом археологов, для которых одна табличка уже может представлять собой значительную находку, это была огромная, сенсационная добыча. Однако Винклер догадывался, что ему удастся найти здесь еще большие сокровища. Описывая обратный путь и постоянный двор в Иезезкее, он, который обычно лишь ворчал и не обращал ни малейшего внимания на дикую красоту анатолийского пейзажа, записал, что ему не спалось и он ночью вышел на улицу, чтобы строить планы на будущее и... смотреть на звезды.

Прошло меньше года, и Винклер нашел то, о чем никто не смел и мечтать.

Экспедицию 1906 года финансировало Переднеазиатское общество и Берлинский восточный комитет. Не-

сколько меценатов предоставили в ее распоряжение частные средства.

17 июля Винклер и Макриди снова прибыли в конак Циа Бея — на сей раз как старые знакомые.

«Мы поддерживали с Беем дружеские отношения — он обращался к нам с просьбами, начиная от бутылки хорошего коньяка и кончая помощью при временных денежных затруднениях. За это и он со своей стороны оказывал нам услуги. Благодаря его авторитетному воздействию удалось легко уладить забастовку рабочих — небольшие дружеские услуги на Востоке вполне окупаются!»

Исследователи разбили свою рабочую палатку у подножия крепостного холма (Бююккале). Болезненный Винклер страдал от жары и от плохой еды, приготовляемой ему болгарским поваром (которого наняли, потому что он немного говорил по-немецки). Ученый сидел на корточках в шалаше, с платком на шее, в шляпе, в перчатках и, страдальчески морщась, списывал тексты с непрерывно доставляемых ему глиняных табличек.

Тот факт, что Винклер, ведя раскопки, имел возможность тут же на месте извлекать научные сведения из своих находок, был совершенно необычным обстоятельством. Во-первых, археологи лишь в редких случаях являются и филологами. Во-вторых, случилось так, что здесь, в Богазкёе, впервые оказалось возможным прочесть значительную часть политической корреспонденции еще неизвестного народа в момент ее открытия!

Дело в том, что хетты Богазкёя составили часть своих важных документов и писем на общепринятом дипломатическом языке тогдашнего Востока, на аккадском (давно известном исследователям). Для записей они пользовались не менее распространенными письменами, а именно — вавилоно-ассирийской клинописью (уже расшифрованной).

В один прекрасный день Винклеру попала в руки именно такая табличка, которую он расшифровал и которая его, этого больного и угрюмого человека, впервые заставила заговорить в совершенно ином тоне. Чтобы понять, какой текст мог поразить такого человека, как Винклер, надо вспомнить следующее: в числе памятников и надписей, давших ученым первые представ-

ления о народе «хатги» (или «хета») еще до того, как были начаты систематические раскопки, имелись также египетские иероглифические надписи, например надпись на стене храма Карнака. Она сообщала о договоре между великим Рамсесом и царем хеттов Хаттусилисом III (в то время читали Хатазар, Винклер пишет Хаттусилис). В древнем мире, как и теперь, договоры составлялись почти всегда на языках всех участвующих в договоре стран. Но трудно было ожидать, что спустя три тысячи сто лет удастся найти длинное письменное сообщение об этом договоре, причем высеченное не на камне, как в Египте, а на ломких глиняных табличках, у другого участника договора, на расстоянии двух тысяч километров от каменной надписи.

Однако случилось именно так!

Тем самым эта находка вошла в число тех археологических открытий, которые граничат с чудом, как открытие Шлиманном Трои на основании сообщений Гомера, находка Лайардом «Нимруда». Но больше всего это происшествие своей неправдоподобностью сходно с успехом Георга Смита, который в начале семидесятых годов отправился из Лондона в Ниневию, чтобы найти несколько недостающих глиняных табличек для пополнения Гильгамешского эпоса, — и нашел их. Теперь понятно, что Винклер, далекий от сантиментов и большой человек, внезапно проявил в своих записях такую инсайтацию. «20 августа, примерно после двадцатого дня раскопок, пролом, проложенный в гальке горного склона, достиг первой стены. Под ней была обнаружена хорошо сохранившаяся табличка, одним своим внешним видом производившая многообещающее впечатление. Только взглянув на нее, я понял, что все, что мною сделано в жизни до сих пор, — ничто. Здесь был текст, увидеть который можно было только мечтать. Рамсес писал Хаттусилису об их двустороннем договоре. Правда, за последние дни было найдено много обломков табличек, в которых шла речь о договоре между обеими странами. Однако вновь найденная табличка удостоверила, что знаменитый договор, известный по иероглифической надписи на стене храма Карнака, действительно получил свое толкование и от другого участника договора. Рамсес, наделенный точно теми же титулами

и происхождением, что и в тексте договора, высеченного на скале, пишет Хаттусилису, обозначенному так же, и содержание письма дословно совпадает с параграфами договора».

Далее Винклер сообщает: «Именно у меня чтение этого документа должно было вызвать своеобразные чувства. Восемнадцать лет прошло с тех пор, как я в музее в Булаке ознакомился с письмом царю Арцавы из Эль-Амарны и в Берлине изучил язык митанни. Исследуя факты, открытые благодаря находке в Эль-Амарне, я тогда высказал предположение, что договор с Рамсесом также, по-видимому, первоначально мог быть составлен в клинописи. И теперь я держал в руках одно из писем, написанных по этому поводу, в прекрасной клинописи и на хорошем вавилонском языке!»

Было необходимо произвести в следующем году еще более обширные и более тщательно подготовленные раскопки. Ибо уже в этом, 1906 году Винклер пришел к убеждению, что обнаружил в своих раскопках не просто один из многих хеттских городов, но что он находится на территории древней столицы империи хеттов.

Здесь было слишком много документов государственного значения — разве не хранился обычно государственный архив в резиденции царя? И разве резиденция царя не являлась, как правило, в то же время столицей страны? Но как назывался этот город? Известна часто встречавшаяся древневосточная особенность — название столицы совпадало с названием страны. По-видимому, можно было — и Винклер сделал это — из названия «страна Хатти» вывести название «столица Хатти».

Винклер был прав.

Если мы теперь считаем, что этот город, могуществом равный некоторое время Вавилону и Фивам, назывался Хаттусас, то это лишь новое толкование, основанное на более совершенных филологических знаниях.

Винклеру действительно удалось с первых же шагов обнаружить сердце и мозг Хеттского царства. Запись, сделанная им в 1907 году, выражает его уверенность в том, «что вновь открытый архив на долгое время даст работу не одному ученому».

Рельеф из Телль-Халафа. Вероятно, хеттско-хурритское изображение вселенной: полулюди-полубыки, демоны преисподней поддерживают звезды и диск солнца, соединяют землю и небесный свод

Он сам продолжал раскопки, которые в следующем году оказались еще плодотворнее, чем в первом, — при неблагоприятных условиях. И по сей день в Богазкёе успешно ведутся раскопки. Не удивительно, что Винклер отныне чувствовал себя тесно связанным с Богазкёем.

Однако в XX веке археологические исследования перестали быть делом только энтузиазма. Давно прошли времена раскопок, проводившихся искателями приключений (Лайард, который отправился в путь в 1845 году, имея в кармане шестьдесят английских фунтов, и открыл Ниневию, Бельцони, который начиная с 1817 года вскрывал царские гробницы).

Чтобы продолжать раскопки, Винклеру необходимо было достать деньги. Он вынужден был обратиться за

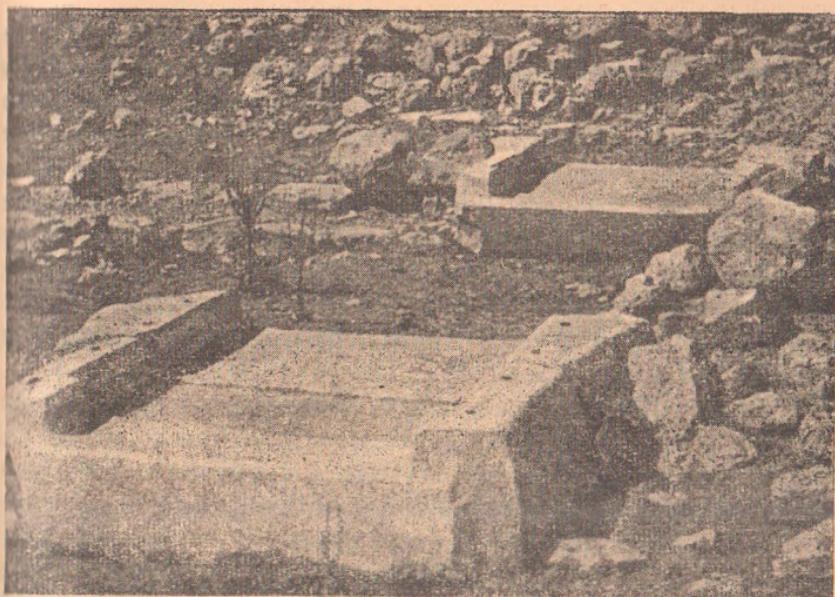
помощью к коллегам с классического факультета к которым он как панавилонист питал неприязнь. Директором Германского археологического института в Берлине был в то время Отто Пухштейн, прямая противоположность Винклеру, человек светский, джентльмен среди немецких археологов, при этом выдающийся ученый. По-видимому, ему было не чуждо чувство юмора, ибо, выслушав планы Винклера, он, хотя и выразил сожаление, что институт не в состоянии на собственные средства организовать такую экспедицию (в важности которой он ни минуты не сомневался), но одновременно изъявил готовность заинтересовать этим вопросом знакомого ему мецената. Однако он выдвинул условие, чтобы Винклер сам вел переговоры с меценатом по решающему денежному вопросу. Достопримечательная встреча состоялась незамедлительно. И вот встретились страстный антисемит Винклер и еврейский банкир Джеймс Симон. Сведениями об этих кратких переговорах мы обязаны Людвигу Куртиусу, хотя он при них не присутствовал и не называет источника информации.

«Джеймс Симон спросил его, какая сумма нужна для продолжения раскопок. Винклер ответил: три тысячи марок. В ответ Джеймс Симон вытащил из кармана чековую книжку, выписал чек и с улыбкой протянул просителю.

Для своего участия в экспедиции Пухштейн получил ту же сумму из личного фонда кайзера».

Пухштейн по праву, с одной стороны, за свою помощь, с другой — в интересах археологии в целом, поставил условием, чтобы работы в Богазкёе распространились также и на архитектуру. Это было вполне законное желание. Еще со времен Тексье было известно, что Богазкёй — сооружение городского типа с развалинами храмов и руинами крепостей. Никто не отрицал важности дальнейшего исследования надписей, но что и изучение архитектуры не менее важно, было очевидно для каждого, кто не был таким фанатично односторонним искателем древних надписей, как Винклер.

Винклер согласился с предложениями Пухштейна, но эта договоренность имела весьма неблагоприятные последствия.

Два цоколя ворот большого храма в Богазкёе

Экспедиция 1907 года, как и предыдущая, началась в конаке Циа Бея, на этот раз праздничным обедом в селамлике, большой комнате, стены которой были обтянуты шелком. Чужеземцы опустились на драгоценные ковры между хозяином и имамом (священником и судьей) — единственным гостем из числа местных жителей. Появились мальчишки, омыли им руки и обрызгали благовонными эссенциями. Были поданы лакомства и лимонад. Затем слуги вкатили в столовую двухметровый медный поднос, уставленный деликатесами. И Куртиус, присутствовавший теперь в качестве ассистента, записал: «Поднос был покрыт изречениями из Корана на куфском языке XV столетия».

Гости взялись за ложки (ножей и вилок не было) и начали есть первое блюдо — молочный суп. Но предоставим слово Куртиусу: «Длина меню испугала нас. Закон восточного гостеприимства обязывает гостей есть очень много. При этом не помогают никакие увертки из скромности или ссылки на желудочное заболевание. Бей собственноручно накладывал кушанья своим гостям. После первой пробы все блюда показались вкусными,

однако применение большого количества жира, смесь незнакомых нам пряностей, нагроможденные на наших тарелках кушания, а главное, еда голыми руками, принятая еще за столом Людовика XIV в Версале, доставили нам большие неприятности. Напоследок был подан уставленный во весь рост на огромном блюде зажаренный на вертеле баран из разводимой в тех краях породы курдючных овец. Кто бы мог описать мой ужас, когда Бей правой рукой вырвал огромный кусок сала у хвоста животного и в знак особого расположения положил на мою тарелку.

Рядом с Беем стоял повар, который должен был пробовать каждое появляющееся на столе блюдо, чтобы мы не опасались отравления. Пока мы обедали, за стулом Бея, не смея произнести ни слова, смиренно и униженно стояла группа человек в двенадцать — его родственники мужского пола и низшее духовенство, — которых должны были угощать после нас, так же как гостей, но гостей низшего ранга.

На десерт было подано замечательное печенье. Затем слуги снова обошли гостей с тазом, кувшином и полотенцем и мыли каждому руки. Мы встали, и великолепный медный поднос, служивший столом, выкатили...»

Прием был вполне в стиле Гаргантюа. Однако следует спросить, чего достигла так торжественно встреченная экспедиция? Чтобы не высказать задним числом превратных суждений, лучше всего и в дальнейшем предоставлять слово участнику экспедиции Куртиусу. Он, пожалуй, свидетель добросовестный. Кроме того, не говоря уже о его чисто человеческих качествах, он как «классический» археолог беспристрастен, а сотрудником Винклера был лишь несколько месяцев.

Куртиус рассказывает:

«Винклер ни малейшего участия в самих раскопках не принимал. Он целый день сидел в своем кабинете и, стараясь возможно скорее получить общее представление о поступавших ежедневно в большом количестве клинописных глиняных табличках, быстро прочитывал текст. Макриди отнюдь не считал своим долгом сообщать нам что-либо о происхождении или способе нахождения табличек. Его доверенным лицом и чем-то вроде

старшего надзирателя над рабочими был молодой, длинный, как жердь, красивый курд по имени Хассан, одетый в коричневый национальный костюм. Однажды я заметил, как он с корзиной и киркой отправился утром из нашего дома, выстроенного на середине склона, где велись раскопки, к большому храму, расположенному на равнине. Я последовал за ним, желая посмотреть, что он там делает, и увидел в одиннадцатом отсеке большого храма аккуратно сложенные ряды расположенных наклонно хорошо сохранившихся глиняных табличек. Курд, действуя, как крестьянка, которая выбирает картошку со своего поля, быстро отделил столько табличек, сколько мог уместить в своей корзине. С этой добычей он вернулся в наш дом, передал ее Макриди-бею, который, торжествуя, вручил все Винклеру. Мне было досадно, что раскопки на этом важнейшем участке велись исключительно курдом Хассаном. Но к моей просьбе разрешить помочь ему и взять и на себя обследование места находок, чтобы выяснить наличие керамики, Макриди отнесся отрицательно. Согласно контракту, заявил он, мне там делать нечего. О раскопках глиняных табличек он-де доложит сам. Об этом так никогда и не сделал. Однако точно сохранившееся в моей памяти правильное, рядами, расположение табличек противоречит объяснению Пухштейна, будто они попали на это место, как нагромождение обломков. Их положение при находке можно объяснить, лишь предположив, что они хранились в архиве, первоначально находившемся непосредственно над этим подвальным складом, и во время пожара сползли вниз. Макриди тогда обещал мне только разрешить просматривать ежедневную добычу курда в поисках черепков паз, которые, возможно, будут найдены вместе с глиняными табличками. Однако именно с теми табличками никаких черепков найдено не было, что также свидетельствует не в пользу теории нагромождения обломков».

Подобные методы раскопок противоречат элементарным научным требованиям, самым примитивным правилам археологических исследований. Винклер и Макриди действовали не менее грубо, чем Шлиманн во время своих первых раскопок Трои, за которыми, однако, имел

возможность наблюдать такой ученый, как Дерпфельд. Куртиус же мог только ужасаться. Он был слишком молод, чтобы авторитетно вмешиваться. Здесь важнейшие находки сваливались в одну кучу, связь отдельных предметов с их окружением установить было невозможно, глубина залегания пластов не записывалась. Никто бы не мог уже сказать, где найдено это множество глиняных табличек — в замке или в храме. Предметы, по всей вероятности, связанные друг с другом, беспорядочно разъединялись.

И тем не менее место находок попросту было таким богатым, что каждый в конце концов приходил в восторг. В общей сложности Винклер нашел более десяти тысяч фрагментов глиняных табличек, в том числе очень много прекрасно сохранившихся. Это была самая большая добыча археологических раскопок после находки библиотеки глиняных табличек царя Ашурбанипала в Ниневии и архива Эль-Амарны. Однако и археологи — специалисты по древней архитектуре — тоже не остались в накладе. Живя здесь, рядом с царями, сфинксами и львами, часами вышагивая вдоль длинейших городских стен, они впервые получили примерное представление о могуществе Хеттской державы, впервые им открылись и основные черты культуры этого народа, «самобытной, оригинальной и дикой». «Наблюдаемое в Богазкёе несколько напыщенное, исполненное фантазии, хотя и нескладное и несколько варварское, величие своей свежестью постоянно напоминало микенскую культуру Греции...»

Это было смелое, а для тех, кто еще не видел хеттских построек и едва слышал о них, также и неожиданное сравнение, особенно в то время, когда микенские развалины считались наиболее грандиозными останками недавно открытой европейской ранней истории.

На самом высоком месте увенчанной башнями городской стены, у подножия облицованного плитами склона насыпи, была обнаружена так называемая потерна, семидесятиметровый туннель, соединявший внутреннюю часть города с территорией перед ним. Когда после неудачной попытки проползти сквозь него, с большим трудом ученые очистили его от грязи и щебня тысячелетий и впервые прошли по нему, выпрямившись во

весь рост, они испытали такое волнение, что, вспоминая об этом, Куртиус почти пятьдесят лет спустя писал:

«После того как мы очистили его, наступил как бы день его второго открытия. И когда мы, торжественно выпрямившись во весь рост, прошли по нему, впервые после больше чем трехтысячелетнего перерыва, мы этим чувствовали не себя, а того неизвестного великого строителя, который создал это величественное сооружение».

В 1907 году Винклер опубликовал свои предварительные сообщения о результатах раскопок и первых чтений текстов глиняных табличек. В них был приведен, между прочим, первый и, конечно, еще неполный список царей хеттов, охватывавший примерно 1350—1210 годы до н. э. от Суппилулиумаса до Арнувандаса IV. Винклер дал обоснованную фонетическую транскрипцию имен этих царей в противовес предположительной, предложенной египтологами. Например, он поправил Сапалулу на Суппилулиумаса, Мавразара на Мурсилиса. «Эта невзрачная с виду брошюрка, — говорилось много времени спустя в рецензии специалиста, — навсегда вошла в число наиважнейших трудов по истории Древнего Востока!»

В том же году по Сирии и Анатолии путешествовал молодой английский археолог Джон Герстанг, которому тогда было тридцать один год. Он вел раскопки в Сакье-гёзү и посетил Винклера в Богазкёе, проявив к его работе большой интерес. Три года спустя он опубликовал в Лондоне книгу «Страна хеттов» — сообщение о новых раскопках и открытиях в Малой Азии, снабженное описанием хеттских памятников, картами и планами, девяносто девятью фотографиями и библиографией. После гипотетических сочинений Райта и Сейса этот капитальный труд в четыреста страниц представлял собой первую серьезную попытку на основании документов и памятников воссоздать широкую панораму Хеттского государства.

Эта книга на протяжении многих лет оставалась непревзойденным трудом в области хеттологии. Иначе и быть не могло, так как число текстов, составленных на понятном аккадском языке и написанных в поддающейся чтению вавилоно-ассирийской клинописи, было очень ограничено. При тогдашнем состоянии науки археоло-

ги хотя и могли предлагать все новые памятники, но не имели возможности правильно их толковать.

Винклер сам еще раз, в 1911—1912 годах, вел раскопки в Богазкёе. Он тогда был уже смертельно болен, и его постоянно сопровождала медицинская сестра, ко-

Мифическое животное из Кархемиша

торую он из-за усложностей, распространенных среди местных жителей, вынужден был выдавать за жену. Д. Г. Хогарт, К. Леонард Вулли и Т. Е. Лауренс в 1911—1914 годах вели раскопки на Сирийской границе, в Кархемише. Глиняные таблички Винклера были доставлены в Берлинский музей, трофеи раскопок в Кархемише — памятники и иероглифические надписи — в Британский музей, большая их часть позже попала в Анкару.

Однако к этому времени дальнейшие исследования застопорились. Что-то должно было произойти. Следовало взглянуть на все под новым углом зрения. Но разве не существовало такой возможности? Разве не представлялось неизбежным, что теперь инициатива должна была перейти от археологов к языковедам?

Винклер расшифровал много глиняных табличек из архива Богазкёе, но очень много еще оставалось неразгаданных — составленных на неизвестном, непонятном языке арцава, т. е. на хеттском. Сама собой напрашивалась мысль искать недостающие сведения именно в хеттских текстах, иначе говоря, дать объяснение хеттам через хеттов.

В завещании Винклера, скончавшегося в 1913 году, имелись некоторые указания на то, что он много лет

работал над расшифровкой хеттской клинописи. Однако никаких рукописей найти не удалось.

Потом началась первая мировая война. Раскопки были сразу же прерваны (только некоторые турецкие ученые продолжали работать в отдельных местах, однако бессистемно и малоуспешно). Прервалось также многолетнее плодотворное трудовое содружество английских и немецких ученых — между Берлинским и Британским музеями стояли пушки. Поневоле пришлось перенести исследования с полей раскопок в кабинеты ученых.

Именно в кабинете ученого и произошло открытие, которое помогло молодой науке хеттологии расширить исторические горизонты, — расшифровка, вернее сказать, открытие языка хеттской клинописи.

II

ТАЙНА НАДПИСЕЙ

Глава 4

ОБ ИСКУССТВЕ ДЕШИФРОВКИ

В древней истории и археологии нет ничего более загадочного, чем искусство «черной магии», чтения надписей, пролежавших под землей тысячелетия. Люди, начертавшие эти письмена, принадлежали к народу, который вымер очень давно и с которым нас не связывает ни расовая общность, ни даже историческая преемственность.

Объяснение основных принципов «черной магии» при всем желании нельзя сделать развлекательным чтением, оно требует от читателя особой сосредоточенности. Поэтому я советую нетерпеливым, тем, кто спешит узнать о судьбах хеттов, пропустить четвертую и пятую главы и вернуться к ним позднее. Тем же, кто не боится известного напряжения, мы предлагаем следовать нашему изложению.

Существуют различные аспекты дешифровки — об этом нельзя забывать. Например, латынь — давно

мертвый язык, но и сейчас мы пользуемся письменностью этого языка, каждый может прочесть надписи на римских триумфальных арках, которым насчитывается по две тысячи лет. А многие могут не только прочесть, но и понять их. Латынь как разговорный язык исчезла вместе с Римской империей, но как язык науки она продолжала существовать и существует вплоть до наших дней. Это мертвый язык, но он не забыт, и изучение его не прекращается.

К сожалению, такого положения не создалось в отношении большинства языков Древнего Востока.

Археологи прошлого столетия извлекли из песка и праха множество письменных памятников — надписи на камнях и глиняных табличках, печати, деревянные книги и папирусы. Некоторые из этих памятников были написаны знаками, известными ученым, но на непонятном языке. В других случаях, наоборот, было точно известно, на каком языке написан памятник, но знаки письма прочесть было невозможно. И, наконец, среди письменных памятников находили и такие, которые были написаны на непонятном языке и неизвестными знаками. Последняя трудность состояла в том, что это были памятники народа, о существовании которого ничего не знали.

Перед такой тройной загадкой оказался Вильям Райт, когда выломал из стены «Гаматский камень», покрытый незнакомыми ему знаками на незнакомом языке, — памятник неизвестного народа.

Американка Алис Кобер, исследовательница критских надписей, писала об этом еще в 1948 году: «Будем смотреть фактам в глаза — неизвестные знаки неизвестного языка невозможно дешифровать».

Сегодня мы знаем, что камень Вильяма Райта покрыт иероглифами, которыми пользовался народ хеттов. Эти иероглифы почти полностью дешифрованы, и язык хеттов стал почти понятным. Чтобы объяснить, каким образом удалось разгадать эту загадку, начнем с того, с чего и началось исследование хеттских текстов, — с дешифровки непонятных, но поддающихся прочтению клинописных текстов из Богазкёя.

Дешифровка древних надписей имеет примерно пятидесятилетнюю традицию. В обоих классических

случаях успешной дешифровки древних надписей — речь идет об открытиях Георга Фридриха Гротефенда и Жана Франсуа Шампольона — один из компонентов был известен; это служило отправной точкой для исследования.

Гротефенду, который дешифровал клинопись, были известны имена трех знаменитых персидских царей; вначале он мог утверждать это только гипотетически, но при первой же проверке его предположения подтвердились. Таким образом, он получил ключ к дальнейшей дешифровке.

Для Шампольона, прочитавшего египетские иероглифы, таким компонентом был известный ему с самого начала греческий текст. На «Розеттском камне», где высечены надписи на трех языках, он установил тождество упоминаемого в греческом тексте имени Птолемея с группой иероглифических знаков, выделенных в рамке, и таким образом узнал несколько букв, которые дали ему возможность начать дешифровку.

Итак, исходным пунктом исследования как для Гротефенда, так и для Шампольона послужили имена, которые были известны еще в период подготовительной стадии. Это говорит в пользу того, что во всех случаях дешифровку текстов нужно начинать с поисков имен собственных.

Совсем недавно немецкий ученый Эрнст Зитти предложил другой путь. После того как в течение почти пятидесяти лет безуспешно пытались дешифровать древнекритские надписи, он первый соединил математический статистический метод, которым пользуются при дешифровке военных кодов, со сравнительным методом исследования древних языков. Он также считал целесообразным начинать работу с поисков собственного имени. Более успешными оказались, однако, работы по дешифровке критских надписей, предпринятые молодым англичанином Майклом Вентрисом. Вентрис не филолог, а архитектор, специалист по проектированию типовых школьных зданий. Он пошел по классическому пути поисков имен собственных и многого добился.

Все же со времени Шампольона филологам, занимавшимся дешифровкой древних надписей, самыми привлекательными казались двуязычные надписи. Впрочем,

с течением времени методы исследования стали более совершенными: материал, из которого пионеры дешифровки не могли извлечь для себя никаких указаний, современным исследователям позволяет сделать весьма плодотворные выводы. С каждым новым дешифрованным памятником увеличиваются наши знания о сложных взаимосвязях между древними языками. Любопытно отметить, что самое важное открытие в этой области было сделано задолго до первых дешифровок, еще в 1786 году, и не в классических странах ориенталистики, не в кабинетах английских и немецких ученых, занимавшихся исследованием Передней Азии, а в Италии.

Человек, открывший благодаря своему феноменальному знанию языков и филологическому чутью эту взаимосвязь и сделавший самое важное открытие в области филологии, был в то время верховным судьей в Калькутте и в часы досуга гораздо больше занимался собиранием и переводом индусских и мусульманских законов, нежели сравнительным языкознанием. Его имя Вильям Джонс. Он родился в Лондоне в 1746 году, занимался изучением древних языков и древней истории, а затем преподавал ориенталистику (персидский, арабский, древнееврейский языки) в Харроу. Вскоре он оставил эти занятия, так как они не устраивали его материально, и из чисто финансовых соображений принялся за изучение права. Тот факт, что он чрезвычайно быстро сделал блестящую карьеру в новой для него области, — свидетельство его незаурядного ума. Еще одним подтверждением его одаренности может служить то, что он, не занимаясь специально филологией, первый открыл связь между языками, которые мы называем сегодня индоевропейскими (лишь в Германии сохранилось название «индогерманский»). Это, пожалуй, единственное филологическое открытие, которое оказало влияние почти на все области исторической науки.

Индоевропеистика не только способствовала расширению сведений о древней истории вообще, она обогатила наши знания по этнографии (по вопросам крупных переселений и смешения рас), географии древнего мира, социологии (образование и характер индоевропейских общественных форм, семейного права), даже зоологии и ботанике (распространение животных и

растений в раннеисторическое время, распространение первых домашних животных).

Если бы Джонса не перевели в Индию, у него, возможно, не было бы повода подробно изучить санскрит (язык древнеиндийской литературы и науки). Взяв за основу санскрит, он обнаружил в языках скрытый общий скелет, нашел за индивидуальными чертами многочисленных языков их подлинное лицо.

Английский судья в Индии не имел времени подробно обосновать свое открытие, он даже никак не назвал новую отрасль языковедения. Это сделал поколением позже врач Томас Юнг (один из тех, кто дешифровал египетские иероглифы).

Изыскания, начатые Джонсом, продолжались. Расмус Христиан Раск (1786—1832), датский филолог, специалист по древним языкам, вел в высшей степени непрофессорский образ жизни: он путешествовал по всему свету и изучал свою науку прямо на месте. В течение четырех лет он ездил по Персии и Индии.

Затем следует назвать имя немца Франца Боппа (1791—1867). Сорока двух лет он начал огромное исследование, главную часть которого закончил спустя шестнадцать лет. Это была книга «Сравнительная грамматика санскрита, zendского, греческого, латинского, литовского, готтского и немецкого языков». Он применил для сравнительного изучения языков строгий научный метод, его можно назвать Винкельманном* древней филологии. Его выводы в самом упрощенном виде сводятся к следующему: существует группа языков, называемая по территории своего распространения индоевропейской. Словарный запас и способ образования грамматических форм этой группы поразительно сходны, т. е. эти языки родственны. Показателен пример со словом «отец», «vater», которое по-английски звучит «father», по-французски «père», по-испански «padre», по-латыни «pater», по-гречески «pater», по-древнеирландски «athir», по-готтски «fadar», по-древнеиндийски «pita», по-тохарски «pasaq». Чем древнее исследуемые языки, тем разительнее сходство. Таким образом, было

* Иоган Иоахим Винкельманн (1717—1768) — основатель археологии античного искусства. Его основной труд — «История античного искусства» — вышел в свет в 1764 г. — *Ред.*

установлено, что ряд языков, не вызывающих в настоящее время предположения об их сходстве, имеет общий праязык. Чрезвычайно важное значение имело и другое открытие — процесс развития внутри разных языков, в частности, например, изменение гласных, а также окончаний, подчинено определенной закономерности. Соблюдая строжайшую осторожность, стало возможным систематически реконструировать отдельные элементы древнего языка, раз уже было установлено, что это язык индоевропейский.

И так как внутри большой индоевропейской группы языков очень скоро были распознаны мелкие подгруппы, имеющие более близкое родство между собой, то одна лишь географическая или этническая локализация этих языков позволяла сделать дальнейшие выводы. В этом ценность индоевропеистики для исследователей древности. Она, конечно, не дает ключа к дешифровке, но она неоценима в тех случаях, когда необходимо разобратся в словаре, структуре и грамматике фрагментов древнего языка. Естественным, что уделом первых индоевропейцев было лишь презрение. Казалось просто смехотворным пытаться установить родство между афганским и исландским языками, между санскритом и русским, между языком цыган и фризским, между латинским и древнепрусским — родство, которое действительно существует. Это выглядело тем более невероятным, что территория распространения этой группы языков включала в себя область от Индии и Передней Азии до Западной Европы, она была разорвана горными хребтами, пустынями и морями и населена самыми различными расами.

Перед индоевропейцами стоит сегодня еще много проблем (прародина этой языковой группы далеко не локализована; предполагают, что она находится между Юго-Восточной и Центральной Европой). Но самый факт существования такой группы, наличия более отдаленного или более близкого родства между языками внутри нее и совершенно точно доказанной противоположности другим группам языков (хамито-семитской, кавказской, дравидской и баскской) — теперь уже вопрос не дискуссионный; он требует лишь дальнейшего исследования.

Кроме испытанных методов, применявшихся при дешифровке мертвых языков и письменных памятников, еще в прошлом столетии индоевропеистика дала новый ключ при исследовании хеттских глиняных табличек из Богазкёя.

Интересно, что человек, впервые воспользовавшийся ими, был не индоевропеист, а ассириолог, следовательно, он занимался семитскими языками (ассиро-вавилонский язык относится к восточносемитской группе).

Предварительное сообщение является для исследователя тем же, чем патент для изобретателя. Научное открытие запечатлено в документе, и ученому обеспечен приоритет.

В декабре 1915 года в одном из номеров журнала «Доклады Германского общества ориентологии» появилась статья доктора Фридриха Грозного под названием «Решение хеттской проблемы. Предварительное сообщение». Уже в первом примечании автор говорит о причинах, побудивших его срочно сделать эту публикацию: «Учитывая, что война может значительно задержать завершение моей работы и ее публикацию, а также принимая во внимание, что может появиться сообщение других авторов по поводу хеттской проблемы, я решил уже сейчас опубликовать в сокращенном виде вводную главу своего труда в „Докладах Германского общества ориентологии“».

Невероятно, что кому-то удалось в столь короткий срок разгадать тайну хеттских клинописных табличек. Но еще большее, можно сказать, сенсационное, впечатление на ученый мир произвели результаты исследований. Такого результата не ожидал никто!

После смерти Винклера Германское общество ориентологии в Берлине передало весь собранный материал хеттской клинописи из Богазкёя группе молодых ассириологов для приведения его в порядок и транскрибирования. В этой группе обратили на себя внимание два человека, резко противоположные по характерам: серьезный, медлительный немец Эрнст Ф. Ве́днер и подвижный, очень способный чех Фридрих (Бедрих) Грозный, родившийся в 1879 году в Польше.

Грозный приступил к решению проблемы, обладая феноменальными знаниями и огромной научной сме-

лостью. Он отверг все ранее утвердившиеся мнения и не искал подтверждений тому, что предсказывали другие: он решил не отступать перед неожиданностями и подвергать все исследования самой тщательной проверке, даже в том случае, если бы его выводы противоречили всем положениям, выдвинутым до него.

От него самого мы знаем, что в начале работы он понятия не имел о том, какой язык ему предстоит прочесть. Не наша задача подробно описывать весь процесс исследования, проделанного Грозным, вплоть до дешифровки. Это значило бы разделить с ним его занятия, изучить языки, которыми он владел. Описать достоверно какую-либо дешифровку вообще было бы невозможно, если бы в истории подобных открытий не было кульминационного момента, когда бесконечные размышления, бесчисленные эксперименты приводили к возникновению единственно решающей мысли. И эта мысль, с кристальной ясностью раскрывающая принцип правильного метода, в большинстве случаев очень проста.

Исходными моментами исследования Грозного были, во-первых, установление собственных имен, а во-вторых, оказавшее ему большую помощь открытие, что в хеттских текстах содержатся так называемые идеограммы.

Вавилонско-ассирийское клинописное письмо в наидревнейшей своей форме, как и всякое другое письмо, было письмом изобразительным. Лишь позднее из него развилось слоговое письмо. И в этом письме сохранилось еще большое число прежних изображений. Хетты черняли такие идеограммы, и их, конечно, могли «прочесть» (в данном случае это означает «понять») исследователи, знавшие клинопись, хотя сам язык оставался им неизвестным.

Чтобы разъяснить это, приведу пример.

Встречая в английском, немецком и французском текстах цифру десять, мы понимаем ее, даже если владем только английским; то, что француз называет эту цифру «dix», немец — «zehn», не мешает нашему пониманию.

Таким способом, при помощи идеограмм, Грозный прочел слова «рыба» и «отец».

Затем, пробираясь ощупью от слова к слову, от формы к форме, проделывая изо дня в день изнурительную, кропотливую работу, он открыл однажды (исходя лишь из изменения формы слов, не понимая еще значения всего выражения), что грамматические формы в хеттском языке (особенно причастные) типичны для индоевропейской группы языков.

Это открытие внесло полное смятение.

Существовал уже ряд теорий по поводу хеттского языка. За исключением лишь одного ученого (который отказался от своей гипотезы), никто не высказывал предположения, что хеттский язык принадлежит к индоевропейской группе. Никто и не мог его высказать, ибо предположение, что в середине II тысячелетия до н. э. в глубине Анатолии властвовали индоевропейцы, противоречило всем результатам исследований истории Передней Азии.

Не удивительно поэтому, что у Грозного были основания не доверять своим выводам. Он считал, что обнаруженные им языковые явления — случайность, и поэтому с большой осторожностью, даже предубеждением, отмечал те признаки, которые указывали на принадлежность этого языка к индоевропейской группе.

Но вот настал день, когда Грозный был сам испуган смелостью собственной гипотезы и сказал себе: если я прав в толковании этой строчки, то это переворот в науке.

И так как характер языка в его предложении был совершенно ясен, то филолог должен был сделать лишь один вывод — высказать то, что стало для него очевидным, хотя это и доказывало абсурдность взглядов всех историков — исследователей древнего мира.

Вот текст предложения, которое привело Грозного к такому выводу: «*nu NINDA-anezzattēni vâdar-ma ekutteni*». В предложении было только одно известное слово NINDA — «хлеб», понятное из шумерской идеограммы.

Грозный решил, что в предложении, где речь идет о хлебе, может быть и слово, обозначающее «есть» (конечно, «может быть», а не «должно быть»). Так как к этому времени у него уже были в избытке доказательства принадлежности хеттского языка к индоевро-

нейской группе, он сопоставил, не желая упускать ни одного эксперимента, несколько индоевропейских выражений со значением «есть». Может быть, найдется среди них слово, сходное по звучанию с хеттским. «Есть» по-латыни «edo», по-английски «eat», по-древневерхне-немецки «ezzan». Когда Грозный написал древневерхне-немецкое слово, означающее «есть», он понял, что находится на верном пути. «Ezzan» — этот глагол содержался в слове «ezzatteni» хеттского предложения.

Следующее очень важное слово хеттского предложения, которое буквально взывало к сопоставлению с языками индоевропейской группы, было слово «vâdat». В сочетании с хлебом и едой оно могло означать какой-то продукт питания. Однако Грозный записал английское слово «water», немецкое «Wasser», древнесаксонское «watar» и перевел (мы не будем приводить здесь сложные грамматические сопоставления, которые помогли понять смысл этого словосочетания): «Теперь ты будешь есть хлеб, а затем ты будешь лить воду» («Now you will eat bread, further you will drink water»).

Такое чтение предложения было сенсационным подтверждением того, на что намекал норвежский ориенталист Кнутсон еще в 1902 году, но от чего он потом, осмеянный специалистами, отказался: хеттский язык — язык индоевропейский!

И не только это!

Поскольку на основании археологических данных возникновение текстов из Богазкёя можно отнести к XIV и XIII векам до н. э., поскольку, кроме того, было основание утверждать, что многие из текстов представляют собой списки с гораздо более древних документов, предположительно XVIII века до н. э., то Грозный имел право заявить: «Я дешифровал один из древнейших, возможно самый древний индоевропейский язык, который по возрасту может соперничать с древнейшими частями Ригведы (индийских книг мудрости), начало возникновения которых относится к середине II тысячелетия до н. э.».

24 ноября 1915 года он читал доклад о своем исследовании перед членами Берлинского общества по изучению Передней Азии. Спустя месяц доклад был напечатан. Однако работа, где приводится сама дешиф-

ровка текста, появилась лишь в 1917 году в Лейпциге под названием: «Язык хеттов, его структура и принадлежность к индогерманской семье языков».

Автор начинает предисловие следующими словами: «Настоящая работа ставит своей целью определить характер и структуру до сего времени загадочного языка хеттов, дешифровать язык этого народа». А затем с уверенностью в правильности своих выводов добавляет: «Из этого выяснится, что хеттский язык в основном является языком индогерманским».

Действительно, на двухстах сорока шести страницах своей книги Грозный дал самую полную из существовавших когда-либо дешифровку мертвого языка. Здесь почти не было гипотез и предположительных толкований. Здесь были изложены только выводы. И здесь же Грозный расквитался со своими противниками. Незадолго до завершения труда Грозный нашел в библиотеке Венского университета недавно появившуюся книгу своего соперника Вейднера «Очерки хеттского языкознания».

В приложении к книге Грозный отмечает, что Вейднер, «который, видимо, с лета 1915 года пересмотрел свои взгляды», признает, что нельзя более отрицать наличие «известных элементов арийского в хеттском языке». Грозный объясняет эту перемену во взглядах Вейднера знакомством последнего с его собственной статьей — «Предварительным сообщением». В одном из примечаний Грозный, не обвиняя Вейднера прямо, дает понять, формулируя соответствующим образом вопросы, что Вейднер довольно бесцеремонным образом заимствовал некоторые его выводы, «не упоминая по возможности его имени».

Такие враждебные выпады неприглядны, но понятны. При этом взгляды Вейднера в то время, когда все еще топтались на месте, не были лишены основания. Грозный должен был признать, что хеттский язык содержит и чужеродные, очевидно кавказские, элементы. С одной стороны, он говорит: «Настоящая работа Вейднера, с точки зрения хеттологии, должна быть признана в целом, к сожалению, неудовлетворительной». Но, с другой стороны, он вынужден добавить: «Работа эта тем не менее небезынтересна». Вейднер с «точки зре-

ния ассириологии» способствовал «в некоторых случаях более полному пониманию слов, чем это имело место в прежних исследованиях».

Впрочем, бессмысленно останавливаться подробно на этих спорах. Гораздо важнее для нас процитировать мнение нестора исследователей древнего мира — Эдуарда Мейера, которое он высказал во введении к книге Грозного: «Ни одно из тех интереснейших открытий, которые во всех направлениях расширили и углубили наши знания о древнейшей истории и культуре человечества, возникших на основе раскопок, принятых Германским обществом ориентологии, не может по значению и масштабам сравниться с открытием, которое публикует здесь господин профессор Грозный».

Не только археолог, извлекающий на свет золотые сокровища и мумии мертвых царей, может пережить полную минуту, когда будто чудом оживает прошлое. Это может испытать и человек, сидящий за письменным столом, когда, размышляя над каким-то предложением в тексте, он вдруг ощущает дрожь, вызываемую обращением, как бы направленным к нему из недр могильников.

И в этом не следует видеть одно лишь филологическое педантство. Разве слово «есть», когда оно звучит как призыв, не означает голод? Разве слово «вода», произнесенное в пустыне, не означает жажду?

Каков же исторический процесс, когда через три тысячи лет крик истомленного жаждой хетта понятен как фризу, обитающему сегодня на берегу Северного моря, так и пенсильванцу-голландцу, живущему на восточном побережье Америки!

Глава 5

ГОВОРИЛИ ЛИ ХЕТТЫ ПО-ХЕТТСКИ?

Расшифровка хеттского письма, сделанная Грозным, дала возможность прочитать вторую часть государственного архива из Хаттусаса. Напомним еще раз: часть бесчисленных глиняных табличек, обнаруженных при раскопках в Богазкёе в 1906—1912 годах, оказа-

лось возможным расшифровать на месте. С этой работой справился Винклер, так как государственные записи хетты вели на заимствованном языке, а именно на дипломатическом языке того времени, аккадском (который уже давно прочитан), и вавилоно-ассирийской клинописью, расшифрованной несколькими десятилетиями ранее.

Однако другая часть, которая была написана хеттами также заимствованной клинописью, но на их собственном языке, была прочитана Грозным только теперь. Закон и право, религия и медицина, деяния королей и народов, обычаи и нравы находили свое выражение на языке самого народа.

Не должна ли была история народа предстать теперь в более ярком свете?

Конечно. Но едва только появилась расшифровка Грозного, как возникли новые проблемы, а с ними и новые дискуссии.

Прежде всего крайне недовольными оказались историки, занимавшиеся древностью. Утверждение о том, что индоевропейцы господствовали в Малой Азии, никак не соответствовало существовавшим концепциям. Не без насмешки историки спрашивали филологов, откуда же тогда должны были прийти индоевропейцы. Это был вопрос, заданный по неверному адресу, так как на него могли ответить лишь сами историки.

Затем в спор против дешифровщиков хеттских писем вступили индоевропейцы. И это было неизбежно, ибо Грозный, который сам не был индоевропейцем, в лихорадке открытия во многих случаях дал увлечь себя на скользкий путь спорных научных допущений, особенно в том, что касалось родства слов. Очевидной была необходимость поправок, что, однако, не умаляло оригинальности его открытий.

Первая поправка была сделана немцем Фердинандом Зоммером уже в 1920 году; она явилась результатом чисто филологической, в высшей степени строгой проверки всех положений Грозного. Работу Зоммера дополнили в многочисленных деталях немцы Иоганн Фридрих и Альберт Гётце. Разработка грамматики была продолжена в 1929 году французом Л. Делапортом, а в 1940 году доведена до ее современного уровня

Иоганном Фридрихом. За его «Элементарной грамматикой хеттского языка» в 1946 году появилась вторая часть, содержащая многочисленные отрывки для чтения в транскрипции, с объяснениями и словарем; а в 1952—1954 годах вышел его большой словарь хеттского языка. Однако Фридрих в предисловии признавал, что эти труды не дают исчерпывающих сведений о словарном составе и особенностях грамматики. Он указывает прежде всего на религиозные тексты, содержащие «многочисленные термины» (Kunstausdrücke), «понимание которых нам пока недоступно и, вероятно, еще долго останется недоступным». Поэтому из осторожности Фридрих часто вместо названия предмета употребляет родовые понятия, как «платье», «печенье», или даже говорит: «имя собственное неопределенного значения». Однако какой смысл имеет все это по сравнению с одной из последних фраз его введения, в которой он, как будто речь идет о самых обыденных вещах, вскользь делает замечание, которое является, пожалуй, наибольшим триумфом дешифровщика: «В некоторых весьма немногих местах были молчаливо исправлены явные описки, сделанные древними писцами, несколько неверных или сдвоенных определений и т. п.».

Описанное нами развитие исследовательских работ не было таким последовательным, как может показаться, если ограничиться лишь перечислением дат. Дело в том, что в 1919 году один швейцарец предпринял то, чем до него пренебрегали, так как никто не хотел вносить дополнительных осложнений, пока существовали проблемы, решение которых представлялось однозначным. Это был швейцарский языковед Эмиль Форрер, который, весьма основательно проделав это усложненное исследование, опубликовал статью «Восемь языков надписей из Богазкёя». Эта небольшая, но в высшей степени содержательная работа начинается прямым утверждением: «Исследование всех фрагментов из Богазкёя показало, что в них представлено не менее восьми языков: помимо шумерского, аккадского, языка, до сих пор называвшегося хеттским, который, как мы сейчас увидим, правильнее называть канесийским, а также праиндийским, — такие языки, как харрийский, протохеттский, лувийский и балайский».

Многообразие языков, установленное Форрером, само по себе не было столь ошеломляющим и сбивающим с толку. Его утверждения были правильны, но вскоре выяснилось, что преобладали два языка, а остальные были представлены лишь фрагментами. Многоязычие является признаком, общим для всякого города мирового значения. Когда-нибудь в развалинах погибшего Лондона натолкнутся на фрагменты китайских надписей, хотя бы на вывесках магазинов китайского квартала. Однако из этого не следует делать вывод, что для Лондона XX века н. э. китайский язык играл важную роль.

Более сбивающим с толку было утверждение, выдвинутое Форрером, о том, что хеттский язык следует называть канесийским. Два года спустя после опубликования главного труда Грозного это утверждение ставило под сомнение, расшифровал ли он действительно хеттский язык.

Заключение Форрера, такое очевидное на первый взгляд, оказалось не имеющим никакой ценности, так как никто не решался заменить им принятое наименование, каким бы неверным оно ни было, в пользу другого, которое в один прекрасный день могло оказаться столь же неправильным. Форрер исходил из предпосылки, которую никто не ставил под сомнение, а именно: что хетты как индоевропейское племя должны были откуда-то переселиться в Малую Азию. Но тогда сразу возникал вопрос об исконном населении Малой Азии; и так как долгое время о нем не имелось никаких данных, то его просто называли «протохетты» (дохетты).

И вот удалось проследить, что его неиндоевропейский язык был вкраплен в некоторые источники из Богазкёя и всегда сопровождался пометкой «хаттили» (похеттски). Однако, без сомнения, это обозначение было производным от названия страны, от «Хатти». Царство Хатти, в котором говорили по-хаттски (хеттски), существовало еще до вторжения индоевропейского господствующего слоя в Малую Азию.

Установленная принадлежность языка к индоевропейской семье языков и быстрая расшифровка его имели огромное значение для создания красочной истории

этого народа. Тем не менее до сих пор остались нерешенными некоторые проблемы, связанные как раз с языковой принадлежностью и письменностью. Здесь мы выделили лишь три из них.

Во-первых, установлено, что хетты переселились в Малую Азию. Но откуда? Согласно работам Грозного, казалось, что эта проблема разрешается сразу же с расшифровкой. Дело в том, что Грозный доказал не только индоевропейский характер хеттского языка, но одновременно показал, что этот язык принадлежит к так называемой группе «кентум» — западной группе индоевропейских языков, к той же, что греческий, латинский, кельтский и германский. (Среди индоевропейских языков различают две главные группы в соответствии с тем, как выражено число сто — *kentum* или *satem*; группу «*satem*» составляют восточные языки: славянские, иранские и индийские.) Поэтому вполне естественно напрашивался вывод, что хетты вторглись с Запада, через Балканы и Босфор. В настоящее время имеется более ясное представление относительно особых перемещений отдельных индоевропейских языков. Отсюда исчезает уверенность в правильности этой теории.

Многие исследователи утверждают, имея весьма серьезные основания, что хетты пришли через Кавказ. Фердинанд Зоммер приводит в защиту этой точки зрения начало одной молитвы, выдержку из ритуала, составленного царем хеттов Муваталлисом (около 1300 года до н. э.):

Солнечный бог неба, пастырь человечества!
Ты поднимаешься ввысь из моря, солнце неба!
Ты движешься вверх к небу,
Солнечный бог неба, мой господин! Человеческому сыну,
Собаке, свинье, дикому животному поля
Ты указываешь закон, солнечное божество, день за днем!

Здесь следует обратить внимание на вторую строку «Ты поднимаешься ввысь из моря...» Если учесть, что во времена Муваталлиса хетты уже по крайней мере четыре столетия назад осели во Внутренней Анатолии, то в этом обращении речь может идти лишь о воспоминании, так как для жителя Анатолии солнце не поднимается из моря. Но по-прежнему при этом остава-

Надпись из Кархемиша с ярко выраженным
изобразительным характером иероглифов

лись две возможности — при переселении хеттов слева от них могло оказаться как Черное, так и Каспийское море.

Во-вторых, имена царей этого индоевропейского народа никоим образом не индоевропейского происхождения, но вначале — протохеттского. То же относится и к названиям богов хеттов — они протохеттские или хурритские. Это объясняют мирным влиянием протохеттских народных элементов на хеттов, однако такое объяснение нельзя признать удовлетворительным.

В-третьих, ко времени первых хеттских царей в Анатолии существовало несколько процветающих ассирийских торговых колоний, наиболее значительная из них — у современного Кюльтепе, близ Кайсери. Об оживленном обмене товарами свидетельствуют многочисленные глиняные таблички (те самые, которые раньше называли «каппадокийскими»). Однако кажется странным, что народ хеттов, писавший с самого начала, согласно большинству документов и других источников, вавилоно-ассирийской клинописью, пользовался не письменностью этих ассирийских колонистов и купцов, а совсем иной, которая нигде более не встречается и, возможно, является очень древней.

Вторглись ли хетты с северо-востока или северо-запада, все равно принести с собою клинопись они не могли. Клинопись является открытием Южной Месопотамии. Но откуда она у хеттов?

Такова в общих чертах история расшифровки клинописных хеттских глиняных табличек из Богазкёя, тех минусей, которые хетты вели на своем собственном языке, по заимствованной ассирийской клинописью.

Итак, напомним.

Не клинописные таблички из Богазкёя впервые привлекли внимание путешественников и исследователей к народу хеттов, а те удивительные иероглифы, которые были найдены главным образом в Кархемише и в меньшем количестве — в Центральной Сирии и Центральной Анатолии. Именно эти иероглифы, совершенно непохожие на египетские, явились основанием для сделанного Сейсом и Райтом предположения о существовании совершенно неизвестного до сих пор народа к северу и югу от гор Тавра.

Когда были найдены таблички из Богазкёя, на которых можно по крайней мере прочесть письмо, исследование (особенно историческое) сразу пошло по линии наименьшего сопротивления и ограничилось исключительно изучением клинописных текстов. Однако отдельные исследователи не отказались от поисков раскрытия тайны иероглифов.

Это была самая темная тайна в науке о Древнем Востоке, так как в надписях на камнях не были известны ни язык, ни письмо; но это было и наиболее притягательным, ибо своими собственными иероглифами хетты записывали не мирское, а священное, не повседневное, а значительное: их иероглифы, казалось, сохранились для обозначения богов и царей.

Расшифровка хеттских иероглифов началась вместе с открытием хеттов, она началась ровно за тридцать лет до расшифровки хеттской клинописи. Однако только сегодня, когда пишутся эти строки, она приближается к завершению.

Глава 6

ИЗ НИЧЕГО НЕЛЬЗЯ НИЧЕГО РАСШИФРОВАТЬ»

«Если хочешь делать открытия, думай о том, что, даже ошибаясь, ты должен быть доволен» — это фраза из воспоминаний англичанина Арчибальда Генри Сейса, который посвятил свою жизнь исследованию

восточных языков. Он родился в 1845 году, а в 1876, тридцати одного года, первый выдвинул смелое утверждение, что рассеянные от Гамата до Смирны иероглифические памятники свидетельствуют о существовании здесь единой империи хеттов, и предпринял первые попытки расшифровки их письма.

На протяжении всей жизни он снова и снова возвращался к этой проблеме и следил за усилиями других исследователей, которые за это время выросли и часть которых была его учениками. Он ободрял и торопил их, а нередко и сам принимал участие в их исследованиях.

В 1931 году, восьмидесяти шести лет, Сейс написал свою последнюю статью на эту тему. Два года спустя он умер.

Современные хеттологи, касаясь истории расшифровки, часто говорят довольно пренебрежительно о его ранних работах. Фридрих называет «пустой тратой времени» разбирать его «фантастические лекции» («часть даже дилетантские»). Однако мудрый старик сам прямодушно признавал в своих воспоминаниях в 1923 году, что в своей работе он был часто неточен, допускал поспешность. Как извинение он приводил сентенцию, с которой начинается эта глава, — и он был прав. Очень легко упрекать пионера в том, что он идет окружным путем. В действительности А. Г. Сейс не только первым распознал в хеттах народ новой культуры, но и совершенно оригинальным путем расшифровал первые значки их иероглифического письма.

В четвертой главе мы указывали на отдельные принципы расшифровки. Нельзя также не упомянуть несколько других, подсказанных опытом. Например, учет известных особенностей в письме народов древности, эти особенности в тех или иных вариантах, в той или иной мере присущи всем им.

Одна из наиболее известных особенностей — подчеркнутое выделение имен царей, как это имело место в египетских иероглифических надписях при помощи так называемой картуш — овальной рамки. Другое средство выражается в древних надписях в виде постоянного присоединения определенного знака к изо-

бражению фигуры, которая особым характером (размером) выделяется как образ царя. Тем самым этот знак в другой связи (скажем, в чисто пиктографическом письме) должен быть принят как «определитель» царя, т. е. как знак, который в пиктографическом письме однозначно выражает понятие «царский» в той же мере, как золотая корона на голове фигур в наших сказках.

Все древнее письмо содержит также определители: после имен царей наиболее однозначно определяются названия городов и стран.

Выигрыш от открытия такого определителя (в ходе расшифровки) состоит в следующем: о незнакомом письме становится по крайней мере известно, что группа значков, с которой связан данный определитель, должна означать непременно царя, страну или город.

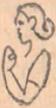
Уже длина или краткость этой группы знаков позволяет исследователю сделать дальнейшие выводы; так как он рассматривает письмо сразу в исторической связи и ищет имена, уже известные ему из параллельно развивающейся истории соседних народов.

Для расшифровки критских писем (в известной мере удавшейся в настоящее время) с самого начала было решающим то, что небольшую поперечную черточку очень рано распознали как разделитель слов. Своевременное правильное понимание этого маленького, похожего на запятую знака стало важнейшей предпосылкой для первых решающих попыток расшифровки, ибо как без этой маленькой черточки можно было бы расчленивать на слова бегущие непрерывно от строки к строке значки-картинки?

Можно было бы (как это делали последовательно начиная с 1950 года) статистически установить начальные и конечные слоги критского письма, если бы маленькая черточка не говорила, где было начало и где конец слова?

Первейшей предпосылкой для начала всякой расшифровки является уверенность в том, как это письмо вообще следует читать — слева направо или наоборот, сверху вниз или наоборот (только европейцу кажется само собой разумеющимся, что пишут и читают слева направо).

Когда Гротенфенд ровно сто пятьдесят лет назад получил впервые копии клинописи, для него первая и самая важная проблема состояла в том, каким образом их следует держать, чтобы читать, — при четырехугольной табличке существует четыре возможности. При чтении хеттских иероглифических надписей эта проблема не возникала, так как в большинстве своем они были обнаружены на памятниках, на скалах, камнях или скульптурах, и, естественно, едва ли можно было предположить, что каменотес рассчитывал, что читающий эти надписи будет становиться на голову. Таким образом, по очень простым признакам сразу можно было определить, каким образом следует читать надписи, а именно бустрофедоном («как поворачивает бык, запряженный в плуг»). Просто потому, что на первой строчке

ке иероглиф мог быть принят за начало (предпо-

ложение, оправданное на примерах других языков) и затем в соответствии с тем, на какой стороне находилось свободное место последней строки, можно было вывести бесспорное заключение о направлении письма.

Это заключение подкреплялось наблюдением, что знаки-картинки (руки, ноги, головы) попеременно от строчки к строчке указывали противоположное направление.

Следующая возможность для исследователя получить хотя бы общую информацию о характере незнакомого письма состоит в том, как это ни странно, что он подсчитывает знаки. Сразу же становится понятным, что знакомое письмо, содержащее менее тридцати различных знаков, никак не может быть слоговым, так как тридцать слогов не составляют языка. Значит, это должно быть буквенное письмо. При наличии же более ста знаков следует сразу предположить, что имеешь дело со слоговым письмом. Если же налицо еще большее число знаков, значит имеешь дело со словарным письмом. «Из ничего нельзя ничего расшифровать», — говорит Фридрих и в качестве примеров приводит письмо с острова Пасхи и индийские

надписи из Мохенджо-Даро, в которых пока отсутствует какой бы то ни было ключ к пониманию и не найдена связь с известным письмом. Однако в случае с хеттскими иероглифами с самого начала наблюдалась возможность установить общий характер путями, которые мы пытались осветить при помощи приведенных примеров. Исходя из опыта двух поколений расшифровщиков, удалось сразу же найти значение некоторых знаков.

Казалось, вмешалась богиня-покровительница, когда Сейс начал свои первые попытки расшифровки. Похоже было, что она бросила исследователю в виде подарка то, о чем может лишь мечтать всякий шифровщик, — билингу.

И действительно, это была билингва, двуязычная надпись.

Примерно около 1860 года коллекционер монет из Константинополя, господин Иофанов, раздобыл в Смирне маленький серебряный диск, на котором было помещено человеческое изображение, окруженное странными, неизвестными значками и окаймленное клинописным текстом.

Печать Таркумувы (Таркондемоса), которая послужила исходным моментом для расшифровки хеттских иероглифов

Сейс натолкнулся на сообщение об этом диске (о нем в 1862 году кратко упоминал доктор Мордтманн), о поддающемся чтению клинописном тексте, предугадал в странных внутренних значках хеттские иероглифы и почувствовал, что мечта исследователя — обнаружение билингуы на первой же стадии расшифровки — становится явью.

Можно лишь догадываться, что он чувствовал, когда его стремление увидеть своими глазами диск с печатью оставалось безуспешным. Без сомнения, диск был в Англии, но бесследно исчез. Сейс обращался к специалистам, призывая всех и каждого, кто узнает что-либо

о местонахождении печати, немедленно ему сообщить. Наконец откликнулся один из служащих Британского музея.

Да, заявил он Сейсу, он хорошо помнит, что в 1860 году музеем было сделано предложение о покупке такой странной печати.

— Ну и..?

— Покупка была отклонена, — объявил служащий.

— Но почему?

— Дело в том, что печать была такой диковинной, что опасались, не фальшивая ли она.

Сейс понял, что надежда найти диск ускользает.

— Однако, — заметил служащий после некоторого раздумья, — если мне не изменяет память, тогда на всякий случай была изготовлена копия способом гальванопластики, и она должна быть цела.

Вскоре Сейс держал в руках копию печати. Ему не потребовалось много времени, чтобы найти подтверждение своей догадке: здесь была билингва!

Но эта двуязычная надпись имела один очень существенный недостаток: она была слишком короткой и содержала слишком мало знаков, чтобы можно было сделать действительно правильные сравнения, установить однозначные связи между иероглифами и группами клинописных знаков.

Из чтения клинописного текста получалось:

Tar-rik-šim-me šar mat Er-me-e

«Тарриктимме, господин земли Ерме».

В то время пластинку называли «Печать Таркондемоса», а сейчас ее называют «Таркумува». Исследуя ее, Сейс при сравнении клинописи с иероглифами дошел

до сомнамбулического предположения, что знаки

и

в соответствии с клинописным текстом

означают «царь» и «страна».

Бессмысленно говорить сегодня, что это было установлением знаков слов, а не знаков звуков. Во всяком случае это были первые и, как теперь выяснилось, пра-

ильно прочитанные знаки хеттского иероглифического письма. Но, к сожалению, этим исчерпывалась печать Таркумувы.

Все попытки вывести дальнейшие соотношения между клинописью и иероглифами уводили в сторону. Такие попытки предпринимались снова и снова. Позднее на других печатях, найденных Куртом Биттелем в Богазкёе, они заканчивались с большим успехом, хотя текст всегда оказывался слишком кратким.

Однако неутомимый Сейс уже давно принялся за другой материал. Он упорядочивал знаки, сравнивал их, устанавливал связи. Результатом его первой попытки расшифровки оказались (наряду с неверными) правильные до сегодняшнего дня толкования следующих

знаков: — царь, — город, —

страна, — бог (относительно последнего зна-

ка он сделал открытие в храме Язылыкая, где надписи в изображениям божества всегда начинались с этого

знака) и окончаний — s и — п.

Разве этого не достаточно? Не удивительно ли, что в год, когда было совершено открытие народа, могли быть правильно разгаданы не менее шести знаков его письма, написанного на незнакомом языке?

Следует признать: позднейшие толкования Сейса часто были слишком фантастическими. Но его работа, пожалуй, именно его фантазия и даже его ошибочные толкования окрыляли исследователей, пришедших ему на смену.

Прошло почти двадцать лет после первой расшифровки, пока появился другой исследователь, более молодой, действовавший столь же энергично, как Сейс, в борьбе за раскрытие тайны хеттских иероглифов.

Но наступило время работы и другого рода. Всегда после периода открытий со всеми его волнениями должна наступить короткая пауза осмысления, пауза, при которой в тишине человек обобщает собранный материал.

Когда Артур Эванс в конце века открыл «дворец Миноса» на Крите и в течение многих лет занимался детальным исследованием археологических материалов, то уже при первых раскопках было обнаружено около двух тысяч глиняных табличек. Эванс оставил за собой право публикации этих табличек, что было справедливо, поскольку он их нашел. В 1909 году Эванс опубликовал часть надписей в своем труде «*Scripta Minoa I*» («Минайские письма») и обещал вскоре выпустить и второй том. Однако этого обещания он не сдержал. Таблички, являвшиеся важнейшим свидетельством по древней истории Европы (и, как мы знаем сегодня после окончания расшифровки их Майклом Вентрисом, имевшие сенсационное значение), были брошены в ящики и свалены штабелями в критских хижинах и подвалах музея в Афинах. Исследователи, занимавшиеся в течение десятилетий расшифровкой, были лишены возможности обрабатывать оригинальные материалы. Должно было пройти сорок лет, прежде чем после смерти Эванса его друг и ученик Джон Майрс в 1952 году наконец опубликовал второй том «*Scripta Minoa*». Благодаря чистой случайности еще до этого американец Бледжен нашел на Пилосе новые таблички, которые были опубликованы уже через двенадцать лет, в 1951 году. К этому прибавились публикации отдельных находок последних лет, и, таким образом, удалось в течение двух лет в значительной мере раскрыть тайну критского письма, над которой тщетно бились на протяжении жизни более одного поколения. Этот пример показывает, как лишь недостаток нового письменного материала в решающий момент может приостановить всю дальнейшую расшифровку. Существуют и другие, чисто технические препятствия. Например, в большинстве случаев исследователи не имеют возможности работать с оригиналами — таблички рассеяны по всем музеям мира. Приходится обращаться к репродукциям. Изготовленные на месте копии часто нельзя прочитать,

так как уже первые фотографии или зарисовки были по каким-то причинам недоброкачественными, и, естественно, при дальнейшем репродуцировании получались копии все менее ценные.

Археологи, столкнувшиеся с большим числом ошибок, которые раньше делались при срисовывании (или списывании) древних памятников и надписей (когда, например, в рисунок вносилось индивидуальное толкование, что может быть оправдано с точки зрения искусства, но науке приносило лишь вред), вздохнули с облегчением, когда появилась фотография. Здесь стали применять сухие пластинки и моментальные фотографии, так как с дагерротипией в пустынях и джунглях делать нечего. Верили, что «неподкупный глаз камеры», без сомнения, будет в состоянии показать, каков действительно оригинал. Однако сфотографировать печать с иероглифами в ателье, конечно, не представляло трудности, иначе обстояло дело, когда исследователь, подвешенный на веревке, висел перед скалой и стремился сфотографировать высеченную на ней надпись и когда именно в момент наилучшего освещения вдруг набегало облачко. Сколько дней потребовалось исследователю, чтобы найти самую удачную «точку подвески» для себя и своей камеры? Сколько часов он там провисел, пока определил, каков должен быть угол падения солнечных лучей, чтобы наиболее отчетливо выступила пластичность выветрившейся надписи? Бывали случаи публикации полдюжины фотографий с одной наскальной надписи, заснятых в различное время, в различных условиях. На основании этих фотографий исследователи делали важные выводы. Затем в один прекрасный день появлялась седьмая или восьмая фотография, и вдруг обнаруживались знаки, которые на предыдущих снимках вообще отсутствовали.

Это отклонение от темы допущено с целью пояснить, как для всякой работы по расшифровке важно, чтобы время от времени находился человек, который брал бы на себя осуществление неблагодарной и в высшей степени трудоемкой задачи: во-первых, собрать весь материал, накопленный до сих пор в определенной области исследования, во-вторых, систематизировать его, в-третьих, наконец, еще раз репродуцировать самым

точным образом, добиваясь возможно большей близости к оригиналу.

В отношении хеттских иероглифов эту задачу в 900-е годы взял на себя немец Леопольд Мессершмидт (1870—1911). Его «Корпус хеттских надписей», расширенный двумя приложениями 1902 и 1906 годов содержит в строжайшем критическом воспроизведении все иероглифические надписи, добытые к этому времени.

Исследование началось с четырех надписей на «камнях Гамата».

«Корпус хеттских надписей» содержал около ста надписей, монументальных, пространных, кратких, бедных знаками, целых и поврежденных, написанных на камне и на глине.

К всеобщему удивлению, только это издание показало, что материала гораздо больше, чем было использовано исследователями при расшифровке других древних языков. Не должны ли были теперь обнаружиться новые данные?

За несколько дней до этого проблемой расшифровки занялся один исследователь, которому было суждено на протяжении почти сорока лет действовать плодотворно и в то же время вносить путаницу. Его первая и важнейшая статья появилась в 1894 году, а четыре года спустя она уже вышла в виде книги под названием «Хетты и армяне». Еще через двадцать пять лет такой выдающийся специалист, как Фридрих, сказал: «Статья предъявляет серьезные требования к пониманию, и не легко еще раз правильно продумать все заложенные в ней мысли».

Исследователем, выдвинувшим весьма остроумные новые положения, был ассириолог Петр Йенсен (1861—1936). В его работе перемешались явные ошибки с выдающимися открытиями. Поэтому все исследователи, выступавшие после него, должны были начинать свои работы каждый раз с критики Йенсена; некоторые его ошибки были так остроумно обоснованы, что потребовались десятилетия работы для их исправления. Совершенно невозможно хотя бы в самых общих чертах проследить ход мыслей, исполненных филологической учености. Достаточно привести несколько примеров — ошибок и открытий.

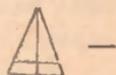
Иероглиф

Йенсен правильно толковал как

«я есмь», тем самым поправляя Сейса, который предполагал здесь значение «я говорю». Но вслед за этим он «исправил» то, что было лучшим из правильных

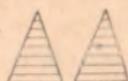
открытий Сейса: он перепутал идеограммы

царь,

— город и

— страна, меж-

ду

и

он не видел никакой разницы и

читал оба знака как «царь» и соответственно

как, так сказать, «двойной царь», т. е. «великий царь».

Затем он снова верно расшифровал (что было особенно важно для дальнейших исследований) название города

Кархемиш. Наконец, на основе множества ложных и верных толкований (все они были одинаково хорошо обоснованы) он пришел к выводу, увенчавшему его труд: язык, обозначенный хеттскими иероглифами, родствен армянскому.

Против этого утверждения выдвинуто около десятка обоснованных опровержений, лучшим из которых является то, которое Фридрих ставит на первое место. А именно: «Между употреблением иероглифического письма хеттов и зафиксированным в письме армянским

языком (около 400 года н. э.) промежутком в тысячу — тысячу двести лет».

Удивительным в характере Йенсена было то, что он никогда не исправлял своих ошибок, наоборот, он защищал свои неверные взгляды, ожесточенно полемизируя с ничем не сравнимым упрямством. Только позднее он снизошел до некоторых поправок к своим ранним взглядам, и здесь случилось трагикомическое: он объявил неверным одно из своих самых ранних верных открытий — Кархемиш!

Как бы то ни было, работы Йенсена пробили брешь, и в течение долгого времени никем, помимо него, не было сделано никаких открытий, представлявших действительную ценность.

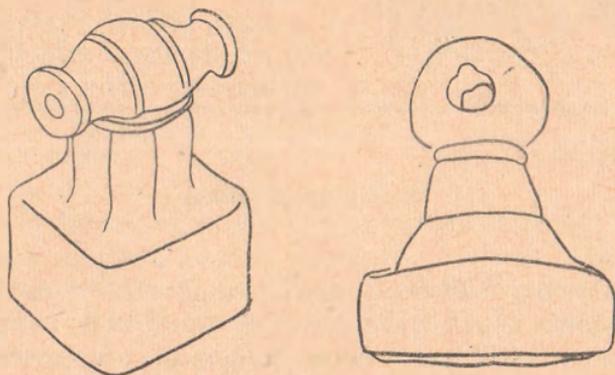
Для читателя, который хочет ближе познакомиться с проблемами расшифровки, следует назвать имена исследователей, работавших вслед за Йенсеном до конца двадцатых годов. Если придерживаться порядка опубликования их важнейших работ, то это труды В. Д. Балл, Д. Менант, Д. Кемпбелл, Ф. Е. Пейзер, Д. Галеви, Ц. Р. Кондер, Л. Мессершмидт, Фриц Гоммель, А. Глейе, Р. Рут, Р. К. Томпсон, А. Е. Колей, Г. Арто, Карл Франк. По сколь зыбкой почве они двигались, становится ясным хотя бы из того, что они не могли прийти к единому мнению ни в одном толковании. Иногда вся их работа с самого начала была лишена какой бы то ни было ценности, так как исходила из неверной предпосылки. Так произошло с Пейзером, когда он предпринял остроумные толкования одной надписи из Кархемиша, но неверно определил направление строчек.

Пример противоположности точек зрения: Галеви считал хеттов семитским народом; Глейе, не профессионал, а самоучка, пытался толковать иероглифы этимологически из угро-финских языков; Колей исходил из кавказских языков.

При всем том до конца двадцатых годов удалось довольно определенно расшифровать некоторые названия (Тиана, Гамат, Гургум) и тем самым определить отдельные знаки для последующего чтения. С каким ожесточением оспаривались вещи, казавшиеся непрофессионалам пустяками, как такой спор мог перейти в

личные выпады, каким фанатизмом были при этом одержимы ученые, показывает спор, вспыхнувший между Карлом Франком и Йенсенем в 1923—1924 годах.

Франк опубликовал новый метод расшифровки под названием «Так называемые хеттские иероглифические надписи». Эту работу подверг обсуждению Йенсен в журнале «Ассириология», и сразу же началась горячая перепалка. Йенсен, полный возмущения, установил, что

Хеттские печати

метод расшифровки, который Франк выдавал за новый, был им самим применен тридцать лет назад. Затем он разгромил работу Франка в деталях — «здесь придется с краской стыда отложить перо!» Франк нанес ответный удар в работе «Исследования хеттских иероглифических надписей»: «Я не имею физической возможности оспаривать все эти вещи; работа полностью лишена действительно глубокого проникновения в понимание надписей... нигде — большого шага, нигде — гениального броска», и это последнее предложение он напечатал разрядкой. Конечно, оба были и правы и неправы; правы, когда утверждали, что другой допустил значительные ошибки; неправы, когда говорили, что каждый из них сам их не делал.

Тот, кто назовет такой ученый спор лишь недостойным, не понимает, что даже в решении чисто мыслительной задачи, если ей посвящена вся жизнь исследователя, не могут не принимать участия также сердце:

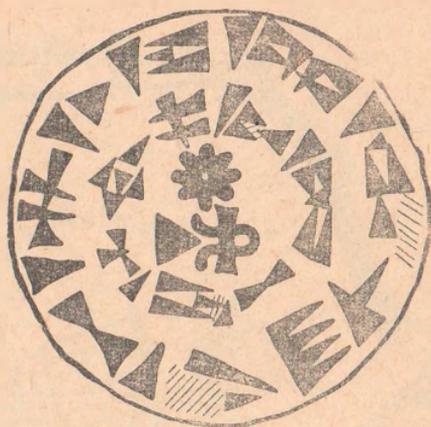
Печать Индилимма

и темперамент. После этого столь ожесточенного спора для большинства исследователей проблема хеттских иероглифов казалась слишком опасной областью, чтобы заниматься ею. Так прошло несколько лет, на протяжении которых никто не выступил с какими-либо определенными взглядами вплоть до 1928 года, когда молодой итальянский лингвист Мериджи предложил новые толкования, а вслед за ним начиная с 1930 года вдруг целая группа исследователей младшего поколения принялась еще раз самым тщательным образом изучать проблему. Это были Игнацт Д. Гельб, Эмиль О. Форрер и Гельмут Т. Боссерт: американец, швейцарец и немец.

Опыты этих исследователей следовало сразу же признать особенно важными, так как впервые в истории расшифровки они пришли к единому мнению по целому ряду чтений. Первыми среди них были Мериджи и Боссерт. Они узнали о неожиданном подтверждении их выводов со стороны старого мастера хеттологии Фридриха Грозного, лучшего знатока хеттской клинописи, который после многих лет молчания вдруг взял слово. Однако ко всему прочему произошел еще счастливый случай, который осветил то, чего не могла раскрыть работа, проводившаяся в течение многих лет.

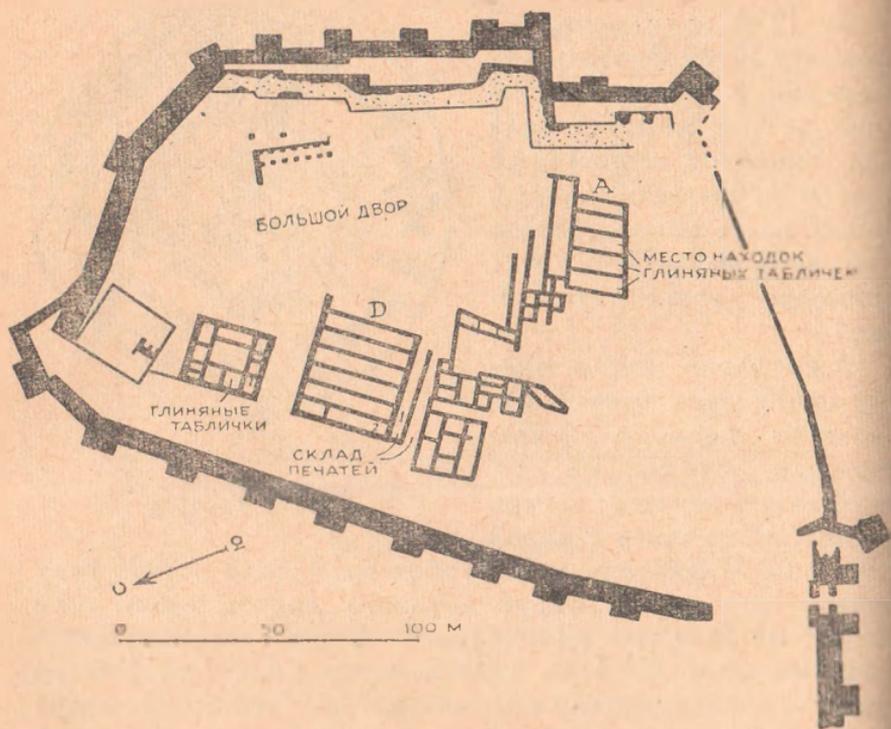
В 1934 году немецкий археолог Курт Биттель вел раскопки в Богазкёе, столице хеттов, которая дала уже Винклеру неоценимый материал. Биттель нашел в одном месте около трехсот глиняных печатей, из них примерно двести двуязычных!

Уже давно, после многих ошибочных чтений начального периода, исследователи отказались от толкования печатей; теперь за дело принялись с новой энергией. И Биттель, и Гютербок прочитали в 1936 году

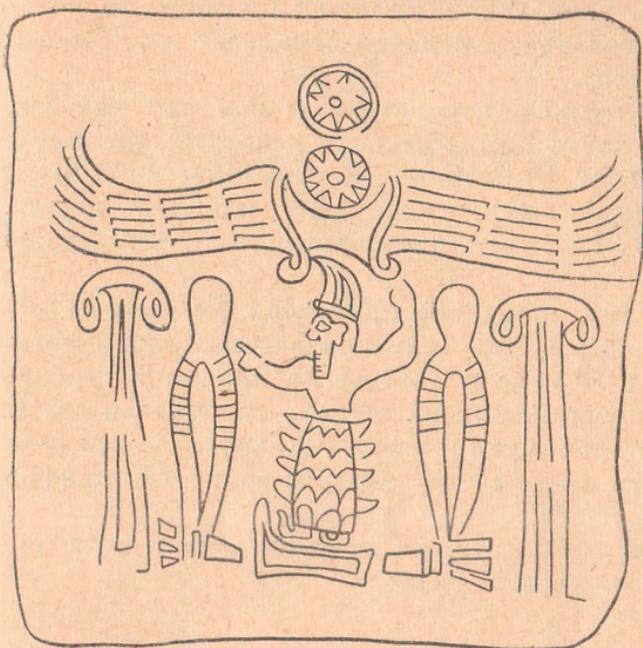
Печать Табарна

первое имя царя, вокруг которого долгое время шли споры, на этот раз однозначно — Суппилулиумас, который правил с 1375 до 1335 года до н. э. Это быстро привело к следующему открытию. На Нишанташе, скале в Богазкёе, находилась уже давно известная большая, но сильно выветрившаяся иероглифическая надпись. Очень давно предполагали, что она должна быть приписана Суппилулиумасу, теперь это можно было доказать. Там иероглифами было изображено его имя, обведенное так называемой эдикулой, в которую постоянно были заключены имена хеттских властителей, соответственно тому как картуш заключает имена фараонов. Однако рядом с ней находились еще другие эдикулы, а значит — имена других царей. Опыт подсказывал вывод, что здесь перечислялась смена поколений, причем до третьего колена (все восточные властители любили перечислять в надписях своих предков). При этом бросалось в глаза, что один и тот же иероглиф означал отца и прадеда, имя же деда изображалось по-другому. Невозможно вставал вопрос: были ли среди предков Суппилулиумаса два, носивших одинаковое имя, в то время как между ними правил царь, называвшийся по-иному? В действительности так и было, и они были давно известны, так как родословная хеттских царей неоднократно упоминалась в ранее расшифрованных клино-

План расположения крепости в Хаттусасе. В коридоре, ширина которого едва достигает 3 м, так называемого строения Д в Бююккале Биттель нашел многочисленные царские печати; некоторые из них имели решающее значение. Теперь дешифровщики могли доказать то, что раньше было только предположением

писных источниках из Богазкёя. Так, в качестве отца Суппилулимаса был известен царь Тудхалияс III, а в качестве его прадеда Тудхалияс II, а имя его отца было Хаттусилис. Эти имена удивительно подходили к надписи на Нишанташе. Другие печати, которые стали исследовать, также подтвердили чтение и расширили его. Тем самым были наконец безупречно прочитаны иероглифы имен четырех хеттских царей: Суппилулимаса, Тудхалияса, Хаттусилиса и Урхи-Тешуба! Это было первое совершенное доказательство правильности объяснения большей части знаков, раскрытых до того без билингвы — триумф пятидесятилетней работы, ко-

Эдикула — царский знак — находится над головой царя; здесь показан знак Тудхалияса

торая часто приводила в отчаяние ученых Англии, Германии, Америки и Италии!

Тем не менее здесь снова следует сделать оговорку, так как успех снова оказался не таким большим, как думали после новой находки печатей.

Дело в том, что тексты печатей были слишком краткими и слишком часто таблички были сильно стерты или сохранились лишь их отдельные кусочки. Гютербок, немецкий профессор в Анкаре, принимавший самое большое участие в толковании найденных печатей, занял особенно пессимистическую позицию относительно дальнейшего развития расшифровки. А с какой безнадежностью писал Сейс: «Я больше не питаю никакой надежды на расшифровку в полном смысле слова, если исключить возможность, что счастье могло бы принести нам достаточно длинную билингву».

И как бы невероятно это ни звучало, то, на что надеялся Сейс, как на последний выход из дебрей

проблем, произошло! Большая билингва, о которой исследователи мечтали ровно семьдесят лет, была найдена в 1946 году.

Удивительно, что нашел ее как раз человек, работавший, как и Гютербок, над печатями, но настроенный в 1942 году отнюдь не пессимистически. Он заявлял, что в один прекрасный день хеттское иероглифическое письмо будет расшифровано и без длинной билингвы.

Это был немецкий профессор Гельмут Т. Боссерт. Ему удалось найти большую надпись лишь потому, что осенью 1933 года в Анкаре на приеме у турецкого министра просвещения на вопрос, склонен ли он, Боссерт, на некоторое время занять должность профессора в Стамбуле, ответил не раздумывая: «О, конечно! Почему бы нет?»

Однако это история, которая может быть изложена лишь в последней главе.

III

ТАЙНА ВЛАСТИ

Глава 7

ЦАРИ ХАТТУСАСА

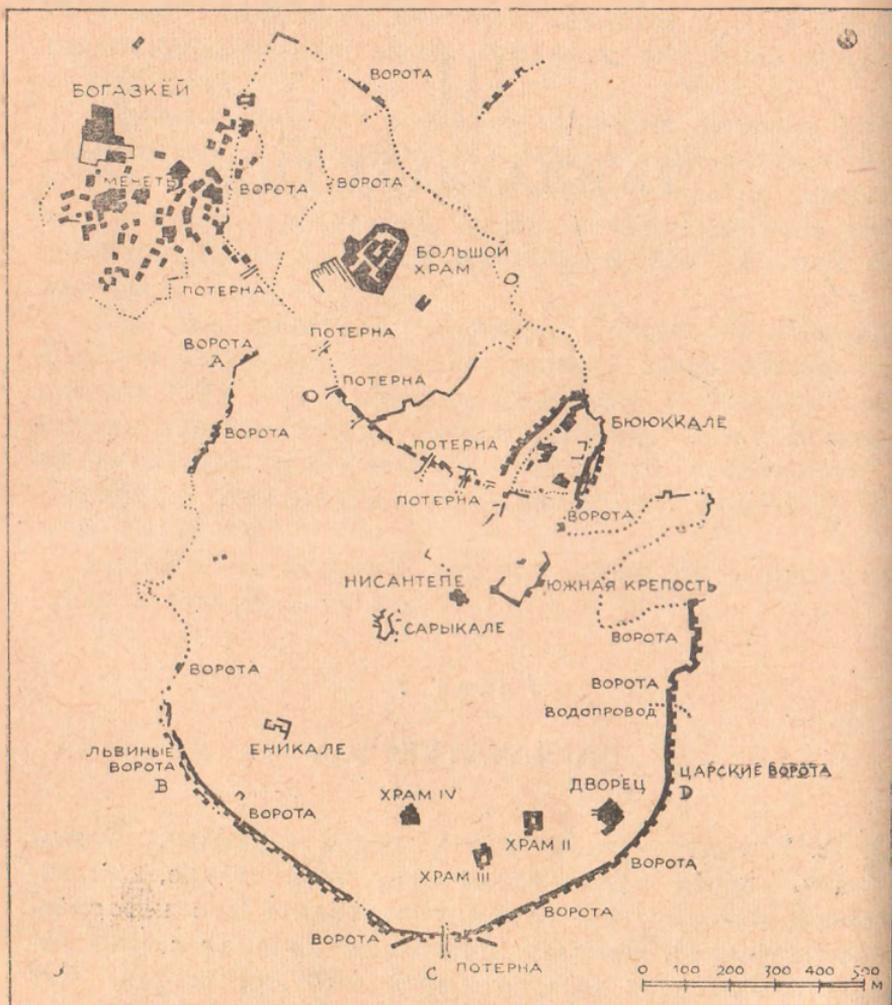
В 1834 году Тексье стоял перед руинами Богазкёя, перед Хаттусасом (в этой главе, посвященной истории, мы будем употреблять это историческое название). Винклер доказывал начиная с 1907 года, что Хаттусас был столицей империи хеттов. От руин Хаттусаса ведет путь исследования хеттов в XIX веке. После прочтения глиняных табличек оказалось, что в Хаттусасе зародилась империя в 1900 году до н. э.

Поэтому естественно, что описание истории хеттов мы начинаем с Хаттусаса.

В начале истории Хаттусаса стояло проклятие!

«Я взял Хаттусас ночью штурмом, — говорил царь, — и на его месте я посеял сорную траву». Далее он продолжал: «Кто будет после меня царем и снова заселит Хаттусас, пусть того судит небесный бог бури».

Так гласит надпись царя Аниттаса из Куссары, победившего местного князя небольшой крепости Хатту-

Богазкёй — Хаттусас

сас и сравнявшего город с землей. Его проклятие, часть длинной надписи в храме на древнем хеттском языке, не возымело действия. Примерно около 1800 года до н. э. Хаттусас был вновь отстроен и стал больше и красивее, чем прежде.

О перемещениях народов, происходивших тогда в Малой Азии, Сирии и Месопотамии, нам мало известно. Империя Саргона (около 2300 года до н. э.) давно распалась, влияние ассирийцев в Малой Азии (основная колония в Кюльтепе) постоянно ослабевало, го-

рода-государства и небольшие царства вели между собою завоевательные войны с переменным успехом; заключались союзы, но никогда не возникало длительной, сильной и обладавшей значительным политическим влиянием централизованной власти.

Положение изменилось, когда с севера вторглись хетты. А может быть, с северо-востока или с северо-запада? Этого мы пока не знаем, точно так же как неизвестно их действительное название. Но во всяком случае это были индоевропейцы!

Безусловно, их было не больше нескольких тысяч. Но, видимо, они стояли на более высокой ступени развития, чем коренные жители, протохетты.

Как ни странно, первым хеттским царям казалось важным вести свое происхождение от дома Куссара, того царя Аниттаса, который разрушил Хаттусас и проклинал всякого, кто осмелился бы строить в Узком ущелье. О первых царях хеттов мы и сегодня знали бы мало, если бы ровно сто пятьдесят лет спустя (после завоевания Хаттусаса. — *Ред.*) властитель по имени Телепинус не предпослал одному из своих указов историческое введение, которое должно было обосновать его начинания. Телепинус называет отцами империи троих властителей: Лабарну, Хаттусилиса I и Мурсилса I. Имя Лабарны впоследствии стало идентичным «царю», оно стало выражать значительность должности, как в более поздние времена имя Цезарь в словах «цесарь», «кайзер», «царь». Тудхалияс I и Пузаррума, его предшественники (точные данные неизвестны), теряются в доисторической мгле. Если позднейшие сведения верны, то Лабарна является действительным основателем первой империи хеттов.

«И страна была мала»... «Куда бы он ни отправлялся в поход, он сильной рукой держал в узде враждебную страну». Он сгруппировал города-государства и мелкие княжества в крупное политическое единство, раздвинул границы на запад и добился влияния на юге и севере, возможно, до самого моря.

Кое-что говорит даже за то, что ему удалось впервые ввести такие законы, что, казалось, были созданы известные гарантии престолонаследия, во всяком случае царь теперь имел право назначать преемников.

Его сын Хаттусилис I (1650—1620 годы до н. э.) получил такую исходную политическую позицию, которая узаконила дальнейшие захваты. Он совершал походы в пограничную страну, на юг, в Алеппо, чтобы создать для империи буферное государство. Но враги были не впереди, а в тылу. Вернувшись больным из похода в Алеппо, он написал личную жалобу — своего рода политическое завещание, что очень редко встречается в ранней литературе. В этих предсмертных словах жалоба приобретает поэтическое звучание.

Завещание царя Хаттусилиса I

1. Великий царь Табарна целому войску и сановникам сказал: «Смотрите! Я заболел. И вам я назвал малыша Лабарной: этот пусть-де сядет (на трон)! И я, царь, объявил его своим сыном, его обнял и возвысил. Я постоянно окружал его заботами! Он же оказался недостойным того, чтобы на него смотрели. Он не плакал, не выказывал сочувствия. Холодный он и невнимательный!

2. Я, царь, его схватил и его доставил к своему ложу. И что же? Пусть впредь никто не возвеличивает сына своей сестры! Слову царя он не внял, а тому слову, которое от матери его, змеи (исходит), он внял. И братья, и сестры ему все время нашептывали враждебные слова; их слова он и слушал! Я же, царь, прослышал об этом. На вражду я отвечаю враждой!

3. Довольно! Он мне не сын! Мать же его подобно корове заревела: „У меня-де, живой еще, сильной коровы, вырвали чрево. Его-де погубили, и его-де ты убьешь!“ Разве я, царь, ему причинил какое-нибудь зло? Разве я не сделал его жрецом? Я всегда его отличал на благо ему. Он же к воле царя не отнесся сочувственно. Разве тогда может он в глубине своей души питать доброжелательство к городу Хаттусасу?»

Умиравший царь предлагает другого преемника — на место неспособного — своего внука Мурсилиса, а сыну и дочери сокращает содержание и ссылает их в определенные поместья. К этому он добавляет свои соображения о правильном воспитании принцев, дает вновь избранному преемнику советы, приказы: «Всегда

жить хотя и в кругу двора, но скромно, думать о воде и хлебе и лишь в старости о вине — „тогда напивайся досыта!“»

В духе завещания одним из последних официальных дела Хаттусилиса I было назначение преемником престола Мурсилиса. Мурсилис I (1620—1590 годы до н. э.) создал из слабо связанной федерации городов-государств первую Хеттскую империю, ставшую третьей восточной великой державой — к северо-востоку от царства фараонов, к северо-западу от империи великих царей Месопотамии. Он заставил бояться имени Хатти, когда после завоевания Алеппо (от которого был вынужден отказаться его приемный отец) совершил грандиозный военный поход на юго-восток и покорил Вавилон. Это был поход столь же героический и бессмысленный, как походы Александра в Индию, германских императоров в Италию и святую землю, Карла XII и Наполеона в Россию. Ибо, само собою разумеется, он не мог удержать Вавилон, отдаленный на две тысячи километров от Хаттусаса, не говоря уже о том, чтобы включить его в состав империи.

В 1590 году вскоре после возвращения он был убит своим шурином. Эта дата является одной из немногих, зафиксированных в истории хеттов. Она согласуется с уже давно известными сообщениями вавилонских источников о падении первой вавилонской династии.

За такими именами, как Хантилис, Цидантас, Аммунас, Хуццияс, скрываются дворцовые интриги, борьба за власть между царем, знатью и жрецами, вполне шекспировские трагедии — здесь были и Гамлет, и Макбет, и Ричард III, за три тысячи лет до того, как великий комедиант из Стратфорда на Авоне написал свои первые произведения.

Отце- и братоубийство определяли смену престолов, честолюбивые вдовы, жаждавшие власти регенты, замещавшие несовершеннолетних, направляли политику. На такой ступени ранней и сомнительной царской власти только узаконивание ее идеи могло установить новый порядок. И эта идея была выражена наиболее отчетливо в законе о престолонаследии!

Обладателем государственного ума и энергии, необходимой для этого, явился Телепинус. То, что он со-

здал, было, так сказать, конституционной монархией и обеспечивало престолонаследие по мужской линии, но Панкусу, совету знати, было предоставлено право юрисдикции над самим царем. Панкус мог предостеречь царя, если на того падало подозрение в убийстве родственников, и мог приговорить его к смерти, если такое убийство было доказано.

Мудрее ничего нельзя было придумать. Так как Телепинус обладал могуществом, необходимым для обеспечения действительности нового права царя, целостности господствующего дома была настолько упрочена, что Панкус мог вмешиваться лишь в случае явного преступления. Вместе с тем в хеттской идее царской власти исчезало всякое уподобление ее божественной или представление о ней как о замещающей божественную (что совершенно не похоже на Восток, но включает в себе некоторые индоевропейские компоненты). Поэтому последним законодательным ограничением царской власти был как раз Панкус!

Эта самая ранняя форма подлинной конституционной монархии, которая встречается лишь в истории Запада в гораздо более поздний период, достойна изучения специалистами в области государственного права.

Не удивительно, что в это же время была произведена первая запись хеттских законов, и можно предположить, что инициатором этого явился Телепинус.

Безусловно, эти законы основывались на древних кодексах и были заимствованы из вавилонских и ассирийских надписей, но они настолько отличаются от всех восточных законодательных сборников, прежде всего относительной мягкостью своего положения о наказаниях, и настолько проникнуты новыми юридическими идеями, что вызывают лишь восхищение.

К сожалению, нам мало известно, какое воздействие оказали новые законы Телепинуса.

Еще до восьмидесятых годов исследователи древнего мира относили царствование Телепинуса примерно к 1620—1600 годам до н. э. Швейцарец Форрер тридцать лет назад датировал его царствование 1775 годом до н. э. Согласно этой хронологии, следующие свидетельства относились примерно к 1430 году до н. э. Таким образом, исследователи столкнулись с периодом

протяженностью около двухсот лет, когда не было зафиксировано никаких событий. Об этом периоде не сохранилось документов, надписей, археологических находок. Этот отрезок времени не мог быть заполнен ни аналогиями с историей других народов, ни каким бы то ни было синхронизмом из исторической жизни.

Курт Биттель, преемник Векслера в раскопках Богавкёя, в своей таблице хеттских царей еще в 1937 году оставил для этих двухсот лет (примерно 1600—1400 годы) пустое место.

Альбрехт Гётце, один из наиболее заслуженных хеттологов, также заинтересовался этим пробелом и собирался его быстро заполнить. «Пока, — говорил он, — следует лишь иметь в виду, что я хочу этот период связать с расцветом могущества Хурритов в царстве Митанни». «Только к 1430 году, — продолжал Гётце, — вновь появляются отдельные источники — после периода провинциальной незначительности».

Возможно ли это?

Провинциальная незначительность на протяжении двухсот лет в условиях непрерывного развития великой империи?

Сегодня, когда уже открыта тайна этих двухсот лет, было бы упрощением сказать, что эта разгадка далась легко. Все же остается неясным, как могло случиться, что никому не пришло в голову подвергнуть критике разработанную к тому времени хронологию Передней Азии? Хотя бы на один момент предположить, что двести лет внезапного пробела в истории невозможны, что, может быть, просто неверны разработанные к этому времени даты?

Глава 8

НАУКА ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ДАТАХ

Совокупность сведений об отце, деде и прадеде, иначе говоря, данных о смене поколений, — самое естественное, но и наиболее примитивное летосчисление. Такое летосчисление характерно для первобытных народов, и оно подтверждается воспоминаниями о явле-

ниях природы. Еще сегодня можно услышать: «в год голодной зимы...» или «в год большого наводнения...»

Если народ уже на ранней стадии своего развития применяет точные методы исчисления времени, то это в большинстве случаев признак начала становления высокой культуры. Эгон Фриделль, книги которого по истории культуры, совершенно ненаучные, имели все же большое значение для развития науки, писал: «Создание хронологии является его (человека. — К. К.) страстным желанием, вечной мечтой. Ибо, если нам удалось создать схему времени, сделать это измеримым и поддающимся исчислению, мы тем самым создаем себе иллюзию, что время нам подвластно, что оно принадлежит нам».

Внимательное наблюдение за событиями, знаменующими смену времен года, чаще всего является исходным моментом для установления точного астрономического летосчисления, а иногда приобретает для народа жизненно важное значение. В культуре народа майя Центральной Америки установление больших годовых циклов привело к такой власти календаря, вследствие которой вся жизнь народа была подчинена астрономическим явлениям.

Греческая культура, которую мы считаем высшей среди древних культур, не знала точного летосчисления (не считая олимпиад). Для нее характерно полное отсутствие последовательной регистрации дат и беспорядочное смешение исторических событий и личностей, как мы это встречаем у Геродота, которого тем не менее называют «отцом истории».

Если Освальд Шпенглер говорит: «Мы, люди западноевропейской культуры, с присущим нам чувством истории, являемся исключением, а не правилом: всемирная история — это наше представление о мире, а не представление человечества», то это звучит слишком обобщенно, но все же верно, поскольку даже, например, высокоразвитые астрономические методы летосчисления древних вавилонян никогда не служили историческим целям, т. е. не породили точной, снабженной датами исторической науки.

Для молодого ученого, который впервые начинает изучать древнюю историю, вскоре наступает день, когда

его охватывает благоговейный трепет при виде того, с какой уверенностью современные историки датируют события, происшедшие тысячелетия назад.

Но продолжая исследование, молодой ученый неизбежно замечает, что представшая перед ним историческая хронология рисует искаженную картину древнего мира, и он начинает подвергать сомнению каждую дату.

Так, в результате примерно ста лет исследования первую династическую дату истории Египта (объединение Египта царем Менесом, которое рассматривали как подлинное начало истории царства фараонов) перенесли с 5867 года до н. э. на 2900 год до н. э. Да и эту дату нельзя считать установленной абсолютно правильно. Разве факт, который заставил здесь говорить о хронологии — два отсутствующих столетия, — не может подорвать всякое доверие к истории, основанной на датах? Однако при достижении дальнейшей ступени познания наше уважение к деятельности следопытов истории восстанавливается. Мы убеждаемся, что исследователи очень точно различают «достоверные» и «предполагаемые» даты, и узнаем, что в настоящее время в хронологическом остове древней истории по крайней мере ее хребет восстановлен, по-видимому, почти «достоверно».

Археологические исследования начались с изучения предметов, лежащих на поверхности, и затем проникали в толщу земли, к залегающим там слоям культуры. Так и историки, начав с изучения уже понятных письменных памятников, затем медленно, ощупью пробирались в прошлое, скрытое во мраке веков.

В тех случаях, когда наблюдались еще непосредственные связи с событиями греческой, персидской или позднеегипетской истории, легко было установить хронологию, связав ее с нашим христианским летосчислением «до н. э.». Сегодня можно сказать, что даты важнейших событий I тысячелетия до н. э. могут считаться достоверными. Однако, чем дальше проникаешь в прошлое, тем беднее становится связь с известными событиями, тем беднее сами источники и, что еще хуже, тем они менее точны. Ибо за хрониками мы находим только мифы, за донесениями — только легенды, а за царями появляются «боги».

Уже во II тысячелетии до н. э. современной науке приходится считаться с расхождениями в датах, исчисляющимися десятилетиями. В III тысячелетии эти расхождения исчисляются столетиями. После того как была расшифрована клинопись, отправным моментом стали «списки царей», «списки дат и высших служащих», «хроники» и «царские надписи».

«Списками царей» называют списки с указанием сроков царствования. Древнейший список такого рода, найденный в Передней Азии, представляет собой четырехугольную глыбу высотой примерно 20,5 см, на которой записаны «первые цари» — мифические государи, правившие в период между сотворением мира и всемирным потопом. Однако этот список все же доходит до исторических времен, до границы II тысячелетия до н. э. К этому списку (названному «Древневавилонский царский список В 444») примыкают еще два (обозначенные «А» и «В»). Эти три исторических памятника вместе с так называемым «Ассирийским царским списком», найденным в 1932—1933 годах в Кхорсабаде, и несколькими отрывочными списками отдельных династий примыкают к I тысячелетию до н. э., т. е. к периоду, настолько богатому другими источниками, что уточнение исторических дат уже не представляет трудностей.

Наличие таких, хотя и неполных, но довольно последовательных списков верховных правителей, с указанием дат их царствования, иногда даже с упоминанием какого-либо важного события, на первый взгляд, — явление весьма отрадное. Однако достаточно лишь взглянуть на определенную часть такого списка, чтобы увидеть, в чем их недостатки. Так, список «В 444» начинается с царей, правивших до всемирного потопа:

Когда царская власть спустилась с неба,
В Эриде было царство.
В Эриде царем был Алулум,
Он правил 28800 лет.
Алалгар правил 36000 лет.
Два царя,
Они правили 64800 лет.
Эрида была завоевана,
Его царство перешло к Бад-тибиру.
В Бад-тибуре Эн-мен-лу-анна

Правил 43200 лет,
 Эн-мен-гал-анна
 Правил 28800 лет,
 Бог Думуци, пастух, правил 36000 лет
 * * * * *

и далее.

«Вавилонский царский список В» начинается так:

Суму-аби, царь	15 лет
Суму-ла-ил	35 лет
Сабу, сын его	14 лет
Апил-син, сын его	18 лет
Син-бумаллит, сын его	55 лет
* * * * *	

и далее.

Можно отказаться от обсуждения приведенных здесь бессмысленных сроков правления царей. Совершенно очевидно, что этой части списка пока нельзя придавать исторического значения (возможно, археология когда-нибудь докажет, что сами цари, хотя и с другими датами правления, когда-то существовали).

Эти примеры, которые могли быть и много короче, доказывают, что списки показывают последовательность без фиксированных исторических дат. Точнее говоря, из «царского списка В» следует, что Суму-ла-ил правил на протяжении тридцати пяти лет после Суму-аби, который царствовал лишь пятнадцать лет. Но когда точно Суму-ла-ил вступил на престол, не указано.

Но это еще не все.

Отрадно было бы, если бы хоть сама последовательность была надежна. Однако вавилонские составители списков совершенно произвольно опускали имена тех царей, которых считали несущественными; или они были неверно информированы, сами неправильно списали у других; или разные династии, правившие одновременно, они попросту указали последовательно, вместо того чтобы привести их параллельно.

Великий царь Саргон (2350 год до н. э.) указал, например, что до него Ассирией управляло не меньше трехсот пятидесяти царей. Совершенно бессмысленное утверждение, которое, однако, внесло большую путаницу

Царские ворота в Богазкёе — Хаттусасе

цу, пока не выяснилось, что при записи просто сложили несколько разных царских списков.

Выход из этой дилеммы дают «списки дат и высших служащих». Уже во времена Саргона в Вавилоне было принято (этот обычай сохранялся в течение почти семисот лет, до времени Хаммурапи) давать годам названия и систематизировать их.

Точные датировки, когда указан определенный год, а в году определенный месяц или день, — чрезвычайно редки.

Как правило, при записи дат год называли по важному событию, случившемуся в предыдущем году. С нашей точки зрения, это весьма затруднительный способ, которым, однако, долго пользовались также и в Египте, в Древнем царстве. Важными событиями считались победоносное окончание военного похода, торжественная закладка храма, вступление в должность высокопоставленного сановника или генерала или — как самое важное — смена правления, восхождение на престол. Вскоре ученые обнаружили, что на основании этих «списков дат» редко можно точно установить дату, ибо нет уверенности, что всегда применялся обычный метод датировки.

Официально началом правления было принято считать новогодний праздник, время от фактической смены трона до конца года присчитывалось к периоду правления прежнего царя. Кроме того, вскоре обнаружили, что названия лет часто менялись — то по прихоти царей, то по причине сознательного искажения истории или по какой-либо другой. И, наконец, писцы имели привычку сокращать имена, часто меняя их до неузнаваемости, или цитировать их на память и притом неверно!

Эти примеры показывают, что реконструкция хронологического остова древней истории — одно из самых значительных достижений исторической науки. Но это еще не все.

Примерно так же обстоит дело и со «списками высших служащих», в которых год назван по какому-либо высокопоставленному лицу, генералу или царю, т. е. не по событию, а по важной личности, — метод, который, между прочим, применялся и много позже в Греции.

В Передней Азии подобным летосчислением пользовались прежде всего ассирийцы, причем с древнейших времен. Здесь имели место те же отступления от нормы, что и в «списках дат». Тем не менее очевидно, что «списки дат и высших служащих» все же как-то дополняли «списки царей».

Путем систематических сравнений можно было восполнить пробелы, обнаружить ошибки и кое-где установить связь во времени между событием и определенной личностью. Однако фиксированных исторических дат все еще не было. Ученые стали надеяться на успех, когда занялись изучением «хроник», которые, однако, нельзя сравнивать с трудами, известными под этим названием из западного средневековья. Переднеазиатские хроники (за исключением некоторых хеттских) представляли собой лишь попытки группировать важные события вокруг выдающихся личностей. Это делалось задним числом, и все ошибки, все пробелы в сообщениях и преданиях сохранялись и накапливались. Хронисты писали, что знали, не заботясь о том, что им было неизвестно. Они нанизывали события, но им было безразлично, правильно ли эти события чередуются. Один списывал у другого, сглаживали неясные места так, как им казалось правильным, прибавляли истории, услышанные от прадеда, и этот материал передавали следующему, который обращался с ним подобным же образом.

Важнейшая «Вавилонская хроника» дошла до нас в виде такого «списка со списка», относящегося ко времени Кира (550 год до н. э.). Первоначальная версия текста была, по-видимому, весьма древней, но насколько древней — не знаем.

«Откуда бы автор „хроники К” ни черпал свой материал, — писал один современный ученый, — насколько богаче он мог бы осветить раздел о Саргоне и его династии, если бы использовал надписи, собранные в библиотеке храма Нипура».

Дополнением, а часто и подтверждением их могут служить еще и «царские надписи». Это те сообщения (не путать со «списками царей»), которые государи приказывали высекать на камне или записывать на глине, дабы будущие поколения знали, какие великие подвиги

свершились во время их правления. Однако к этим надписям следует относиться с большой осторожностью. Их лживость не поддается описанию. Восточные цари часто были тиранами и всегда — деспотами. Такие правители с древнейших времен обыкновенно сами определяли, что считать правдой. При этом они определяли это не приказами, а просто своим существованием, они вызывали представление о сверхчеловеческих подвигах. Было бы ошибочным считать восточных царей авторами их надписей лишь потому, что тексты начинались словами: «Я, великий царь...» Деспоты не нуждаются в том, чтобы самим сочинять себе хвалебные гимны.

Тем не менее все же и «царские надписи» вносят свой вклад в хронологию, ибо они наиболее достоверно связывают определенные события с определенными историческими личностями, причем даже не имеет большого значения, верно ли это событие описано.

Перечислив основные источники переднеазиатской истории, обратимся к скромному тексту, найденному еще в прошлом столетии в знаменитой библиотеке глиняных табличек в Ниневии.

В этом тексте простым языком описываются военные споры Ассирии и Вавилона и при этом упоминаются мирные договоры. Таким образом, здесь в некотором роде «синхронно сочетаются» история Ассирии и Вавилона, поэтому наука называет текст «синхронистической историей». Табличка содержит четырнадцать синхронных сочетаний, что имело большое значение для науки. Сейчас мы постараемся выяснить, как ученые, несмотря на все трудности, все же твердо установили структуру переднеазиатской хронологии. Поэтому для нас значение упомянутого документа заключается в том, что он дал ключевое слово «синхронизм», то волшебное слово, тот «сезам, откройся», который наконец открыл ученым доступ в темные дебри прошлого.

Беспримерная по своей кропотливости исследовательская работа по установлению синхронизма, продолжавшаяся круглым счетом сто лет, не поддается никакому описанию. Это было подобно попытке нескольких моряков ориентироваться в ночном океане, когда они видели лишь несколько сигнальных огней, но не знали, можно ли им довериться.

Имея в своем распоряжении несколько основных дат, историки древности сумели создать систему координат для двух тысячелетий древней истории. При последующем рассмотрении это смелое начинание с трудом поддается изучению. Совершенно невозможно задним числом привести к общему знаменателю тысячи статей, в которых рассматривались мелкие и мельчайшие вопросы. Именно в области хронологии почти нет обобщающих изложений, даже хронологических таблиц крайне мало. И это не удивительно, ибо каждый, кто пытался издать такую таблицу, немедленно подвергался столь уничтожающей критике, что обычно отказывался от вторичной попытки подобного рода. Поэтому вначале были установлены только отдельные даты и лишь много позже создана хронология.

Метод непрерывного сравнения (в поисках синхронизмов) с течением времени утратил бы, конечно, значение, если бы вскоре не вышел за рамки вавилоно-ассирийской истории.

Прежде всего предметом сравнения стали события, описанные Библией, которая является не только религиозной книгой, но и хроникой. Однако вскоре оказалось, что гораздо более важной шкалой сравнения может служить историческая таблица египтологов. Именно египтологи (знатоки фараонов) дали ученым, занимающимся историей Двуречья, то, что так трудно было извлечь из месопотамских источников: первые фиксированные исторические даты!

Египтологам работать было гораздо легче, в их распоряжении имелись неизмеримо более богатые источники. Больше было археологических находок — уже на протяжении десятилетий они находили на поверхности земли то, что их коллеги в Месопотамии со времен Ботта и Лайарда вынуждены были с большими трудностями извлекать из обломков тысячелетий.

Крупный исторический труд египетского жреца Манефона (около 280 года до н. э.) предоставил в их распоряжение хронологический обзор начиная от Менеса, основателя Египетского государства, до завоевания Египта персидским царем Артаксерксом III в 343 году до н. э. Этот труд, несмотря на содержащиеся в нем ошибки, явился основой будущих исследований.

В распоряжении египтологов оказались также несравненно лучшие и более обширные списки царей и царские надписи. Кроме того, они нашли замечательный источник, который удалось относительно быстро расшифровать, а именно — египетский календарь. Этот календарь почти тождествен юлианскому, который у нас на Западе был в ходу до XVI века н. э. Благодаря ему ученые пришли к первым фиксированным датам древней истории Переднего Востока.

Египтяне под влиянием природы, дарившей им раз в год урожай, вели летосчисление так называемым нильским годом. Египетские жрецы очень давно заметили, что продолжительность этого года совпадает с годовым циклом неподвижной звезды Сириуса, которую египтяне называли Сотис и которой поклонялись как олицетворению богини Изиды. Согласно современным астрономическим исчислениям, «год Сотис» почти соответствует солнечному году. Путем чрезвычайно сложных вычислений, в которых принимали участие египтологи, астрономы и математики, удалось установить, что 1461 египетский гражданский год равен 1460 юлианским солнечным годам, и это астрономическое соотношение использовать для установления хронологии.

Здесь речь идет о так называемом утреннем восходе, который современная астрономия в состоянии точно вычислить. Неожиданно оказалось, что «период Сотис» является прекрасным источником получения бесспорных фиксированных дат.

Первая дата такого рода вытекает из сообщения римского писателя Цензорина, настолько точно описавшего конец одного «периода Сотиса», что его стало возможным отнести к 137 году н. э. Теперь для получения новых фиксированных дат достаточно было «отнимать» последующие «периоды Сотиса», т. е. по 1460 юлианских лет. Этот ряд можно было бы бесконечно продолжать в прошлое, если бы занимавшиеся раскопками археологи не установили на основании своих находок, что ранее четвертого периода еще не существовало высокоразвитой культуры.

Согласно этой схеме, по надписи «Декрета Канопуса», в котором упоминается «восход Сотиса», уда-

лось затем установить дату 19 июля 237 года до н. э. (по юлианскому летосчислению). Папирус, названный именем египтолога и романиста Георга Эберса, позволил установить астрономически начало XVIII династии, по другому папирусу удалось зафиксировать начало XII династии. «Списки царей» внезапно приобрели смысл. Указанные в них годы правления оказалось возможным уложить в точную схему. В хронологической схеме начали появляться все новые, точно установленные даты. Ассириологи тоже извлекли пользу из этого обстоятельства. Появилась возможность датировать корреспонденции, договоры, военные донесения, в которых упоминались египетские события. Все шло прекрасно, пока ученые не обнаружили, что летосчисление на основании «периодов Сотиса», весьма ценное вплоть до II тысячелетия до н. э., оказывалось в высшей степени сомнительным для более древних времен.

Знаменитый немецкий историк Эдуард Мейер в своей «Египетской хронологии» 1904 и 1908 годов на основании «периодов Сотиса» с гордостью вычислил старейшую дату мировой истории — 19 июля 4291 года до н. э.!

Однако в наши дни можно предположить, что нельзя исчислять даты Сотиса для Древнего царства, так как в то время их еще не могло быть. Математики обосновали это в пространном ученом трактате, и большинство египтологов начинает верить их аргументации. Это явилось тяжелым ударом также и для ассириологии и тем самым для всей хронологии Передней Азии.

Теперь вернемся, наконец, к вопросу, который заставил нас написать главу о хронологии: к вопросу о двух недостающих столетиях в истории хеттского царства!

Хотя ученым удалось установить довольно точную последовательность дат вавилоно-ассирийской истории, нерешенным оставался вопрос датировки времени царствования Хаммурапи. Ученые давно сумели точно определить даты правления второстепенных и третьестепенных царей II тысячелетия до н. э., однако, несмотря на всю их проницательность, они так и не сумели найти правильного места для великого законодателя Хаммурапи, который, несомненно, был самым значительным царем на Тигре и Евфрате.

Каменная голова, найденная в Каратепе

Ученые предполагали наличие известных синхронизмов, снова вычисляли годы правления, приведенные в списках царей, прибегали к помощи археологии, которая различает «пласты», и к помощи сравнительной археологии искусства, способной делать значительные выводы на основании стилей керамики и скульптур. И каждый раз исследователи снова приходили к выводу, что Хаммурапи жил в XX или XIX столетии до н. э. Все доводы были в пользу этой ранней датировки, и ни одного в пользу того, что Хаммурапи жил позже. Ни одного?

Нет, один был, но ему не придавали серьезного значения. Это был правовой документ, и в нем говорилось, что «на десятый год правления Хаммурапи» присягали «именем Мардука... Хаммурапи и Самси-Адада». Мардук был верховным божеством, Хаммурапи — законодателем Вавилона, Самси-Адад — царем Ассирии, который, согласно всем другим документам, не мог жить в одно время с Хаммурапи. Поэтому эту формулу принимали за «традиционную формулу присяги» и не установили связи во времени между Хаммурапи и Самси-

Ададом. А поскольку этого не сделали, то из истории выпало два столетия!

В древнеегипетской, а тем более в вавилоно-ассирийской хронологии такую неточность можно было допустить, ибо там упоминалось достаточно династий и царей. Но, когда открыли царство хеттов, о котором сохранилось очень мало документов, а связных «списков царей» вначале не было совсем, этих двух столетий явно стало недоставать! Оказалось, что сама хронология нуждается в пересмотре.

Немецкий ассириолог Вейднер еще двадцать лет назад отнес годы правления царя Хаммурапи к периоду 1955—1913 годов до н. э., значительно приблизив его к нашему времени. В 1938 году американец Олбрайт назвал 1868—1826 годы до н. э. В 1940 году немец Унгнад утверждал, что Хаммурапи жил в 1801—1759 годах до н. э. Однако они все еще были не правы. Долгожданное доказательство было получено в результате археологического открытия.

В тридцатых годах нашего столетия один француз, лейтенант, наблюдал на сирийско-иракской границе у Тель-Харрири за группой бедуинов, собиравших крупные камни, чтобы защитить могилу соплеменника от ночных набегов хищных зверей.

Когда бедуины через довольно продолжительное время вернулись, лейтенант осведомился о результатах их трудов. Бедуины рассказали, между прочим, что нашли очень большой камень, похожий по форме на человеческую фигуру без головы!

Офицер составил об этом донесение, последствием чего было появление в Тель-Харрири в 1933 году первого хранителя французских музеев, профессора Андрэ Парро. В самом начале раскопок профессор понял, что находится на развалинах «царского города Мари», что подтвердилось надписями на статуэтке.

«Царский город Мари» («десятый после всемирного потопа») Парро изучал на протяжении двадцати лет, «за исключением, — как он говорит, — досадного перерыва во время второй мировой войны».

Так был открыт город, переживший три тысячелетия человеческой цивилизации. Самой интересной из

Голова порталного льва из Каратепе

находок Парро был государственный архив царей Мари, содержащий около двадцати тысяч глиняных табличек с надписями. Там были письма и договоры, дописания и документы, хроники и рассказы из обыденной жизни и в числе последних забавный рассказ «О льве на крыше» (охота на львов в то время была привилегией царей).

«И сказал Иаким-Аддад, твой слуга, я недавно писал следующее своему господину: „На крыше дома в Аккаде был пойман лев. Если этот лев должен оставаться на крыше до возвращения моего господина, пусть мой господин напишет мне об этом. И если я

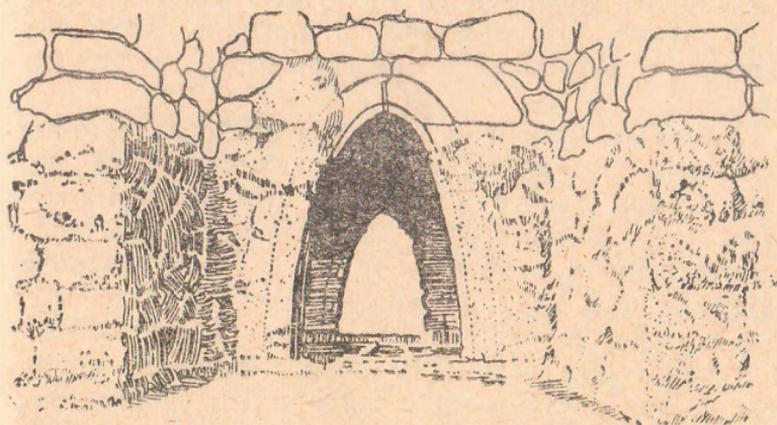
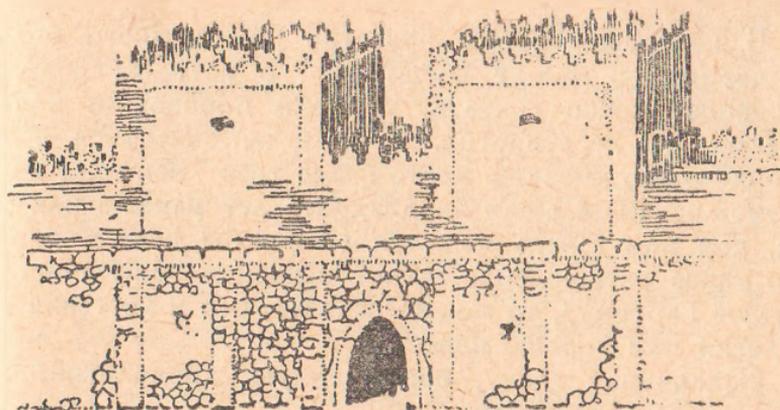
должен отправить льва моему господину, пусть мой господин напишет мне об этом". Теперь ответ моего господина задержался, и лев уже пять дней сидит на крыше. Ему бросили собаку и свинью, ест он также и хлеб. Я сказал: „Этот лев может вызвать панику!" Тогда я испугался и запер льва в деревянную клетку; я погружу эту клетку на корабль и отправлю ее своему господину».

Конечно, не эти анекдоты интересовали ученых. Самым важным в архиве Мари были документы, неопровержимо доказывающие, что Самси-Адад I был старшим современником Хаммурапи. Время правления Самси-Адада довольно точно вычислено по ассирийскому «списку царей» и относится к 1780—1750 годам. Следовательно, время правления Хаммурапи безошибочно можно датировать примерно 1700 годом до н. э. Сейчас, после изучения многочисленных документов, довольно уверенно можно предположить, что он правил в 1728—1686 годах.

Внезапно обнаружился ряд ясных синхронизмов, что позволило проникнуть дальше в прошлое и впервые правдоподобно вычислить время правления Саргона I (которого до недавнего времени считали легендарным). А именно: 2350 год до н. э. В этом году Саргон, по-видимому, основал первую великую державу. Это самая древняя из претендующих на достоверность исторических дат, которые ученым удалось вычислить. Профессор Берлинского университета Антон Мооргат приводит ее в своей «Истории Передней Азии до эллинизма», вышедшей в 1950 году.

Из приведенной выше истории раскопок империи хеттов мы знаем, какими скудными были найденные вначале тексты. Только с 1907 года значительные находки клинописных табличек позволили сделать первые заключения, и только с 1915 года началась дешифровка собственно хеттских надписей.

В совокупности синхронизмов, полученной у ассириологов и египтологов, были слишком большие пробелы и слишком мало точно фиксированных дат. В «списках царей», которые нельзя было просто перенять, ибо их нужно было реконструировать, не указывались годы правления. А досадный пробел в двести

Реконструкция царских ворот в Хаттусасе

лет побудил ученых предположить, что у хеттов было Древнее и Новое царство до и после пробела, но такое деление было весьма произвольным.

Теперь, когда пробел восполнен, история империи хеттов также представляется непрерывной. Однако и поныне в реконструированном «списке царей» имеется не больше двух действительно надежных дат. Это годы 1590 и 1335, подкрепленные вавилонскими и египетскими синхронизмами.

В 1590 году до н. э. умер Мурсилис I, вскоре после завоевания им Вавилона.

В 1335 году до н. э. умер Суппилулиумас — как нам известно из египетских источников, на четыре года позже Тутанхамона.

В настоящее время известно уже немало больше синхронизмов между событиями, о которых довольно уверенно можно сказать, что они произошли в течение одного десятилетия. И если не считаться с тем, что события, имевшие место более трех тысяч лет назад, возможно, произошли на двадцать лет раньше или позже, чем нам теперь кажется (было бы нелепо думать, что такое расхождение может исказить общую историческую картину), то можно сказать, что и хеттская хронология нам хорошо известна.

Заканчивая главу, посвященную хронологии, говорим еще один момент.

Наиболее современная из существующих наук, наука об атоме, его строении и распаде, дала недавно археологам совершенно своеобразный метод изучения.

Исходным моментом является свойство изотопа C_{14} . Изотопами химии называют различающиеся по весу виды атомов одного и того же химического элемента. Существуют естественные и искусственные изотопы. К естественным относится и C_{14} , изотоп углерода, образующийся в верхних воздушных слоях нашей планеты вследствие разрушения атомов азота космическими лучами. Эти весьма редко встречающиеся изотопы усваиваются растениями и животными (животными через растительную пищу). Они радиоактивны, что в данном случае и представляет для нас интерес, так как известна скорость их распада. Со смертью растения или животного выделение из него изотопа C_{14} прекращается. Поэтому по содержащемуся в мертвых останках количеству изотопа C_{14} можно определить возраст этих останков, будь то даже только волокно или крошечная часть кости.

Величайшим специалистом в этой области является профессор Чикагского университета, доктор Вилард Либби. Он родился в 1908 году в Колорадо, собирался стать инженером, но стал химиком и специалистом по радиоактивности.

Благодаря ему 9 января 1948 года явилось весьма важной датой для науки хронологии древнего мира.

В этот день под его председательством собрались представители всех связанных с этой областью наук

и обсудили возможность использования нового метода для вычисления возраста древних ископаемых останков. В результате совещания Либби вскоре собрал в своей лаборатории коллекцию редкостей, подобную которой еще никогда не видели в рабочем кабинете современного химика. Тут были кусочки костей и части растений, остатки ткани и кусочки дерева, останки людей и животных и их экскременты из могил и урн, пирамид и храмов, собранные в странах фараонов и великих царей, моголов, раджей и казиков всех времен и народов.

С тех пор доктор Либби не прекращает исследования. Результаты вычислений, произведенных химико-физическим методом, он отдает на строгий суд специалистов, которые на основании его данных неоднократно были вынуждены менять свои выводы. Вначале Либби допускал ошибку ± 180 лет. Но потом ему удалось усовершенствовать свой метод.

Он, без сомнения, нашел новый, весьма многообещающий способ определения исторического возраста. Для исследователя древнего мира кажется совершенно фантастичным, что мертвые предметы, даже тогда, когда они представлены в виде разрозненных кусков вне всяких археологических связей, выдают свой точный возраст. Особенно большую пользу из этого метода могут извлечь ученые, изучающие предысторию, ибо до сих пор, проникая все дальше в прошлое, они имели дело лишь с очень продолжительными, часто весьма неопределенными отрезками времени. Возраст человечества теперь больше не определяется комбинацией разных теорий историков древности, зоологов и геологов, а является предметом точных измерений.

Само собой разумеется, что описанная выше наука — хронология — не утратила своего значения. Предметом современной истории, бесспорно, является не история царей, а общая история культуры народов, не взлет и падение отдельных личностей, а жизнь и страдания всех. Однако, чем дальше мы проникаем в темную глубину ранних культур, тем больше нам приходится ныне довольствоваться тем, что для начала мы можем реконструировать хотя бы историю царей. И среди них немало таких, о существовании которых нам из-

вестно, но от них, так же как и от их современников, не осталось ни малейших следов, которые можно было бы положить в реторту для изучения.

Глава 9

БИТВА ПРИ КАДЕШЕ И ВЕЧНЫЙ МИР

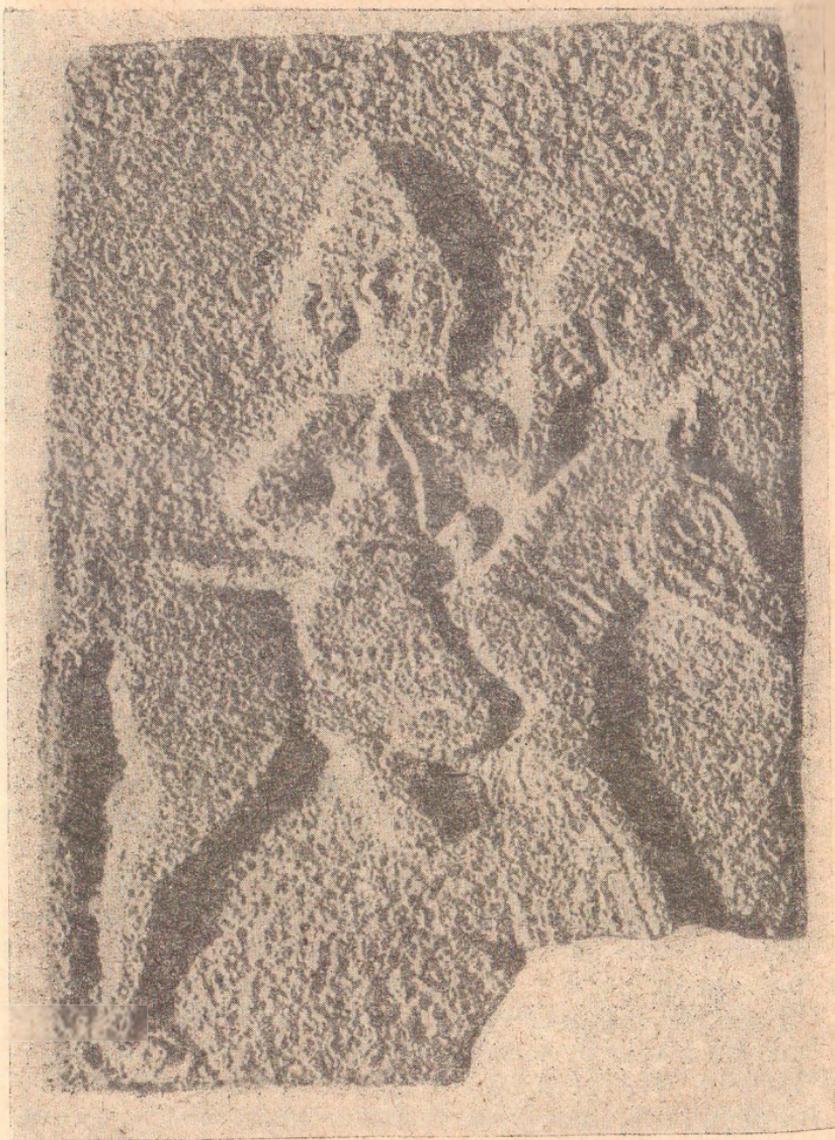
Как стало очевидно благодаря уточнению хронологии, в те запутанные двести лет (примерно с 1600 до 1400 года до н. э.) вовсе не произошло тех событий, о которых сообщала наука в своих смелых гипотезах. Эти двести лет, существовавшие только на бумаге, растаяли, как дым. За царствованием Телепинуса, законодателя, почти непосредственно следовало царствование Тудхалияса II (1460—1440 годы до н. э.), связанные краткими периодами правления нескольких царей, о которых пока неизвестно ничего, кроме в лучшем случае имен.

Тем не менее как раз в этот период в истории Передней Азии произошло важное событие. Точнее говоря, трудно установить, когда и где в образе жизни народов произошли некоторые изменения, вначале бесспорно незначительные, но в середине II тысячелетия до н. э. внезапно возымевшие важные последствия.

Уже издавна на востоке Хеттского царства вплоть до Сирии появились отдельные группы племени хурритов, образовавших в это время под правлением царей индо-иранского происхождения (некоторые из них носили индийские имена) мощное Митаннийское царство с высокоразвитой культурой. По причине слабости хеттских царей, правивших после смерти Мурсилы I, Митаннийское царство превратилось в угрозу для страны хеттов.

С этим объединением больших групп народов связано, по-видимому, внезапное, мощное и сметающее все на своем пути вторжение гиксосов в Египет.

За недостатком источников и отсутствием каких бы то ни было точных сведений этот поход представляется нам призрачно-фантастическим: из мрака истории внезапно появляется дикое племя («пастушьи цари», «чужеземные предводители»), продвигается с северо-

Рельеф всадника. Высота 1,08 м

востока до дельты Нила, прогоняет фараонов, захватывает власть, господствует сто лет, затем низвергнутое, изгоняется египтянином Амосисом и — бесследно исчезает во тьме веков так же внезапно, как и появилось.

Возвышение хурритов, грандиозное перемещение гиксосов, в котором, возможно, принимали участие и хурриты, вторжение из Ирана касситов, захвативших разрушенный хеттами Вавилон и господство над ним — вот что видит политик в новом движении народов Переднего Востока.

Однако видеть только это — значит упустить главное. Тогда внезапно возникшая волна передвижения народов представится лишь как одна из многих, происходивших и раньше. В действительности же во время этого народного брожения возникло нечто совершенно новое, что одно только и могло вызвать лавиноподобное вторжение гиксосов и что действительно оказало революционизирующее влияние на дальнейшую историю переднеазиатского культурного мира, а следовательно, и на всемирную историю.

Именно в это время (во II тысячелетии до н. э.) где-то среди хеттов, хурритов, касситов и варваров-гиксосов большого совершенства достигли коневодство и верховая езда, а также появилась весьма своеобразной формы двухколесная повозка. Возникшая на этой основе легкая боевая колесница приобрела всемирно-историческое значение.

Во время раскопок глиняных табличек в древнем Хаттусасе, недалеко от Богазкёя был найден текст длиной около тысячи строк, содержащий указания по коневодству, старейшее в мировой истории «руководство по разведению лошадей» — ему по меньшей мере три тысячи четыреста лет.

Надпись, как уже сказано, хеттская, и в том месте, где она была найдена, некогда находилась столица Хеттской империи. Автором труда был, по-видимому, некий «Киккули из страны Митанни», т. е. хуррит. И в этом первом руководстве по разведению и тренировке лошадей постоянно встречаются специальные термины бесспорно санскритского происхождения. Разве индийских имен не было у хурритских царей?

Эти факты доказывают, что царь хеттов выписал из страны Митанни (где в то время, вероятно, можно было найти лучших специалистов) коневода и тренера для лошадей, хуррита, чтобы продолжить развитие коневодства в своей стране, так сказать, «согласно новейшим достижениям науки». Правила тренировки Киккули составлены с большой педантичностью, что свидетельствует о традициях в этой области. Срок обучения лошадей составлял семь месяцев.

Бесспорно, не хетты (и не хурриты) были «изобретателями» коневодства. И, конечно, не эти два народа дали первых наездников, появившихся дальше на востоке, в Азии. Кроме того, известно, что хетты не были также изобретателями нового вооружения — боевой колесницы, само существование которой предполагало наличие коневодства. Ибо это новое средство ведения боя могло оказаться действенным лишь при использовании обученных людей.

В период большого перемещения народов — хурритов, касситов и диких гиксосов в середине II тысячелетия до н. э., которое почти не затронуло основные районы страны хеттов в излучине Галиса, только хетты подхватили инициативу своих соседей в отношении использования лошадей и повозок. Они улучшили результаты, достигнутые соседями, обогатив их собственными знаниями и опытом, и создали новое оружие — легкую боевую колесницу, благодаря которой им позже удалось выиграть величайшее сражение древности. Как рассказывает Библия, еще много времени спустя сирийцы содрогались, услышав грохот этих колесниц.

Нам кажется странным, что после приручения лошади вначале возникла не конница, а отряды боевых колесниц. Но не менее удивительно другое: в более поздние времена у переднеазиатских народов большое значение приобрели отряды вооруженных всадников, однако с исчезновением хеттов было утрачено и искусство верховой езды и умение его использовать: ни греки, ни римляне не знали кавалерии, у них были всадники, но не было конных отрядов.

Легкая боевая колесница, доведенная до совершенства хеттами, в свое время была новинкой, так что

ныне мы вправе называть ее изобретением. И совершенно ошибочно ассириологи утверждают, что нечто похожее на боевую колесницу имелось, возможно, уже у шумеров; у них были всего лишь неуклюжие повозки с четырьмя дисковыми колесами (они ясно различимы на так называемом «Мозаичном знамени из Ура»). Если их и использовали во время сражений, то только с теми же целями, что и тяжеловесные колымаги на Западе в средние века. Передвигаясь в темпе пехоты, эти колымаги врезались подобно слонам в сутолоку боя, служа моральной опорой марширующим пехотным отрядам ландскнехтов. Однако более вероятно, что первые шумерские повозки применялись только в обозе. Легкая боевая колесница хеттов была снабжена вместо дисковых двумя колесами с шестью спицами, придававшими ей изящество английской двуколки XIX века. Преимущество ее заключалось в скорости.

Сосредоточение таких повозок в войсковой части боевых колесниц и было тем стратегическим открытием, которое привело к изменению тактики ведения войны в целом.

Этого сочетания ржущих коней, ревуших людей и блестящего оружия не мог выдержать даже самый надежный фронт пехоты. Но даже если пехоте удалось устоять в первой атаке, она с ужасом убеждалась, что ее обошли, что она окружена мчащимися с бешеной скоростью колесницами, что ее засыпают стрелами, топчут черными копытами в бешеном вихре боя, в котором ломаются колесницы и кони натываются на копья.

Конские испарения, запах крови, кружащие над полем коршуны, эти мародеры сражения, — вот как можно себе представить картину боя. И тот, кто занимается историей, не может поверить, что это не повторится.

Но мы не будем уклоняться в сторону от поставленной перед нами задачей — рассказать об открытии Хеттского царства.

По последним данным, после смерти Телепинуса сильнейшим государством Передней Азии стало Митаннийское царство. Однако трем хеттским царям, Гудхалиясу II, Хаттусилису II и Арнувандасу III, удалось уберечь свое государство от коренных преобразований,

хотя оно, особенно при Тудхалиясе III, пережило несколько кризисов.

Речь идет о периоде между 1500 и 1375 годами до н. э. О нем мало известно, но тем не менее его не следует считать маловажным. Сто двадцать пять лет — довольно значительный отрезок времени в жизни народа.

Преемником царя Арнувандаса стал Суппилулиумас (1375—1335 годы до н. э.). Это был величайший из царей, когда-либо правивших народом хеттов, царь царей, новооснователь поистине великого государства.

Суппилулиумас I — яркая личность во всех отношениях. Он смело принимал важные решения и обладал не знающим сомнений прямотушием. Одновременно он отличался мудрой политической умеренностью по отношению к своим врагам. Он был веротерпим, но вместе с тем проявлял серьезную заботу о сохранении чистоты нравов и истинного права. Об этом свидетельствуют многочисленные договоры, заключенные им за сорок лет царствования. Суппилулиумас I выдал свою сестру замуж за царя страны Хайяса и отправил ее туда в сопровождении сводных сестер и придворных дам. Однако в Хайясе еще господствовали варварские, по хеттским понятиям, нравы: браки между братьями и сестрами и беспорядочные связи между родственниками. Суппилулиумас отнесся к этому весьма неодобрительно. Он пишет царю письмо: «Это в Хаттусасе не принято... Кто поступает таким образом, тот в Хаттусасе не остается в живых, его убивают!» И в качестве предостережения рассказывает о некоем Мариясе, которого отец, очевидно, поймал на месте преступления и приказал убить. Далее он пишет: «Поступок, из-за которого погиб человек, совершить остерегайся!»

Суппилулиумас превратил город Хаттусас в крепость, в период его царствования с южной стороны возникла огромная насыпь. Он отправился в поход против мощного Митаннийского царства, перешел Евфрат, захватил и разграбил столицу хурритов. Однако он не превратил народ побежденной им страны в рабов. Выдав одну из своих дочерей замуж за принца страны Митанни Маттиваза, Суппилулиумас связал эту страну узами дружбы с Хеттской империей.

Он завоевал Сирию, издавна бывшую предметом военных споров, подчинил себе царства Алеппо и Кархемиш и посадил туда царями своих сыновей. Его военные походы были успешными благодаря тому, что именно в Сирии против него не выступил тот противник, который мог быть опасным; египетский фараон Аменхотеп IV, царь-еретик, был занят заменой в Египте культа множества богов культом бога солнца. А его преемник, Тутанхамон, умер восемнадцати лет. Поэтому Суппилулиумас имел возможность не только завоевывать, но и укреплять, а также вести определенную имперскую политику, причем рассчитанную на длительный период. После одержанных побед он начал постулировать свое величие в системе новых титулов. Суппилулиумас стал называть себя не только «царь», как его предшественники, но и «Лабарна, великий царь, царь страны хеттов, герой, любимец бога грозы», а в договорах именовался «мое солнце».

Значение Суппилулиумаса, особенно его политическое могущество, признавалось далеко за пределами государства. Это доказывает некая переписка, которая имеет большое политическое значение и вместе с тем выявляет такие человеческие качества, что о ней следует рассказать. Сведениям об этой переписке мы обязаны Мурсилису II, сыну Суппилулиумаса, который, подробно рассказывая о себе, описывает также и деятельность своего отца. Речь идет ни больше, ни меньше, как о том, что египетская царица Анхесенамун, бездетная вдова рано умершего царя Тутанхамона, просит хеттского царя Суппилулиумаса прислать ей в мужья одного из его сыновей, дабы тот мог занять престол фараона. Это предложение могущественнейшего двора древнего мира было таким необычным, что даже Суппилулиумас не мог быстро принять решение, как это следовало бы сделать в этом единственном в своем роде удобном случае. В это время он как раз совершал военный поход на Кархемиш и в своем победоносном наступлении на Амка находился между Ливаном и Антиливаном. В тексте говорится: «Когда же египтяне узнали о покорении Амка, они испугались. И так как их государь умер, царица Египта, вдова, отправила посла к моему отцу и написала ему следующее:

«Мой супруг умер, а сына у меня нет. О тебе же все говорят, что у тебя много сыновей. Если бы ты пригласил мне одного из них, он мог бы стать моим супругом. Или мне взять к себе одного из своих рабов, сделать его своим супругом и поклоняться ему?»

Суппилулиумас был поражен. Его сын отмечает: «Когда мой отец услышал это, он пригласил на совет представителей знати». Ясно было одно: царь отнесся с недоверием к этому странному предложению и, как отец семейства, старался определить, может ли ввергнуть своего сына в столь сомнительную авантюру. Он отправил особого посла, дабы тот выяснил, как обстоят дела. «Отправляйся и привези мне надежные сведения. Быть может, они только смеются надо мной, у них, быть может, уже есть наследник престола. Итак, привези мне надежные сведения!»

Тем временем он осадил Кархемиш, завоевал его на восьмой день и захватил богатейшие трофеи — в сообщениях говорится о массе золота, бесчисленных количествах бронзовой утвари, а также о трех тысячах трехстах пленных.

Однако, когда прибыл египетский посланник, Суппилулиумас снова высказал свои сомнения. Между тем царица с некоторой досадой, но, настаивая на своем предложении, писала: «Почему ты сказал: „Они хотят только посмеяться надо мной!“ Я не писала ни в какую другую страну, я написала только тебе. О тебе говорят, что у тебя много сыновей. Дай мне одного из твоих сыновей, дабы он стал моим супругом и царем Египта!»

И Мурсилис сообщает, точно передавая факты: «Так как мой отец был любезен, он исполнил желание этой женщины и занялся этим делом». Так, к сожалению, рассказ обрывается.

Суппилулиумас послал своего сына в Египет, но по дороге принц был убит, по-видимому, влиятельной группой придворных, желавших посадить на престол своего человека.

В такой переписке, происходившей три тысячи триста лет назад, еще сегодня чувствуется биение пульса истории: если предположить, что действительно хетт занял бы трон фараонов, это могло иметь самые фантастические последствия.

Империя, подобная той, которую создал Суппилулиумас, после смерти своего основателя подвергалась большой опасности. Обусловленное законом престолонаследование отнюдь не гарантирует того, что достойный государь будет иметь достойного преемника. Прочность этого сложного федеративного образования сохранило счастливое стечение обстоятельств, весьма редкое в истории народов. Болезненный поемщик Суппилулиумаса, вступивший на престол под именем Арнувандаса III (1335—1334 годы до н. э.), уже год спустя умер от чумы, а его преемник, Мурсилис II (1334—1306 годы до н. э.), второй сын Суппилулиумаса, оказался достойным наследником отца. Мурсилис II, насколько он известен по своим анналам, договорам, грамотам, а главное, по молитвам против чумы, был совершенно другим человеком, чем его отец.

Если Суппилулиумас соединял в себе величие с широтой натуры, то в характере наследника уживались решительность с постоянно терзавшими его сомнениями.

Сразу после вступления на престол он вынужден был силою оружия защищать то, что было создано его отцом. В двухлетнем военном походе он сокрушил мощь страны Арцава на западе (об этой стране мы и сегодня еще знаем очень мало), воевал на востоке, на севере держал под угрозой своих смертельных врагов — дикие племена каска, а также народ аххиява, который некоторые ученые отождествляют с микенскими ахейцами.

Одновременно ему приходилось также бороться с собственной натурой: он был не очень крепок физически, и есть основания предполагать, что у него была нарушена речь. И, наконец, очевидно, религия представляла для него серьезную проблему. Этой особенностью его характера мы обязаны появлением на свет молитв против чумы, которые следует рассматривать как первое в истории литературное произведение.

Молитвы Мурсалиса сравнивают с «Книгой Иова», они действительно являются потрясающим документом.

Вот пример:

Хеттский бог грозы, мой повелитель, и вы, боги,

мой повелители, это так: человек грешит.

И мой отец также грешил и ослушался слова хеттского

бога грозы, моего повелителя.

Я, однако, ни в чем не грешил. Это так: грех отца
переходит на сына. И на меня перешел грех
моего отца.

Но я теперь покаялся хеттскому богу грозы, моему
повелителю, и богам, моим повелителям. Это так:
мы совершили это.

И да смягчится гнев хеттского бога грозы, моего
повелителя, и богов, моих повелителей.

Ибо я теперь покаялся в грехе моего отца.

Будьте снова ко мне благосклонны.

Прогоните чуму из страны хеттов.

...Вы, боги, мои повелители, вы, желающие отомстить за
кровь Тудхалияса, убившие Тудхалияса искупили
убийство.

А также страна хеттов погибла из-за этого убийства,

Значит, и страна хеттов искупила свою вину.

Теперь, когда меня покарала эта вина,

Я со своей семьей хочу искупить ее путем
самоотречения и покаяния.

Да успокоится гнев богов, моих повелителей.

Вы, боги, мои повелители, будьте снова ко мне
благосклонны!

И услышьте меня, ибо я не совершал зла.

И из тех, прежних, что грешили и совершали зло,
уже нет никого, ибо они давно умерли.

Но так как я пострадал за вину своего отца,

То я ради своей страны, дабы избавить ее от чумы,

Подношу вам, богам, моим повелителям, покаянные дары.

...Прогоните страдание из сердца моего, возьмите
страх из души моей.

Мурсилис II оставил своему сыну, Муваталлису (1306—1282 годы до н. э.), государство, которое, по-видимому, последнему достаточно было только сохранить. Однако в данном случае выражение «только сохранить» приобретает особое значение. Ибо в Египте тем временем произошли решающие события. После долгих десятилетий политической слабости в царстве фараонов появился новый властелин, Рамсес II, который с большим размахом приступил к воссозданию египетского государства.

Когда Рамсес II вступил на престол, стало ясно, что граница между Сирией и Египтом нуждается в пересмотре. И именно Муваталлису пришлось выступить против этого величайшего правителя древности, и он разбил Рамсеса в битве при Кадеше.

Битва при Кадеше произошла в 1296 году до н. э. между фараоном Рамсесом II с одной стороны и хетт-

ским царем Муваталлисом и поддерживавшими его азиатскими народами — с другой. Эта битва имеет всемирно-историческое значение.

Чем бы она ни окончилась — победой ли египтян или хеттов или ее исход оказался бы нерешенным, — в любом случае это сражение сыграло бы решающую роль во всемирной истории, ибо так или иначе оно оказало бы влияние на судьбу Сирии и Палестины и на соотношение сил между Египтом и страной хеттов. А судьба народностей, живших между Нилом и Тигром, — это и было в то время всемирной историей.

Кроме того, битва у реки Оронт приобретает особое значение именно для нашей книги. Это первая битва в истории, ход которой можно точно восстановить. За ней последовал первый, точно разделенный на отдельные параграфы, мирный договор, который нам известен. Это соглашение политически значительно благоразумнее многих мирных договоров, составленных народами XX столетия н. э.

Как уже говорилось, эта битва имела свою предысторию. Она явилась завершением длившейся десятилетиями агрессивной политики, инициаторами которой были попеременно то египетские фараоны, то хеттские цари (или их союзники).

Эти всегда кровавые и жестокие продолжительные раздоры имеют большее историческое значение, чем предполагали египтологи. Исходя из великой мощи царства фараонов, ученые рассматривали эти раздоры как незначительные пограничные инциденты, в то время как в действительности они были значительнее Тридцатилетней войны.

Сирию и Палестину вновь и вновь опустошали; разрушали города и крепости, убивали или изгоняли жителей. Речь шла не о «границах», а о господстве над всем восточным побережьем Средиземного моря.

В письмах, найденных в Амарне, до нас дошли жалобы сирийских и палестинских городских князей — полные отчаяния жалобы на то, что пограничные форты стало невозможно охранять против нападений с севера.

Однако Эхнатон ничего не предпринимал. Он предавался мечтам о своем сказочном дворце в Амарне, постепенно теряя то, что завоевали его предшествен-

инки. Полководец, взошедший на престол под именем Харемхеба (1345—1318 годы до н. э.), пытался спасти что возможно.

Сети I (1317—1301 годы до н. э.) снова совершил несколько походов в глубь Палестины, изгнал племена, вторгшиеся из пустыни, и обезопасил район примерно до Тира — Дамаска. Однако затем он оказался лицом к лицу с хеттским царем Муваталлисом — врагом, противостоять которому он был не в силах.

Таким образом, Рамсесу II (1301—1234 годы до н. э.) досталось нелегкое наследство. Едва вступив на престол, он увидел горящие границы и был вынужден начать поход, чтобы сохранить то, что с таким трудом отвоевал его отец, Сети I.

На пятом году царствования Рамсеса II хетты вторглись в Палестину. Он собрал свое войско и отправился тем же путем, которым уже следовал Харемхеб вдоль Финикийского побережья на север. Подойдя к Оронту, Рамсес получил известие, что непосредственно перед ним находятся основные силы хеттов под предводительством Муваталлиса, расположившегося лагерем у крепости Кадеш. Рамсес чувствовал себя во всеоружии — он решил наступать.

«Истории» об историческом событии — так можно назвать сообщения об этом сражении. В Карнаке и Луксоре, у Рамессеума, в Абидосе и в Абв-Симбеле — после (после возвращения Рамсеса) восхваляли полководца. Авторитарное господство не знает свободы высказывания. Поэтому «Сетепенре» («Избранник бога Ра») восхвалялся безмерно, с таким византизмом (если дозволено будет применить здесь этот анахронизм), какой даже в Египте до той поры не был в обычае. И Рамсес, судя по тому, что нам известно о позднейших годах его жизни, всячески способствовал культу своей личности.

Ни один эпитет не был превеличением, все похвалы казались недостаточными. Его называли «Гоом», «могучим быком, любимцем истины», «быком-властелином», «бесстрашным, великим, в почете во всех странах, не допустившим существования Эфиопии и положившим конец хвальбе страны хеттов». Он достиг «подела земли» и «вакрыл рот чужеземным князьям». Он —

«сын бога Ра, растоптавший страну хеттов». Он — «был с острыми рогами», «могучий лев», «шакал, способный в одно мгновение обежать всю землю», «божественный великолепный сокол». Эти примеры показывают, что за человек был фараон, и какого характера были рассказы историков. В таком же стиле описан и ход боя. Приведенные выше эпитеты мы находим на стелах у высеченного в скале храма в Абу-Симбеле. Кроме того, о великой победе Рамсеса сообщает длинное стихотворение, сохранившееся в пяти надписях в трех храмах, а также на одном папирусе. Автор его неизвестен. Долгое время автором считали некоего Пентовера, однако позднее выяснилось, что он был всего лишь переписчиком, к тому же плохим, ибо многочисленные ошибки и опiski принадлежат ему. Когда стихотворение было обнаружено, некоторые восторженные египтологи восхваляли автора, называя его египетским Гомером, сравнивали это произведение с песнью о Трое. И ни один из ученых не подошел к нему критически. А между тем следовало заметить в тексте не только преувеличения и противоречия, но также очевидные ошибки.

Сейчас уже можно сказать, что инспирированные Рамсесом сообщения являются чистой фальсификацией истории. Это первая фальсификация, о которой нам известно. Можно смело утверждать, что Рамсесу, несмотря на отсутствие опыта в этой области, удалось создать шедевр пропагандистской фальшивки. Его версии верили больше трех тысяч лет. Причиной того, что и современная наука долгое время находилась в заблуждении, является главным образом то обстоятельство, что еще семьдесят пять лет назад противник фараона рассматривался как строптивый пограничный народ, и никто даже не подозревал, что Рамсес у Кадеша воевал против великой державы. К сожалению, и сегодня еще критика основывается больше на косвенных уликах, чем на точных доказательствах. Однако эти улики так убедительны, что не приходится сомневаться в действительном исходе этой знаменитой битвы.

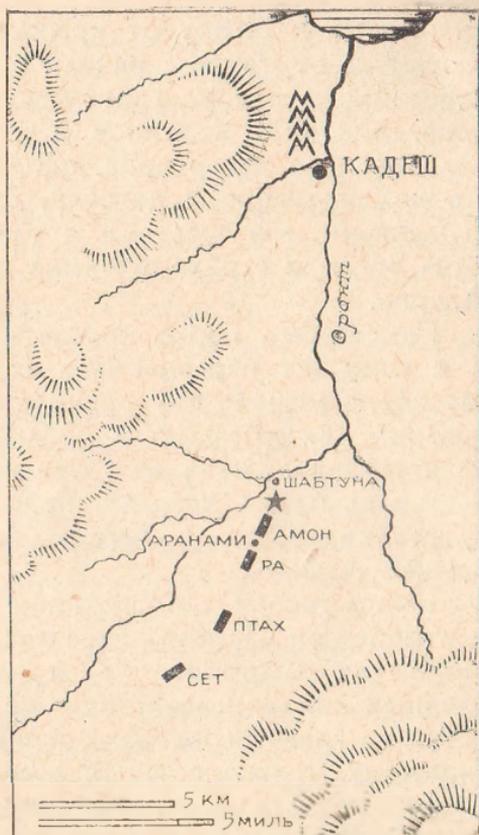
На поле боя встретились две величайшие военные силы того времени. Рамсесу было ясно, что он должен готовиться к решительному сражению, — и он сделал это, собрав в свое войско всех, кто был ему подчинен.

Кроме того, в последнюю минуту на его сторону перешел Бен-тезина, князь Амурру, союзник хеттов. Но и Муваталлис присоединил к своим основным войскам все народы, которые ему удалось подчинить, а также наемные войска и даже часть выывавших страх морских разбойников из Ликии. Это двадцатитысячное войско было величайшим из всех, когда-либо выступавших против фараона. Поэт не умолчал об этом, напротив, он преувеличил силу врага, чтобы еще ярче осветить доблесть собственных войск, — «чем больше враг, тем больше честь».

Наступление Рамсеса на Кадеш было, если рассматривать его с точки зрения стратегии, дилетантским. Это было наступление без заранее продуманного плана. Войско было разделено на четыре армии, названные именами великих египетских богов: Амон, Ра, Птах и Сет.

В конце мая Рамсес подошел к Кадешу и расположился лагерем перед высотами города, слабо различимого в туманной дали.

Врага, предполагавшегося в этом районе, нигде не было видно. Пока Рамсес со своими военачальниками растерянно обсуждал создавшееся положение, хетты уже начали действовать. Они разбили лагерь вне пределов

М ХЕТТЫ ■ ЕГИПТЯНЕ ★ РАМСЕС

Окрестности Кадеша. Расположение войск ночью и утром перед великим сражением

видимости, к северу от крепости, на берегу Оронта и в отличие от Рамсеса начали наступление по ранее разработанному плану. Тактическим вступлением было отправление двух бедуинов в лагерь Рамсеса. Они выдали себя за дезертиров, опорочили хеттское войско и его командование и донесли, будто хеттский царь, ослепленный могуществом и славой приближающегося сына богов, в страхе отступил далеко на север, в район Алеппо.

Рамсес был плохо информирован своими шпионами и к тому же переоценивал собственную персону, что бесспорно мешало ему правильно оценивать других. Он поверил «дезертирам» и предпринял нечто совершенно безрассудное. Встав во главе первой армии, «его величество выступал впереди, подобно своему отцу Монту, властелину Фив, и перешел вброд Оронт с первой армией Амона».

Иначе говоря, на основании высказываний двух «дезертиров» он разделил свое войско и вывел одну армию вперед на расстояние примерно десяти километров от главных сил в неизвестную местность. Мало того, сам встал во главе передового отряда, сопровождаемый, по видимому, только группой военачальников, вместо того чтобы выслать авангард, сохранив связь с главными силами. Тем самым инициатива оказалась в руках хетта Муваталлиса, который спокойно ждал приближения Рамсеса, затем снял свое войско, находившееся на северо-западе от города, и перешел Оронт.

В то время как Рамсес в поисках врага отправился с запада мимо Кадеша на север (постоянно находясь во главе лишь одной армии, ибо армия Ра медленно следовала сзади, а Птах и Сет оставались к югу от Оронта), Муваталлис двинул свои войска с восточной стороны города на юг. Между ним и врагом находился городской холм и стена крепости.

Эти маневры продолжались до второй половины дня. Прибыв к северо-западу от города (туда, где незадолго до этого был лагерь Муваталлиса), Рамсес приказал раскинуть палатки, а уставшим войсгам отдыхать и готовить пищу. Тем временем медленно приближалась армия Ра, и случай помог египтянам поймать двух хеттских шпионов. Это были первые враги, кото-

рых увидели египтяне. Рамсес приказал избивать их, пока они не признались, что Муваталлис отнюдь не бежал от фараона, а со всем своим войском находится за городом.

Теперь Рамсес понял, какая ему грозит опасность.

Он обрушился на своих военачальников, которые раньше тщетно предостерегали его от легкомысленного выступления, выслал гонцов, чтобы поторопить приближение армии Птах, и надеялся лишь на то, что армия Ра приблизится на расстояние слышимости человеческого голоса.

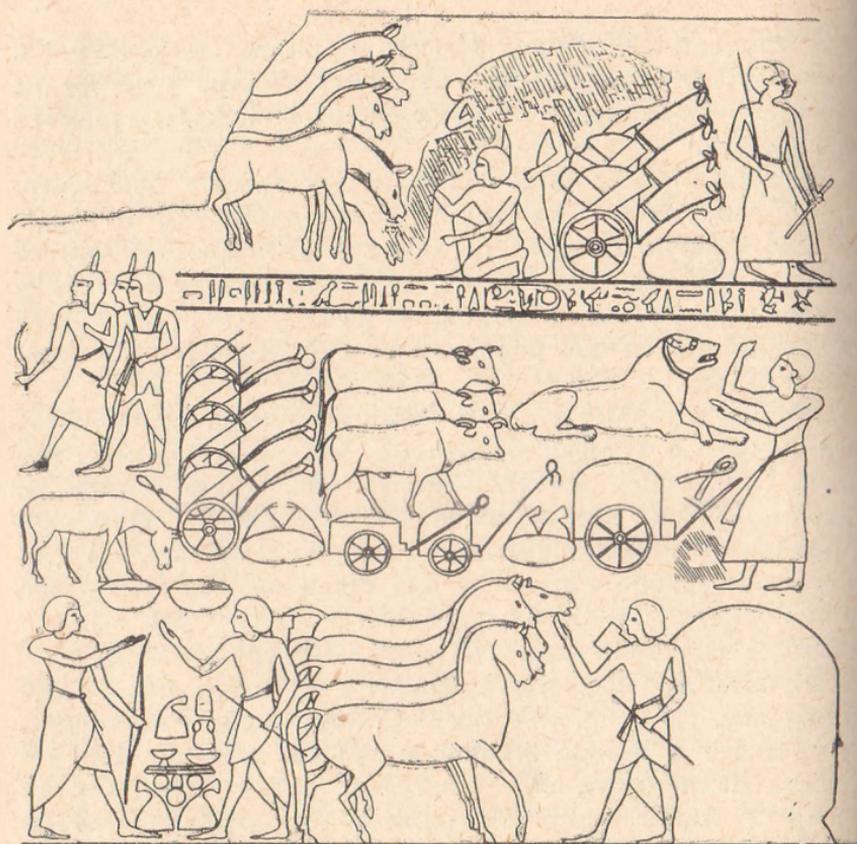
Но Муваталлис уже на юге от Кадеша снова перешел реку. Со своими быстрыми, как молнии, колесницами (в каждой хеттской колеснице, кроме возницы, находились еще два воина, а в египетской — один), он ворвался в находившуюся на марше армию. «Они атаковали армию Ра, когда она была на марше, ничего не подозревала и не была готова к бою. Армия и колесничие его величества не устояли перед ними!»

Муваталлис рассеял армию Ра и почти полностью уничтожил ее. Хеттские боевые колесницы — новейшее, быстрейшее и всепобеждающее оружие наступления — преследовали бегущих. Спасаясь, остатки египетской армии в такой безумной панике ворвались в лагерь Амона, врезались в ряды собственных войск, что увлекли за собой и эти пораженные неожиданностью войска.

Это было решающим моментом битвы при Кадеше. Легкие боевые колесницы внесли новый стратегический маневр в историю войн — внезапность окружения.

Принимая это во внимание, невозможно отнестись с доверием к победным реляциям египтян.

Оба войска были примерно одинаково сильны — в каждом около двадцати тысяч человек. Разгромив армию Ра, Муваталлис обезвредил четвертую часть боевых сил фараона. Затем отрезал армию Амона (тем самым и самого фараона) от главных сил — армия Птах приближалась, находясь в полном неведении, армия Сет все еще ждала к югу от Оронта. И Муваталлис, с молниеносной быстротой использовав ситуацию, прорвался со своими колесницами через ряды бегущих, зашел им в тыл и окружил царя!

Первое войско Амона на биваке

Ни один наблюдатель не мог бы сомневаться в том, что величайшая битва древности должна была кончиться уничтожением египетского войска. Сохранив нетронутыми силы своей армии, Муваталлис получил возможность разбить армию египетские войска.

Только чудо могло помешать полному уничтожению египтян. Только чудо могло спасти самого фараона и остатки его войска. И это чудо свершилось.

Египетские авторы хроник позже писали о нем, как о необыкновенном примере божественной храбрости Рамсеса. Однако как бы ни были велики деяния фараона, спасение его стало возможным лишь благодаря двум событиям, происшедшим совершенно независимо

от его вмешательства. В смешанном войске хеттов была слабая дисциплина. Уверенные в победе и опьяненные боем, ударные части хеттов охватила жажда добычи, и, увидев перед собой лагерь Рамсеса, покинутые палатки и очаги, продовольственные повозки, утварь и оружие, оставленные бежавшими, они прекратили преследование. Превратившись в беспорядочную орду, не слушавшую команды, хетты, недавно столь грозные, могли теперь стать жертвой любой энергичной атаки. Однако такая атака была произведена не войском Рамсеса, а неожиданно со стороны моря. Небольшой, хорошо дисциплинированный отряд, который, едва появившись на поле боя, разгромил шайки хеттских мародеров. Мы не знаем, откуда он появился, предполагают, что это было подразделение, которое, не имея определенного боевого задания, прибыло в одну из гаваней с целью установить связь с войском. Этот отряд спас фараону жизнь, ему он обязан тем, что впоследствии мог называться «Великим».

Придворный поэт подробно описывает, каким образом Рамсес спасся из окружения. Если отвлечься от безмерных преувеличений, надо признать, что в рассказе есть захватывающие моменты. Волнующей является также и художественная форма повествования, в которой хроникальные сообщения автора сочетаются с описанием личных переживаний царя во время сражения, его призывов к богу и горьких жалоб на вероломных соратников, бросивших его в минуту опасности.

«Его величество был совершенно один со своими телохранителями, — так начинается сообщение, описывающее решающий момент сражения, — в то время как презренный правитель хеттов, — и здесь поэт клеймит хитрость врага, как трусость, — со всех сторон был окружен своими войсками и из страха перед его величеством не принял участия в сражении».

«Когда выступили хеттские колесничие, раскололи и рассеяли армию Ра и бегущие толпы (среди них два сына Рамсеса) достигли лагеря фараона и в своем паническом бегстве увлекли собственные войска, тогда его величество выступил, „как его отец Монту“, одевши боевые украшения и облачившись в панцирь; он был

подобен Ваалу в час гнева. Большая упряжка, на которой ехал его величество, носила название „Победа у Фив“, и она была из больших конюшен Рамсеса. Его величество помчался вперед и проник во вражеское войско хеттов совершенно один, и никого с ним не было».

Предполагают, что бросок Рамсеса, описанный здесь как героический, безумной храбрости поступок, на самом деле был актом отчаяния или безрассудным бегством. Преувеличение поэта, однако, превращается в чрезмерное возвеличение Рамсеса. Оно поднимает событие, каким бы оно ни было на самом деле, до уровня личного подвига императора, оставшегося в одиночестве.

«Когда царь оглянулся, он заметил, что его окружают две с половиной тысячи колесниц с воинами презренной страны хеттов и множеством союзных ей земель: из Арада, Мезе, Педеса, Кешкеша, Ируна, Кизвадны, Хереба, Екерета, Кадеша и Реке. Они стояли втроем на одной упряжке и объединились».

И тут царь возносит свою жалобу, и поэма становится величественной (рассказ поэта перемежается с прямой речью фараона). «Ни одного государя нет рядом со мной, ни одного возницы, ни одного военачальника пеших войск и ни одного из отрядов боевых колесниц. Мои пешие войска и мои колесничие покинули меня, как добычу для врага, и никто из них не устоял, чтобы воевать с ними». И он взывает к своему богу.

«Его величество сказал: „Что же это, отец мой, Амон? Неужели отец забыл своего сына? Разве я делал что-либо без тебя? Когда я шел или стоял, разве не делал я это по твоему разрешению? И никогда не отступал я от твоих приказаний!.. Что для тебя эти азиаты, Амон? Эти презренные, не знающие о боге? Не поставил ли я тебе множество памятников? И не наполнил ли твой храм пленными?.. Я взываю к тебе, отец мой, Амон! Я — среди чужеземцев, которых не знаю. Все страны объединились против меня, и я совсем один, и никого нет со мной. Мои солдаты покинули меня, и никто из моих колесничих не вспомнил обо мне... Но я взываю и знаю, что Амон лучше для меня, чем миллионы пеших войск и сотни тысяч колесничих,

чем десять тысяч братьев и детей, спаянных воедино. Труд многих людей — ничто. Амон лучше их... Амон слышит меня и является, когда я зову его... Он протягивает мне руку, я ликую; он восклицает: „Вперед! Вперед! Я с тобой, я — твой отец. Моя рука с тобой, и я лучше ста тысяч воинов, я, властелин победы, любящий силу”». В поэме слились Гильгамеш с Гераклом.

«Я вновь обрел свое сердце, мое сердце полно радости. К чему я стремлюсь, то свершается. Я подобен Монту, я стреляю налево и воюю направо. Я подобен Ваалу в час его гнева. Я вижу: две с половиной тысячи упряжек, окружавшие меня, лежат разбитые на куски под копытами моих коней. Сердца их стали вялыми от страха, и руки ослабели. Они не могут стрелять и не осмеливаются взяться за копья. Я опрокидываю их в воду, и они падают туда, как крокодилы. Они валяются один на другого, и я убиваю, кого хочу».

Если египетская поэма верно описывает события, то значит у Рамсеса возникла тактически верная идея: опрокинуть фронт хеттов, слабый вдоль реки, и обеспечить себе прикрытые с тыла для новой атаки. Сражение, записанное на стенах египетских храмов, показывает, как тонули враги, сброшенные в реку.

«Презренный царь хеттов, вероломный и колеблющийся» (согласно египетскому изложению), увидел, что происходит с его людьми. Он собрал вокруг себя военачальников, приказал созвать войско — «их было вместе тысяча упряжек, которые тотчас направились на огонь!» — к фараону, диадема которого в форме змеи извергала огонь.

«Я набросился на них. Я был подобен Монту, в мгновение ока они почувствовали силу моей руки. Я резал, я убивал их, где бы они ни были, и один кричал другому: „Это не человек находится между нами, это Сет — многосильный. Ваал вселился в его члены, человек не способен на подобные поступки. Никто еще один, без пеших частей и колесничих, не побеждал сотни тысяч. Собирайтесь скорее, дабы бежать от него, дабы спасти свою жизнь и еще дышать воздухом. Смотрите, кто осмеливается приблизиться к нему, у того немеют руки и все тело; тот не может удержать лук или копье, кто увидит, как он бежит по дороге”».

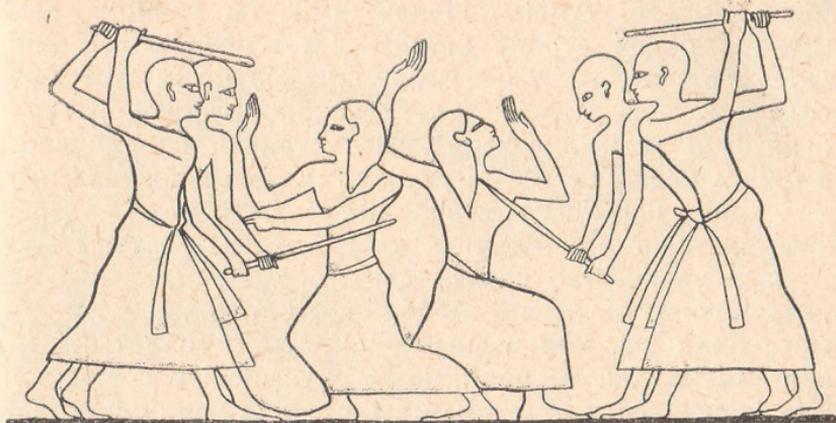
Предположим, что Рамсесу действительно удалось совершить смелую вылазку. Перед ним блеснул луч надежды, и он вспомнил о своих военачальниках, о своей свите, о своих солдатах и попытался собрать их, но не бесполезными приказами, а заклинаниями.

«Мужайтесь! Мужайтесь, мои солдаты! Вы видите мою победу, когда я один. Но Амон — мой защитник, и его рука со мной. Как трусливы вы, мои колесничие, и доверять вам нельзя. Нет ни одного среди вас, которому я не сделал бы добра. Не стоял ли я как владыка перед вами, а вы были низки? Тогда я сделал вас благородными, и ежедневно вы получаете от меня пищу. Я разрешил сыну наследовать имущество отца. Все зло, что было в этой стране, я устранил. Я простил вам ваши недоимки и вернул вам то, что у вас забрали... Кто бы ни обратился ко мне с просьбой, я всегда отвечал: „Да, я сделаю это“. Никогда владыка не делал того для своих солдат, что сделал я согласно вашему желанию, ибо я разрешил вам жить в ваших домах и ваших городах, если вы и не несли военной службы. И то же я сделал для своих колесничих, им я указал дороги ко многим городам... и надеялся, что они отплатят мне тем же в час, когда началось сражение. Но смотрите! Поступки ваши ничтожны, никто из вас не проявляет стойкости, никто не подал мне руки помощи... Клянусь именем Ка, отца моего, Амона! Лучше бы я находился в Египте, как мои отцы, никогда не видевшие сирийцев!..»

Совершенно очевидно, что, несмотря на все прославления храбрости Рамсеса, это не рассказ о его победе.

«Преступление, совершенное моими солдатами и моими колесничими, больше, чем можно выразить словами. Но смотрите, Амон даровал мне победу, хотя солдат и колесничих не было со мной. Все далекие страны увидели мою победу и мою силу, хотя я был один, без военачальника, который следовал бы за мной, и без возницы...»

Но когда Менна, мой возница, увидел, что меня окружило большое число упряжек, он ослабел, в сердце его не осталось мужества, и великий страх вселился в его тело. Он сказал его величеству: „Мой добрый господин! Сильный владыка! Великий защитник Егип-

Избиение хеттских шпионов

та! В день сражения мы одни среди врагов. Смотри, войско и колесничие покинули нас. Почему ты хочешь остаться, пока они лишат нас дыхания? Да останемся мы невредимы, спаси нас, Рамсес!”

Его величество сказал своему вознице: „Мужайся, мой возница. Я проникну в среду врагов, как сокол. Я буду убивать, рубить, опрокидывать на землю. Что тебе эти трусы? Мое лицо не побледнело перед миллионом их”.

Царь устремился вперед и проник в самую гущу врагов, и так было шесть раз. „Я преследую их, подобно Ваалу в час его гнева. Я убиваю их без усталости. Но, когда мои солдаты и мои колесничие увидели, что я подобен Монту по силе и мощи, они начали по одному приближаться, чтобы к вечеру прокрасться в лагерь. Там они увидели, что все враги лежат убитые в лужах крови и среди них лучшие воины хеттов, дети и братья их царя. Я сделал поле боя при Кадеше белым (от белых одежд убитых), и некуда было ступить, так много их было”.

Мои солдаты пришли восславить мое имя, когда увидели, что я совершил. Мои военачальники явились, чтобы возвеличить мою силу, а также мои колесничие, восхвалявшие мое имя:

„Слава тебе, прекрасный воин, вселяющий храбрость в сердце. Ты спас своих солдат и своих колесни-

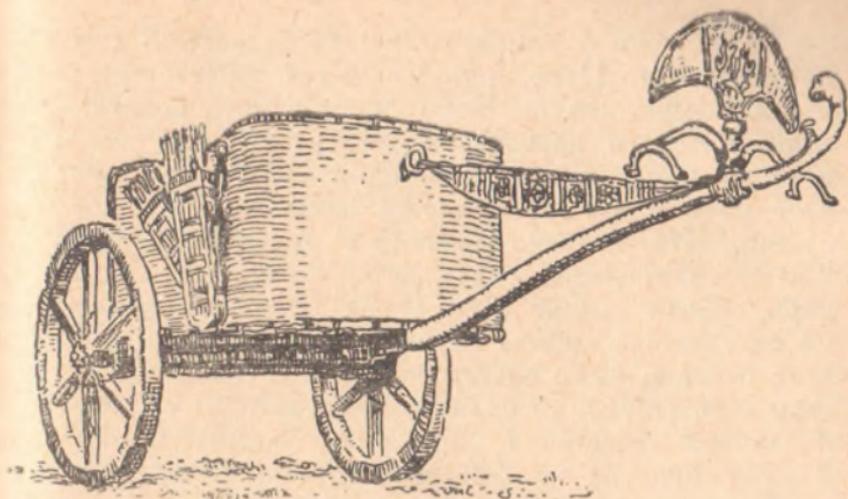
чих. Ты, сын Амона, Подвижный, ты разорил своей мощной рукой страну хеттов. Ты — прекрасный воин, нет тебе равного, ты — царь, сражающийся для своих солдат в день битвы. У тебя храброе сердце, и ты — первый в пылу сражения. Все страны, объединенные в одном месте, не могли устоять против тебя. Ты победил перед войском и перед лицом всего мира — это не хвастовство... Ты навсегда сломал хребет хеттам”.

Его величество сказал своим солдатам, своим военачальникам и своим колесничим: „Какое злодеяние совершили вы, мои военачальники, мои солдаты и мои колесничие, вы, не принимавшие участия в сражении!.. Как «прекрасно» поступили вы, оставив меня одного среди врагов!.. Все узнают, что вы покинули меня... Я воевал и победил миллионы стран, я один. Со мной были „Победа у Фив” и „Бодрость духа”, мои большие кони, у них я нашел поддержку, когда я остался совершенно один среди множества врагов. Я и впредь прикажу ежедневно давать им корм в моем присутствии, когда буду снова в своем дворце, ибо у них я встретил поддержку и еще у Менны, моего возницы”.

Из этой поэмы можно извлечь следующее.

По-видимому, Рамсесу удалось собрать часть своих войск (возможно, действительно благодаря беспримерной личной храбрости) и на следующее утро прорваться на юг.

Отряд, неожиданно появившийся со стороны моря и сыгравший решающую роль, придворным поэтом не упоминается. Источники, указывающие, что Рамсес с остатками своих армий поспешил на юг и дошел до Дамаска, вполне убедительны. Рамсес, понеся большие потери, с величайшим трудом спас собственную жизнь и привел домой сильно поредевшее войско, не добившись никакого военного успеха. Тем не менее придворный поэт заявляет: «Презренный побежденный царь хеттов отправил послание и чествовал великое имя его величества: „Ты — Ра-Харахти, ты — Сет, многосильный, сын Нут; Ваал в твоих членах, и страх вселился в страну хеттов. Ты навсегда сломал хребет царю хеттов”. Он отправил посла с письмом, адресованным великому имени моего господина и сообщавшим следующее: „Ты — сын Ра, порожденный им, и он отдал тебе

Реконструкция боевой колесницы. Серповидная насадка на дышло является штандартом из чеканной листовой меди шириной до 70 см. Это — символический предохранительный щит для колесничего, своим блеском наводивший страх на врагов

все страны. Страна Египет и страна хеттов, да, они твои слуги и лежат у ног твоих. Ра, твой прекрасный отец, дал их тебе. Не соверши насилия над нами!

Смотри, власть твоя велика и мощь твоя тяготее над страной хеттов. Хорошо ли будет, если ты станешь убивать своих слуг? Вчера ты убил сотни тысяч, и сегодня ты приходишь и лишаешь нас наследников. Не будь строгим в своих притязаниях, могучий царь. Лучше быть кротким, чем воевать. Сохрани нам дыхание».

По воле придворного египетского поэта это письмо Рамсес получил во время отступления, которое поэт не называет отступлением.

Наиболее абсурдным в этом измышлении является фраза: «Страна Египет и страна хеттов — они лежат у ног твоих». В результате единственного крупного сражения на границе обеих стран, после которого египтянин тотчас же отступил, даже не ступив ногой в страну хеттов, царь Муваталлис якобы подчинил ему свое государство, столица которого находилась от Кадеша на расстоянии шестисот километров на север!

Далее поэт с удивительной беспечностью сам себе противоречит. Царь, ринувшийся в опустошительный поход с неистовством самого бога войны, военная доблесть которого превозносилась сверх меры, когда он в своем царственном гневе один убил сотни тысяч,— этот царь вдруг объявляется олицетворением великодушия. Что недавно считалось величайшей добродетелью, то внезапно оказывается сомнительным. Когда царь собрал вокруг себя своих генералов и сообщил им содержание письма Муваталлиса (которое на самом деле наверно было совсем иным, чем указано в египетском сообщении), то полководцы ответили: «Кротость— наилучшее качество, о царь, наш владыка! Стремление к миру никогда не бывает достойно осуждения. Кто станет почитать тебя в дни неистовства?»

И после этого его величество приказал «внять» словам хеттского царя и «протянул руку для мира, продолжая движение на юг...»

Что еще оставалось делать побежденному, кроме как принять предложение о мире... но осторожности ради продолжать отступление?

Рамсес Великий подписал договор о дружбе с хеттским царем Муваталлисом.

Муваталлис добился большого успеха. Прямым последствием битвы при Кадеше было то, что страна Амурру, при Бентезине присоединившаяся к Египту, снова перешла на сторону хеттов. (Еще одно доказательство бесспорной победы хеттов, ибо какая страна, будучи в союзе с победителем, перейдет на сторону побежденного?) И брат Муваталлиса, Хаттусилис, в высшей степени сильная личность, получивший за победы над вечно мятежным народом каска пост вице-царя и втайне поддерживавший связь с Бентезиной, сохранял спокойствие.

В то же время пограничные племена в Сирии и Палестине продолжали бунтовать против Египта. Договор о дружбе, по-видимому, препятствовал возникновению нового большого конфликта. У нас нет точных сведений о том, что между египтянами и хеттами произошло еще одно большое сражение. Рамсес воевал с племенами, в крайнем случае — с народностями, но ни разу не перешел хеттскую границу, установленную вдоль Нахр-

эль-Кельба, «Собачьей реки» в Финикии. Это была ситуация, подобная нынешней, постоянная смена «холодной» и «горячей» войны. Следовало найти выход из положения, ибо от создавшейся обстановки страдала экономика стран обоих противников. Решено было заключить мир, что является заслугой Хаттусилиса II, самого выдающегося хетта после Суппилулиумаса.

После смерти Муваталлиса его преемником стал его сын Урхи-Тешуб, законный (согласно порядку наследования Телепинуса), но слабый властелин. Он осмелился оспаривать положение вице-царя у своего дяди Хаттусилиса, завоеванное последним силой меча, и это явилось для него роковым: Хаттусилис захватил трон. Однако узурпация обошлась без цареубийства. Урхи-Тешуб был только изгнан. А методы правления узурпатора были не столько хитры, сколько мудры, он не столько притеснял, сколько проявлял терпимость — они напоминали методы правления Суппилулиумаса. Хотя этот царь соорудил свой трон на острие меча, он был чем-то неизмеримо большим, чем просто удачливым полководцем. Он оставил нам документ, который является наиболее ранним документом подобного рода.

Немецкий ученый Антон Мооргат говорит, что его «можно назвать древнейшей автобиографией и одновременно оправданием незаконного восхождения на престол. Он (документ) относится к числу истинно хеттских письменных памятников, в которых впервые в истории Древнего Востока автор видит осмысленную связь между собственной жизнью и жизнью народа, рассматривает ряд собственных и чужих поступков, а также значительные события с определенной точки зрения, иначе говоря — обнаруживает способность к историческому мышлению».

Телепинус и Мурсилис II также оставили документы, имевшие некоторые из указанных признаков, но Хаттусилис пошел дальше. В отличие от самовосхваленных фараонов и всех других восточных владык мы видим здесь попытку написать подлинную автобиографию (конечно, не в виде «исповеди» в западном духе), в которой автор не превозносит, а объясняет, не пытается заранее узаконить, а порой почти оправдывается. Этот царь не настаивает на том, что ведет свое про-

исхождение непосредственно от бога (что на Востоке принято, но на что на Западе решился лишь Наполеон в час безумия, чем доказал свою склонность к восточному деспотизму), а подчеркнуто ставит себя на службу божеству.

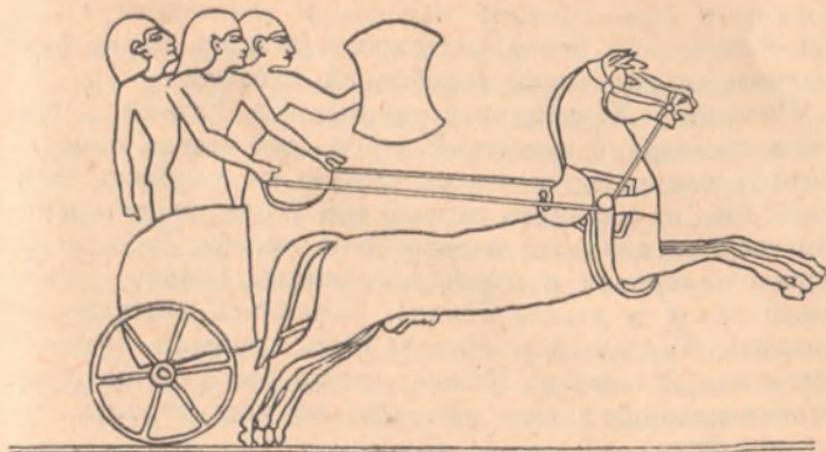
«И отец мой взял меня, еще ребенка, и поставил на службу божеству». Почти с христианским смиренным Хаттусилис рассматривает себя как орудие богини Иштар из Самуха, во всех поступках ведомый ею: «...если мне бывало плохо, я именно в своей болезни отчетливо видел действие божества. Божество, моя госпожа, всегда вела меня за руку. И я никогда не совершал злых поступков, свойственных людям, ибо мной руководили боги, и я подчинялся их господству...»

Этому, казалось бы, противоречит тайное участие Бентезины в заговоре (во время похода его царствующего брата в Кадеш). Однако здесь возможна неправильная информация. В противном случае, почему бы Муваталлис после судебного расследования всех обвинений, предъявленных его брату, назначил его главнокомандующим военного лагеря и колесничих? Кроме того, Хаттусилис после смерти Муваталлиса помог законному наследнику занять престол. Лишь когда племянник стал посягать на его благоприобретенные права, он начал борьбу.

«Когда же я отступился от него, я поступил не бесчестно, я не восстал против него в колеснице и не восстал против него в доме; я враждебно сообщил ему: бой против меня начал ты. И ты — великий царь; единственной крепости, которую ты оставил мне, царь — я один! Вступим же в бой! Богиня Иштар из Самуха и бог грозы из Нерика рассудят нас!..»

Способность хеттских правителей, единственная в своем роде среди народов Передней Азии, рассматривать себя и свои действия в причинной связи с историческими событиями должна была укрепить их дипломатические позиции в отношении противников. Это и подтвердилось успехами договорной политики хеттов.

Так, договор, заключенный Хаттусилисом III с Рамсесом II после длившихся десятилетия пограничных войн, — не просто мирное соглашение, это первый

Хеттские боевые колесничие (по египетскому рельефу времени XIX династии)

в истории человечества образец важного политического договора.

Этот договор, составленный в двух редакциях, — древнейший дошедший до нас в письменном виде документ подобного рода. Его-то, к своему безмерному удивлению, обнаружил и узнал Винклер, которому был известен египетский вариант, найденный на глиняной табличке в Богазкёе.

Договор был заключен между 1280 и 1269 годами до н. э. (дата требует уточнения египтологов и хеттологов), следовательно, примерно на двадцатом году правления Рамсеса — по новейшей хронологии, согласно которой Рамсес вступил на престол в 1301 году до н. э.

Оригинал был выгравирован на серебряных табличках (они потеряны). Египетский вариант текста сохранился в иероглифах на стенах храмов — Рамессеума и в Карнаке. Данный договор существует не только на двух языках, но и в двух редакциях, каждая из которых представляет отредактированный перевод параграфов текста, предложенного противником, причем формулировки менялись в соответствии с желанием редактора.

Клинописный текст полностью не сохранился и доходит только до четырнадцатого параграфа, соответ-

ствующего семнадцатому параграфу египетской редакции. Египетский текст содержит тридцать параграфов и кончается описанием серебряной таблички.

Посланцы Хаттусилиса прибыли в Египет с проектом договора. Египетский текст, как всегда односторонне интерпретируя политическую обстановку, повествует, что на двадцать первый год (годы царствования Рамсеса), на двадцать первый день месяца Тиби, когда фараон находился в своей резиденции (вновь построенный город в дельте Нила), появились хеттские посланники Тартешуб и Рамоз. Они прибыли «просить о мире его величество Рамсеса, этого быка среди царей, устанавливающего свои границы во всех странах, где ему угодно».

Договор начинался принятыми на Востоке громкими словами, на этот раз действительно отражавшими нечто важное — равновесие сил. «Договор, составленный великим царем хеттов, могущественным Хаттусилисом, сыном Мурсилиса, могущественного великого царя хеттов, и внуком Суппилулиумуса, могущественного великого царя хеттов, записанный на серебряной таблице для Рамсеса II, могущественного властелина Египта, сына Сети I, могущественного великого властелина Египта, и внука Рамсеса I, могущественного великого властелина Египта, прекрасный договор о мире и братстве, устанавливающий мир между ними на вечные времена».

Нет нужды дословно передавать запутанный текст этого длинного договора. Важнейших пунктов в его содержании было два: обе стороны обязывались не предпринимать больше завоевательных походов и заключили оборонительный союз.

Наиболее удивительный, с нашей точки зрения, параграф помещается в самом конце, где речь идет, по видимому, о положении политических беженцев. То, что было записано больше трех тысяч лет назад, необычайно злободневно до сих пор.

«Если человек, или два, или три убегут из страны Египта и явятся к великому царю хеттов, то великий царь хеттов должен задержать их и приказать снова отправить к Рамсесу, великому властелину Египта. Но тому (человеку), которого возвратили Рамсесу, вели-

кому властелину Египта, не следует предъявлять обвинения в преступлении, не следует губить его дом, его жен, его детей, не следует убивать его самого или наносить раны глазам, ушам, устам или ногам, не следует обвинять его в каком бы то ни было преступлении».

Это определение сохраняло свою силу и для беглецов из страны хеттов, перешедших к Рамсесу.

Заключительная часть придавала договору особую значимость:

«Что касается этих слов, записанных на серебряной табличке для страны хеттов и страны Египта, — кто не станет придерживаться их, пусть погубят тысячи богов страны хеттов и тысячи богов страны Египта его дом, его землю, его слуг!»

Конечно, не магическое волшебство этих слов, а умение хеттов вести реальную политику способствовало тому, что этот договор не превратился в «клочок бумаги», а принес народам Переднего Востока семьдесят лет мира! Редко бывало, чтобы на протяжении семидесяти лет царил мир! Даже самый мудрый договор может оставаться в силе лишь при наличии доброй воли у партнеров.

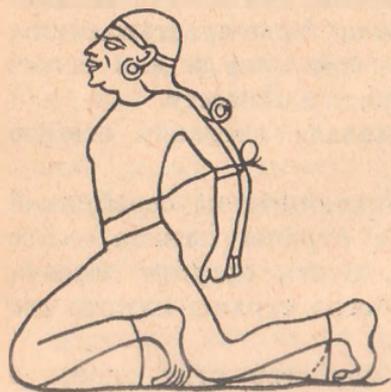
Через десять лет после заключения пакта эта дружба была скреплена необычайным образом: Рамсес женился на дочери Хаттусилиса!

Не удивительно было бы, если бы он просто взял ее в свой гарем, но он возвысил ее до положения главной жены. Бракосочетание явилось блестящим поводом еще раз демонстративно предать огласке великий договор о мире. Кроме того, это послужило предлогом для личной встречи двух из «великой троицы» древности. Есть основания предполагать, что в этом бракосочетании инициатива принадлежит хеттскому царю и, следовательно, это был результат определенных политических соображений. *Tu felix hattii nube...* * представляло, видимо, для хеттов позднего периода отнюдь не худший вариант.

На стеле, высеченной на скале возле города Абу-Симбел, увековечено прибытие хеттской принцессы.

* *Tu felix hattii nube...* (лат.) — Ты счастлив, Хатти, бракосочетанием... — Ред.

Там изображен Рамсес II, рядом с ним — царская дочь, принявшая имя Маатнефрур («Истина является красотой Ра»), и ее отец, хеттский царь Хаттусилис III.

Связанный хеттский князь (по египетскому рельефу)

Один из сопроводительных текстов был недавно переведен Зигфридом Шотте. Однако переводчик слепо следует утверждению египтян и начинает свой перевод словами: «После победы Рамсеса II над страной хеттов эта страна жила в бедности и страхе. Царь хеттов послал Рамсесу свою дочь».

Разве фараон оказал бы такой прием принцессе, прибывшей из страны, живущей в бедности и страхе перед ним? Для торжественной встречи принцессы

он отправил целое войско и множество вельмож. «Его величеству сообщили: смотри, как поступает хеттский царь.

Прибыла его старшая дочь со множеством даров.
Они покрыли все кругом своими сокровищами.
Царская дочь и князья хеттов несут их.
Они преодолели множество гор и трудных перевалов
И достигнут границ владений твоего величества.
Вышли войско и вельмож, чтобы принять их.

Царь удивлен. Кажется невероятным, чтобы царь хеттов отправил в путь свою дочь, не узнав предварительно, какой ей готовят прием. Но как раз эти строки наводят на мысль, что инициатива исходила именно от хеттов:

Его величество возрадовался. Хозяин дворца был доволен, узнав об этом чрезвычайном событии,
Подобного которому в Египте никогда не знали.
Он выслал войско и вельмож, дабы, тотчас встретить ее.

И Рамсес обращается с молитвой к богу — покровителю чужеземцев, к «отцу Сету», чтобы испросить хорошей погоды для свадебной поездки.

«Прекрати дождь, бурю и снег»... «Его отец Сет
внял всем просьбам».

Далее шествие описывается как настоящее чудо:

То были хеттские войска, стрелки из лука и всадники,
Все люди страны хеттов, смешавшиеся с людьми Египта.
Они ели и пили друг с другом.
Они были единодушны, как братья.
Ни один не питал злобы к другому.
Мир и дружба были меж ними, какие бывают лишь между
самими египтянами.

Правители всех стран, где они проезжали,
Были поражены, охвачены недоверием и бессилием,
Когда все они видели людей страны хеттов,
объединившихся с войском царя.

Один из этих правителей говорил другому:
То правда, что говорил его величество,
как величественно то, что мы увидели собственными
глазами...

Это шествие расценивалось пограничными народами
как необычайное событие.

Затем великолепное шествие вступило в город Рам-
сеса:

Подвели дочь великого царя хеттов,
Прибывшую в Египет, к его величеству.
И вслед за ней поднесли многочисленные дары...
И увидел его величество, что лицо ее прекрасно, как
лик богини...

И это было великим необычайным событием,
Чудесным, доныне неизвестным чудом,
Подобного которому никогда не передавали из уст в уста,
Ничем не напоминавшим рассказанное в письменах предков.

В заключительной части говорится о политических
последствиях этого брака по расчету, причем послед-
няя фраза представляет собой обязательную здравицу
египетского поэта в честь величия его царя:

И если теперь мужчина или женщина
Отправлялись в Сирию по своим делам и достигали страны
хеттов,

То не было страха в их сердцах,
Ибо велико было могущество его величества.

Этот мирный договор явился апогеем Хеттской им-
перии, но вместе с безопасностью исчезало величие.

Жадные к добыче ассирийские цари совершали набеги на границы. Один из вернейших западных вассалов, Маддуваттас, внезапно изменил, почуяв новые силы.

Неожиданно большое влияние приобрело государство Арцава, на западе угрожающе выросло могущество народа аххиява (быть может, это действительно были ахейцы, т. е. ранние греки).

Великое государство, созданное Суппилулиумасом и продержавшееся больше столетия, в течение двух поколений пришло в упадок при Тудхалиясе IV (1250—1200 годы до н. э.) и в еще более слабых руках Арнувандаса IV (1220—1190 годы до н. э.). Ни один из них не сумел ни проводить до конца конструктивную мирную политику Хаттусилиса, ни вернуть себе силу меча то, что было потеряно вследствие дипломатических неудач.

Об этом внезапном упадке великой державы было много толков. Ответ, однако, прост: началось новое переселение народов. И если говорят, что этим нельзя объяснить такое быстрое крушение империи, то следует возразить, что, если за последние сто пятьдесят лет, со времени Иммануила Канта, у нас на Западе много размышляли о пространстве и времени, то относительная ценность понятий «историческое пространство» и «историческое время» еще отнюдь не исследована.

Как бы то ни было, но после Арнувандаса, по-видимому, на короткое время к власти пришел правитель, подобный Суппилулиусу или даже Тудхалиясу.

Верно одно: в 1190 году до н. э. город Хаттусас был сожжен. Новое переселение народов, на этот раз с запада, охватило ослабленное Хеттское государство. Возможно, что вначале это были мидийцы или фригийцы: они как «народы моря» фигурируют в египетской надписи на стене храма в Медине.

«И ни одна страна не могла устоять перед ними — даже страна хеттов!»

Пожар, уничтоживший Хаттусас, бесспорно результат поджога, последовавшего за разграблением, был, по-видимому, ужасен. Как показывают данные археологических раскопок, стены крепости, храмов и домов горели много дней, а может быть, и недель.

Во время пожара погибла не только столица (которая с тех пор до наших дней оставалась в лучшем случае маленьким городком, а чаще — деревней), почти одновременно были уничтожены другие большие города у Кюлтепе и Алая Хююка, и вся хеттская империя оказалась вычеркнутой из истории.

Поскольку сейчас мы стараемся восстановить историю открытия Хеттского государства, необходимо считаться с мнением археологов об этих событиях. Оно прекрасно выражено в двух высказываниях известного английского археолога Леонарда Вулли: «Если бы все происходило согласно желанию археологов, то все древние столицы были бы погребены под пеплом какого-либо оказавшегося как раз под рукой вулкана». И добавляет: «За отсутствием вулкана самое лучшее, что может произойти с городом, с точки зрения археолога, это — разграбление и пожар».

Эти высказывания Вулли не так уже «бесчеловечны», как кажутся на первый взгляд. Археологи постоянно встречаются со следами пожаров, разграблений, разрушений и убийств, приметами всех тех жестокостей, которыми так богата история человечества. Он может только принимать эти события, как они есть, и лишь констатирует факт, говоря, что при быстрой насильственной смерти, какая постигла, например, Помпею и Геркуланум, в короткий срок засыпанные лавой и пемзой, больше сохраняются для потомства, чем при медленном, изнурительном угасании. Быстрое разрушение вызывает мумификацию, а не разложение.

Как ни парадоксально, но пожар может оказывать такое же действие. Следует, однако, учесть, что даже самый большой пожар никогда не уничтожает город полностью. Каменные строения, скалистые стены, валы — все это частично сохраняется, и даже от кирпичных построек обычно остается по крайней мере основание. Во всяком случае по остаткам от пожара легче восстановить картину разрушенного города, чем если город был покинут, как это случалось со многими некогда великими городами, и затем медленно разрушался, пока ветер, непогода и песок ни сравняли его наконец с землей и превратили в прах, из которого он некогда возник.

Второй археолог, занимавшийся раскопками в Богазкёе, немец Курт Биттель добился успеха именно благодаря тому, что Хаттусас погиб вследствие пожара, так что сохранилось множество предметов, которые можно было изучать.

Гуго Винклер вел раскопки почти исключительно в поисках табличек с письменами. Биттель также находил таблички, однако он продолжал дело, начатое Отто Пухштейном, одним из руководителей первых раскопок Винклера. Биттель интересовался городом, его устройством, протяженностью, архитектурой крепости, строениями храмов и архивами. Для этой цели он пытался проникнуть еще глубже, а именно — в предысторические пласты древнего поселения Богазкёя. Однако эта часть его работы выходит за хронологические рамки нашей книги, которая посвящена истории культуры.

Но прежде чем мы попытаемся сделать общее заключение относительно образа жизни хеттского народа в пору его могущества, прежде чем мы обратимся к тому поразительному факту, что после гибели империи хеттов народ все же продолжал жить и действовать, нам необходимо познакомиться с раскопками Биттеля.

Глава 10

ГОРОДА И ДЕРЕВНИ — НАРОД И ЕГО ОБЫЧАИ

Рассказ о раскопках Курта Биттеля будет недолгим. Хотя в научном отношении эти раскопки были весьма плодотворными, но сам процесс работы был настолько изнурителен и однообразен, что о нем много не скажешь.

Общий вид современных раскопок почти всюду один и тот же. В изнуряющей жаре медленно движутся туземные рабочие, перетаскивая корзины и толкая тачки. Среди них мужчины в соломенных шляпах или тропических шлемах, вооруженные рулетками и фотоаппаратами.

А на местности обычно всего лишь несколько раскопанных развалин, странное геометрическое расположение которых ничего не говорит несвященному. Процесс новых открытий, часто даже сенсационных,

протекает лишь в умах специалистов и поэтому внешне незаметен.

Все же начало первых раскопок Биттеля имело как смешную, так и почти опасную сторону.

Курт Биттель родился в 1907 году в городе Гейдельберге около Вюрцбурга. Он учился в Гейдельберге, Марбурге, Вене и Берлине. Изучал археологию и древнюю историю. В 1930 году Биттель получил заграничную командировку от Германского археологического института, которую он использовал для знакомства с Египтом, а затем и Турцией. В апреле 1931 г. он встретил в Стамбуле Мартина Шеде, директора местного филиала Германского археологического института, пригласившего его осмотреть Богазкёй. За этим осмотром последовали раскопки. Так определилось его призвание. Он вел раскопки на протяжении девяти лет, до начала войны. Да и сейчас Биттель ежегодно многие недели проводит среди развалин древней хеттской столицы.

Первоначально раскопки мыслились как контрольные. Ибо с течением времени стало совершенно ясно, что изыскания Винклера — Макриди страдали погрешностями. Биттель позже докладывал о некоторых фактах, докладывал по-джентльменски, иначе говоря — без комментариев. Не приходится, однако, скрывать, что, с научной точки зрения, изыскания Винклера — Макриди велись крайне небрежно. Приведем лишь два примера: в так называемом доме на склоне горы Макриди начал откапывать целые пролеты стен (по-видимому, в 1911 году, но даже это не было записано), но не довел раскопки до конца и не оставил о них никаких записей. Как стало известно позже, к востоку от этого здания он нашел «остатки обработки железа», т. е. самое интересное, что только можно было найти. Однако записей об этом также нет.

Когда Биттель и Шеде, посетив предварительно Алишар Хююк, где Г. Г. фон дер Остен вел раскопки от Чикагского университета, 1 сентября 1931 года прибыли в Богазкёй, они оказались гостями того же Циа Бея, который некогда принимал у себя Винклера, Макриди, Пухштейна и Куртиуса. Этому почтенному мужу из рода Дулгадир-оглы тем временем исполнилось

шестьдесят лет. Он, как и прежде, пребывал в своем конаке, не желая считаться с тем, что мир изменился, и по-прежнему разыгрывал роль крупного феодала, которым некогда являлся, господина, распоряжавшегося жизнью и имуществом восьмисот жителей деревни. А между тем Турция стала уже республикой. И Биттелю очень скоро пришлось столкнуться с напряженным положением, которое создалось в стране в то время.

Как уже говорилось, первые раскопки были задуманы, собственно говоря, лишь как контрольные. Но вскоре экспедиция, которой удача сопутствовала здесь так же, как в свое время Винклеру, нашла архив глиняных табличек. Первая добыча — около трехсот пятидесяти клинописных текстов на аккадском и хеттском языках. Следовательно, в обоих случаях ученые умели их читать, первые уже начиная с прошлого столетия, вторые — благодаря дешифровкам Гровного.

Стало очевидным, что после таких находок раскопки следовало продолжать. Но тут Данат-банк в Берлине потерпел крах — явный признак того, что экономический кризис в Германии приближался к наивысшей точке. Экспедиция внезапно оказалась лишенной средств. Вначале она имела в своем распоряжении три тысячи марок, а продолжала работу с тысячью марок из средств Археологического института. Но, несмотря на большие финансовые затруднения, все раскопки, проходившие под руководством Биттеля, не прекращавшиеся вплоть до второй мировой войны, были успешными.

В отличие от предшественников интересы Биттеля в Богазкёе не были односторонними. Он не искал ничего определенного, он производил исследование, чтобы изучить все в целом. Он не был настолько честолюбив, чтобы желать сделать все самому, и пригласил специалистов, инженеров, архитекторов. Перед публикацией результатов своих работ он привлекал для консультации специалистов других областей — биологов, зоологов и химиков... В результате ему удалось выяснить подробности, которые археологам объяснить было бы не под силу.

Таким образом, постепенно вырисовалась картина исторического становления столицы Хаттусас. С течением времени отчетливо обнаружилось пять слоев культуры. Древнейший, IV слой, относится, по-видимому, к первому столетию хеттского господства, слой III характеризует вершину могущества хеттов (примерно время царствования Суппилулиумаса, середину XIV столетия), когда были построены огромные крепостные валы и храмы. Этот слой показывает, как выглядел город Хаттусас во времена царствования Тудхалияса IV до гибели и до пожара, следы которого сохранились на стенах. Слои I и II для нашей книги уже не представляют интереса, ибо свидетельствуют о фригийском и позднее эллинистическом влиянии.

Биттель сделал новые съемки не только строений самого города Хаттусаса, но также и Язылыкайского храма, высеченного в скалах близ Богазкёя. Лишь во время новых раскопок стало понятно, что во времена Суппилулиумаса Бююккале (крепость) представляла собой замкнутый ареал. Благодаря этому выяснилось, что совокупность зданий у «царских ворот», наполовину отрытая Пухштейном в 1907 году и объявленная им дворцом, на самом деле была храмом. Размеры его огромны: метраж стен, охватывавших более шестидесяти помещений, был равен 60×60. Однако самой значительной находкой Биттеля бесспорно был архив глиняных табличек. Выше уже говорилось о том, что в первый период раскопок он нашел триста пятьдесят табличек. В 1932 году он нашел еще восемьсот тридцать два клинописных текста, а год спустя — пять тысяч пятьсот! В их числе находились и печати, о которых сообщалось уже в главе, посвященной дешифровке древних надписей, — двуязычные печати, позволившие Биттелю совместно с Гансом Густавом Гютербоком из университета в Анкаре заключить, что надпись на Нишанташе принадлежит Суппилулиумасу. Одно из доказательств в пользу того, что первые чисто гипотетические толкования хеттских иероглифов были правильны.

Этими проблемами Биттель занимался на протяжении девяти лет. В то время он был директором Германского археологического института в Стамбуле, но, когда кончался период дождей, он появлялся в Бююк-

кале, где вблизи источника выросло несколько глиняных домиков, в которых жили археологи. Производившаяся изо дня в день работа была однообразна. Появление на территории лагеря одинокого волка уже было сенсацией. Люди получали удовольствие, наблюдая, как кружат над степью огромные орлы, или следя за ленивым, медлительным полетом коршунов. Если же кто-либо стряхивал с койки зеленых скорпионов или, как это случилось в 1938 году, в лагере обнаружилось не менее пяти экземпляров цилиндрического паука (*Gabrieleodes*), этого опасного и отвратительнейшего насекомого Ближнего Востока, желтовато-коричневого, длинной в палец, которое, почуяв опасность, рывком распрямляется, чтобы встретить врага двумя парами раскрытых клешней, — то такие события давали пищу для многодневных разговоров.

IV

ТАЙНА ПРОДОЛЖЕНИЯ ЖИЗНИ

Глава 11

ОТКРЫТИЕ У ПОДНОЖИЯ ЧЕРНОЙ ГОРЫ

Поздним летом 1945 года небольшой отряд путешественников пересекал с севера на юг горы Тавра. Это были профессор Гельмут Т. Боссерт и его ассистенты доктор Халет Чамбел, Нигал Онгунзу и Мухиббе Дарга. По поручению Стамбульского университета они отправились на поиски следов древнеанатолийской цивилизации в малоисследованные местности, почти лишенные дорог и отнюдь не безопасные.

Во время привала в небольшой деревушке Феке (далеко на юго-востоке современной Турции) они узнали от нескольких юрюков, последних кочевников этой местности, что за ближайшим городком Кадишли в ущелье Черной горы якобы находится «Львиный камень». Это насторожило Боссерта — у хеттов лев является одним из самых известных символических животных. Оказалось, однако, что достигнуть Кадишли

не удастся, ибо дороги стали непроходимыми, а время экспедиции было ограничено.

В феврале Боссерт вместе со своей ассистенткой Халет Чамбел вернулся в Стамбул. Ему советовали не рисковать, начиная экспедицию в это слишком раннее время года, ибо еще шли дожди и окрестности Кадири превратились в сплошное болото.

Однако Боссерт решил во что бы то ни стало идти по указанному следу, что было совершенно в его характере. Люди, знавшие его лишь по трудам, как серьезного, изобретательного участника дешифровки хеттских иероглифов, по сути дела ничего о нем не знали. Боссерт родился в 1889 году в Ландау (Рейнланд-Пфальц) и в нескольких университетах Германии изучал историю искусства, археологию, германистику и историю средних веков, особенно палеографию. Во время первой мировой войны он был офицером. После заключения мира, когда в Германии и военная, и научная карьеры были бесперспективны, Боссерт поступил учеником в известное немецкое художественное издательство Васмута, а через несколько лет уже работал в дирекции этого предприятия. Он издал шеститомную «Историю прикладного искусства» — классический труд в этой области. Одновременно он самостоятельно изучал то, чему суждено было стать его жизненным призванием — клинопись и иероглифы. Боссерт принадлежал к кругу берлинских ученых, группировавшихся вокруг ассириологов Эрнста Ф. Вейднера и Бруно Мейснера.

Но этим его деятельность не ограничилась: работая над своим первым трудом по дешифровке древних рукописей, изданным в 1932 году под заглавием «Сантье и Купапа», он на год поступил в книжное издательство «Франкфуртер цейтунг», лучшей в то время немецкой газеты. Здесь Боссерт опубликовал столь различные труды, как «Основы фотографии» и две книги с иллюстрациями «Товарищ на западе» и «Без оружия за линией фронта». В двух последних книгах описывались страдания мирного населения в будущей войне. Это привело к тому, что имя Боссерта было занесено в черный список, зачитывавшийся штурмовиками, когда в Берлине запылали первые костры из книг.

Для этого полного жизни человека бесспорно было большой удачей, что министр просвещения Турции предложил ему осенью 1933 года остаться в Турции. К тому времени Боссерт уже посетил Богазкёй, где у Курта Биттеля изучал надписи на скалах и одновременно приобретал первые практические навыки в археологии. Он принял предложение министра и с апреля 1934 года занимал должность профессора Стамбульского университета и директора Археологического института. Проявив последовательность, которой отличался и прежде, он принял турецкое подданство и женился на турчанке.

Такого человека, поставившего себе целью найти загадочный «Львиный камень», вряд ли могло удержать сообщение о том, что дороги плохи. Подстать ему была и Халет Чамбел, которая, несмотря на то что у нее была высокая температура, заявила о своем категорическом отказе остаться. Позже она стала самой энергичной помощницей Боссерта; даже отважилась одна проводить работы на Каратепе.

27 февраля в час дня ташарабасы (безрессорная повозка, которой в тех краях пользуются в течение уже многих столетий) тронулась в путь. Следует пояснить, что в городе Кадирли, являющемся окружным центром, до сего дня нет электрического освещения и лишь в 1954 году была построена мощная дорога к соседнему населенному пункту. До строительства этой дороги Кадирли весной и осенью, в период дождей, был совершенно отрезан от окружающего мира. Для местных жителей это было преимуществом: в эти месяцы город никем не управлялся.

Проехав небольшой отрезок пути, Боссерт и госпожа Чамбел, к которым в Козане присоединился директор музея из Аданы, Наци Кум, застряли в грязи. Поездка была сплошной цепью приключений. Лошади падали в изнеможении, пришлось сделать привал в маленькой деревушке Кезели. Возницу, который, как выяснилось, совершенно не знал дороги и впряг в свою колымагу самых плохих кляч, отослали обратно в Козан. С помощью местных жителей был найден новый возница и сильные лошади.

Постепенно стало темнеть, а слой грязи становился все глубже. Даже свежие лошади не могли выбраться

из нее. Путешественники вынуждены были сойти с повозки и двинуться пешком. В конце концов повозка вместе с лошадью провалилась в канаву. «Однако, — как позже лаконично писал Боссерт, — по целому лабиринту дорог, колеи которых были разбиты телегами, возница наконец доставил нас в Кадирли в целости и сохранности».

Был поздний вечер. Но так как о прибытии экспедиции было известно заранее, их встретили великодушным ужином, в котором приняли участие каймакам (окружной начальник), бургомистр и другие почетные лица. Боссерт, благодарный, но как всегда нетерпеливый, тут же начал задавать вопросы.

«Львиный камень» возле Кадирли? Никто из присутствующих никогда не слышал о нем. Но Боссерт не успокоился. Нет ли кого-нибудь, кто хорошо знаком с окрестностями, кто бродил по ним пешком или верхом?

До одиннадцати часов вечера в ратуше перебивало человек десять, рассказавших самые невероятные истории об окрестностях Кадирли, но о «Львином камне» никто ничего не знал. Никто никогда не видел в лесу скульптур, древних стен или тем более камней с надписями и не слышал ни о чем подобном. Наконец, в одиннадцать часов последним явился учитель Экрем Кушчу и заявил ко всеобщему удивлению: конечно! Он видел этот камень, и не раз. Во время своих странствий он посетил его раза четыре и готов отвести туда путешественников. По его мнению, завтра будет хороший день и поэтому им предстоит приятная поездка верхом, которая продлится всего часов пять-шесть.

«Мы провели очень приятную ночь в Кадирли», — так заключил Боссерт свой отчет об этом дне. Он еще не представлял себе, что его ожидало по прибытии на Каратепе.

На следующее утро в половине девятого были поданы лошади. День был прекрасный. Дорога шла по равнине и, постепенно извиваясь, уходила в горы. На востоке виднелись покрытые снегом вершины Антитавра. Перед путешественниками постепенно вырастал горный хребет, носящий название Каратепе. Через несколько часов пути перед ними предстали такие густые джунгли

колючего дрека, что они вынуждены были спешиться и продолжать продвижение, карабкаясь по едва заметной пастушьей тропе. Достигнув вершины, путешественники увидели необозримую вереницу темных вершин и долин, и под ними извивалась, образуя петли, желтая от глины, бурно пенящаяся река Сейхан, древний Пирам. Окинув взглядом окрестности гор, покрытых галькой и обломками скал и заросших колючим дреком, они увидели «Львиный камень».

Но они увидели и большее. «Львиный камень» был некогда цоколем статуи, и эта статуя, сильно поврежденная, без головы и рук, лежала рядом. На ней была надпись. Рассмотрев знаки, Боссерт признал их семитскими и на мгновение ему стало досадно: неужели он натолкнулся лишь на следы случайно занесенных сюда семитских поселений?

Мы приведем некоторые соображения, доказывающие, как трудно ученому в момент открытия правильно оценить находку и каким осторожным он должен быть в своих первых высказываниях. Весьма поучителен в этом отношении следующий пример: в 1954 году неопытные египетские археологи в таких тонах сообщили о новых находках в Гизехе и Саккаре (Барка мертвых и пирамида с саркофагом), что вся мировая печать пришла в волнение. Однако вскоре, при более подробном рассмотрении, выяснилось, что находки в научном отношении не представляют особого интереса.

Принимая во внимание величину камня, Боссерт предположил, что он был обработан в ближайших окрестностях. Однако это был темный пористый базальт. Вокруг было много камня, но базальт такого цвета нигде не встречался. Скульптура и цоколь были бесспорно хеттского происхождения, надпись же — семитская (Боссерт в то время считал ее арамейской; впоследствии оказалось, что она финикийская). Пока Халет Чамбел занималась фотографированием и пыталась сделать слепок, Боссерт, насколько позволяла буйная растительность, обследовал окрестности статуи. Ученый нашел фрагменты рельефов, в которых можно было узнать мужскую голову и половину человеческой фигуры. Наконец он наткнулся на несколько, к сожалению мелких, обломков с иероглифами.

Внезапно Боссерта осенила мысль. Перед ним была семитская надпись на хеттской скульптуре, и здесь же были иероглифические знаки. Если эти иероглифы действительно хеттские, а обе надписи находятся рядом, то возможно, что находка представляет собой билингву, двуязычную надпись, найти которую ученые мечтают десятилетиями. Но Боссерт тут же отверг эту мысль.

Они провели на Каратепе лишь три часа, нигде еще не начали раскопок, и впечатления были самыми поверхностными — любое толкование могло быть преждевременным.

Боссерт и его спутники поспешили отправиться и обратный путь, чтобы темнота не застигла их в джунглях, и через полтора часа верховой езды прибыли в соседнюю деревушку Кизююсуфлу. Сидя до самой ночи у лагерного костра, окруженный крестьянами, собравшимися из любопытства, Боссерт знал, что еще вернется на Каратепе.

Быть может, правильно назвать учителя Экрема Кушчу первооткрывателем Каратепе. Позже по представлению Боссерта Кушчу получил поощрительную премию от турецкого исторического общества. Но Экрем чистосердечно признает, что о существовании «Львиного камня» узнал от некоего Абдуллы, которому в 1927 году было восемьдесят лет, жителя деревни Кизююсуфлу, где он потом слышал, что уже много десятилетий ходят слухи об этих памятниках. (В то время они еще стояли вертикально и были опрокинуты, по видимому, кочевниками, искавшими клад.) Как далеко необходимо проникнуть в прошлое, чтобы расследовать этот вопрос? Но всем известна старая истина: знать предмет — хорошо, но изучить и истолковать его — дело совершенно иное. Первооткрывателями Каратепе безусловно следует считать Гельмута Т. Боссерта и его ассистентку Халет Чамбел (Наци Кум был случайным гостем этой заранее подготовленной экспедиции), ибо они стали его первыми толкователями.

15 марта 1947 года Боссерт вторично прибыл на Каратепе.

Постараемся теперь изложить последующие события в хронологическом порядке, чтобы подчеркнуть кульминационные моменты отдельных раскопок.

На этот раз Боссерта сопровождал «Смелая радуга» — таков дословный перевод имени Бахадир Алким. Доктор Алким, один из учеников Боссерта, родился в 1915 году в Измире, окончил университет в Стамбуле и уже имел опыт ведения археологических раскопок в Алая Хююке и других местах (некоторое время в качестве гостя у Леонарда Вулли в Адалахе). Это один из тех умных, владеющих многими языками и поэтому непосредственных в общении молодых ученых, которые в Турции могли появиться только со времени Кемаля Ататюрка. Доктор Алким был уже доцентом Стамбульского университета, когда ассистировал Боссерту.

Их совместные исследования продолжались ровно четыре недели, до 15 апреля 1947 года. За этот короткий срок они достигли необычайных успехов. У них почти не было ни помощников, ни орудий, ни порядочного жилья. Они жили в кошмарных условиях в палатке, будучи гостями последних кочевников в Акёлы («Белая дорога»), древнейшего караванного пути, соединявшего здесь на протяжении столетий Восток с Западом и Югом. К этим палаткам привела меня Мухиббе Дарга, вторая ассистентка Боссерта в 1951 году. В окружении многочисленных женщин (мужчины были на пастбище) мы сидели вокруг очага, на котором с утра до ночи пеклись юффка, тончайшие лепешки, заменявшие хлеб, брали из рук с искривленными от ревматизма пальцами древней старухи подношение гостям — крошащийся козий сыр.

Боссерт и его ассистентка были вынуждены (согласно предварительной договоренности) выдавать себя за супругов, родителей шести сыновей, ибо невозможно было пользоваться гостеприимством в палатке кочевников мужчине и женщине, если они не были мужем и женой или братом и сестрой.

В этих палатках Боссерт и «Смелая радуга» прожили четыре недели, среди многочисленных копошащихся детей, в неопишуемой грязи, питаясь сыром и лепешками.

Целые дни они проводили на Каратепе. Они обнаружили валы — следовательно, это была крепость. Внутри крепости отрыли остатки стен — здесь стоял храм или дворец. Путем зондажа (пробных раскопок) были обнаружены первые хорошо сохранившиеся ортостаты,

рельефы с многочисленными фигурами людей и животных, высотой больше метра, высеченные на плитах темно-серого базальта в вертикальном положении — *in situ*, т. е. именно в таком виде, в каком они были установлены тысячу лет назад.

Боссерт нашел начало длинной финикийской надписи (о ее длине он тогда еще не догадывался). Он не сказал о ней ни слова. То, что он искал на протяжении всех этих недель, также не говоря об этом, а именно — остальные куски хеттских иероглифических надписей (в надежде найти билингву), он нашел, по-видимому, в один из последних дней. Чтобы наметить пути дальнейших раскопок, он руками и шпателькой поскоблил верхнюю грань одного из ортостатов. Откопать весь рельеф уже не было времени. Но того, что Боссерт увидел, было достаточно: он действительно обнаружил хеттские иероглифы! Знаки были едва заметны, но стоит ли удивляться, что, находясь под влиянием десятилетних мечтаний найти билингву, Боссерт сразу отбросил все сомнения и проникся уверенностью, что действительно нашел ее?

Этот случай можно считать одним из самых драматических в истории открытия государства хеттов, ибо Боссерт в данном случае ошибся — и все же оказался прав!

Первая, по настоящему подготовленная экспедиция на Каратепе состоялась в сентябре 1947 года. Ее финансировали Турецкое историческое общество, Стамбульский университет и Генеральная дирекция музеев и собраний древностей. Экспедиция была снабжена необходимыми орудиями и по крайней мере имела столько средств, чтобы нанять достаточное количество рабочих.

В первый же день раскопок Боссерт собрал членов экспедиции в том месте, где в последнее посещение Каратепе нашел длинную финикийскую надпись. Мимоходом он заявил, что это место (ничем не отличавшееся от окружающей местности, ибо после открытия надписи он его тщательно замаскировал) он считает самым подходящим для начала раскопок. С большим удовольствием он прислушивался к восторженным восклицаниям своих сотрудников, когда после снятия небольшого слоя земли и песка, они обнаружили ортостат, по-

крытый отчетливо выступающими строчками финикийских письменных знаков. Но когда он, совершенно уверенный в успехе, захотел повторить эффект, заставив таким же чудесным образом восстать из пепла иероглифическую надпись, когда он приказал копать дальше на расстоянии нескольких метров, когда снова обнажился ортостат, покрытый иероглифами, — тут он понял, что ошибся. Знаки, которые он при беглом обзоре и в надвигавшихся сумерках принял за иероглифы, теперь, при ярком солнечном свете, оказались рунами, похожими на письма следами, оставленными временем на поверхности камня.

Трудно представить себе его разочарование! Конечно, при всех обстоятельствах имело смысл продолжать раскопки, однако Боссерт никак не мог разделить энтузиазма своих помощников. Он устался на серый камень, который с каждым взмахом лопаты все явственней выступал из земли, надеясь увидеть длинную связанную иероглифическую надпись, и мысль о том, что эта надпись вместе с найденными ранее семитскими письменами составила бы желанную билингву, не покидала его в течение всех летних месяцев.

В такие моменты продолжение научных изысканий часто зависит от характера самого исследователя. Боссерт приказал продолжать раскопки и производить зондаж в разных местах. И тут произошло нечто совершенно неправдоподобное — на расстоянии метра от псевдохеттских иероглифов была обнаружена настоящая иероглифическая надпись!

Экспедиция на Каратепе осенью 1947 года была наиболее успешной. При последующих раскопках находили еще многое, особенно тщательно были обследованы окрестности, причем на Домузтепе — «святой горе» было обнаружено хеттское укрепление. Однако результаты осенних раскопок намного превзошли все позднейшие.

Вместо абстрактного описания архитектоники плана крепости на Каратепе мы предпочитаем передать личные впечатления, ибо план вносит ясность, а впечатление от личной встречи передает обстановку.

1 октября 1951 года отцу О'Каллагану, двум немецким студентам и мне удалось с помощью каймака-

ма города Кадишли нанять джип, который должен был отвезти нас на Каратепе. Патер был высоким полным человеком, всегда веселым и притом набожным, обладавшим множеством противоречивых качеств. О'Каллаган был американцем, востоковедом Римского библейского института и иезуитом, охотно пел старинные немецкие народные песни (он в совершенстве владел многими живыми и мертвыми языками) и по нескольку раз в день внезапно удалялся от общества, чтобы погрузиться в чтение своего латинского молитвенника.

Оба студента любили приключения, были любопытны и нетерпеливы. Их нетерпение послужило причиной того, что, вопреки настойчивому предостережению Боссерта не предпринимать поездки на Каратепе в темноте, мы выехали из Кадишли в семь часов вечера. Однако благодаря тому же нетерпению мы обогатились впечатлениями, которые останутся для нас незабываемыми.

После тридцатиминутной езды без дороги по равнине оказалось, что турецкий шофер потерял направление. Мы въехали в Черные горы, не зная дороги. Наш джип, незаменимый для подобных экскурсий, был очень стар. Когда внезапно наступила ночь и водитель включил фары, оказалось, что горит только одна. Было полнолуние, но небо покрывали тучи. Поездка оказалась крайне опасной. Мы пересекали бурные потоки, перебирались через скалы и спустя некоторое время имели все основания считать себя окруженными пропастями. Когда водитель, внезапно затормозив, заглушил мотор и нас вдруг обступила тишина горной ночи, состоялась таинственная встреча. Странные звуки возвестили о ней — тяжелые, глухие шаги, нежное сопенье, прерывистое дыхание. Затем свет фары нашей одноглазой машины начали пересекать верблюды, много верблюдов, нагруженных тяжелой кладью, — караван. Слева и справа они проходили мимо машины, сопровождаемые гортанными криками закутанных мужчин, не удостоивавших нас даже взглядом и делавших вид, будто джип на этой дороге среди ночи — обычное явление. Наш водитель обменялся с ними тремя-четырьмя словами-восклицаниями. Но, когда призрачное шествие

минуло нас и мы в своей дребезжащей машине пока- тили дальше по осыпям Черной горы, желание достичь цели стало вдруг очень острым, ведь мы пересекли древний караванный путь, и нашему водителю стало казаться, что теперь он узнает дорогу.

Когда часа через два мы остановились второй раз, ночь была темнее, чем прежде. Мы очутились на кро- хотном плато, заострявшемся вдали и переходящем в тропу. Один из студентов побежал вперед — и тут же исчез. Водитель начал уговаривать нас вернуться. Вдруг патер схватил меня за руку и показал в темноту: там с горящими глазами стояло похожее на волка живот- ное, зачарованное светом нашей фары. Слепленное светом, оно начало описывать широкие круги вокруг на- шей машины. Это была одна из тех диких собак, ко- торых много бродило в этой местности и которые, если их собиралось несколько, могли стать довольно опас- ными.

Я договорился с патером, как мы будем переكلي- каться, и, чтобы выяснить обстановку, отправился в том направлении, в котором исчез студент. И тут мне повезло. Неожиданно передо мною как живой, во всем своем величии, предстал чужой, далекий мир, извест- ный мне только из литературы.

Я следовал по узкой каменистой тропинке, начинав- шейся у края плато. Яркий свет карманного фонаря освещал мне путь. Внезапно тропинка оборвалась, и появились ступени. Невольно я замедлил шаг. И, как будто в это мгновение природа пожелала поразить ме- ня мелодраматическим театральным эффектом, небо очистилось от туч, и полная луна осветила своим блед- ным светом парадную лестницу, сложенную из тяже- лых выветренных плит, плавно поднимающуюся на- встречу лунному сиянию. Я начал нерешительно под- ниматься по ступеням. Лестница расширилась, и я увидел справа и слева ряд каменных ортостат почти в рост человека, тесно прислоненных друг к другу и по- крытых удивительно отчетливыми изображениями. Это были грубо высеченные рельефы, и поэтому свет луны вызывал в их очертаниях весьма живописную игру те- ней. Люди и животные смотрели на меня. Быть может, боги или цари?

Да, передо мной был ставший с тех пор знаменитым «пир Азитаванды», рельеф, в котором властелин Каратепе был увековечен не как государь и воин, а как наслаждающийся пиршеством «отец своих подданных».

Я заглянул ему в лицо — вот он сидит, в остроколючей шапке, большеглазый, с нетерпением глядя на слуг, подносящих еду и напитки. Его чувственное лицо с кривым носом, покатым лбом и срезанным подбородком не было лишено достоинства. Полные губы тянулись к еде, и при бледном свете луны могло показаться, что он открыл рот, чтобы заговорить.

Две темные фигуры ждали меня наверху — живописные силуэты на фоне освещенного луной неба. На мое обращение они ответили молчаливым жестом. Несколько минут спустя я вступил в ослепительный круг света, падавшего от яркой ацетиленовой лампы. Услышав наши крики, Боссерт принес ее, чтобы осветить нам путь. Пропавший студент нашелся, позвали патера.

На покрытой хворостом площадке перед маленьким каменным домиком, построенным Боссертом, мы вместе с ним и его сотрудниками уселись ужинать на качающиеся стулья вокруг грубо сколоченного стола.

Из темноты доносился жалобный вой шакалов и далекий лай диких псов — ночная песнь, постоянно сопровождавшая экспедицию.

В семь часов утра мы сидели за завтраком, в семь тридцать начиналась работа, для нас — первый обход.

Казалось, будто солнце здесь быстрее приближается к зениту, чем где-либо в другом месте. Смотришь на его желтеющий, все сильнее горящий диск и торопишься выполнить все, что запланировано на день.

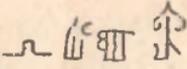
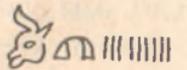
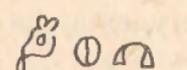
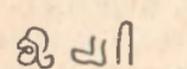
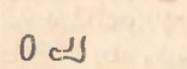
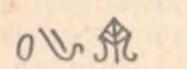
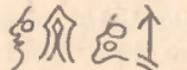
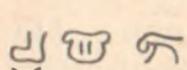
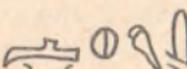
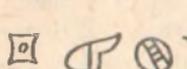
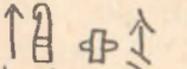
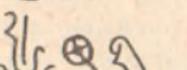
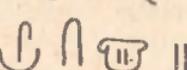
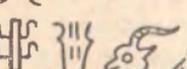
Основные раскопки крепости в таком виде, какой мы ее увидели теперь, Боссерт произвел в течение одной экспедиции 1947 года. Если он тогда и не обнаружил крепость полностью, то вскрыл ее очертания. Большинство рабочих, занятых здесь теперь, участвовало и в раскопках 1947 года. Это были приветливые и безобидные на вид люди. Мы удивились, узнав, что среди них имеется несколько убийц (беспощадные мстители, действовавшие согласно закону кровной мести, еще сохранившемуся в этой местности) и что все они состоят в дальнем или близком родстве с семьями раз-

бойников, которые до тридцатых годов буквально терроризировали древний караванный путь, Каратепе и леса вплоть до долины Адана. Между прочим, мы узнали, что первый сторож, назначенный Боссертом, недавно был застрелен.

Обход мы начали у южных ворот, по ступеням которых я поднимался прошлой ночью при свете луны. Мы снова остановились перед Азитавандой, царем Каратепе, и рассмотрели его веселое пиршество. Затем прошли вдоль крепостных стен, различили очертания бастioned и резко выступающих из стен укреплений защитных башен, перевалили через вершину, приблизились к расположенным ниже северным воротам, и внезапно перед нами открылся вид на величественную долину Сейхана. Здесь, между обоими львиными воротами, возможно, стоял некогда царь, наблюдая, как наступают враги, и зная, что его величию приходит конец.

Осмотр многочисленных рельефов ортостат, образующих вход в северные ворота, а также стен двух непосредственно примыкавших к ним помещений показал расцвет бесформенности, отличающей эту позднюю хеттскую культуру. Ничем не связанные, стояли рядом фигуры людей и животных, геральдические группы, процессии, вольные жанровые картины, изображения богов, ритуальные сцены, изображения охоты на воде и на суше, музыкальные и танцевальные сцены и, наконец, повозка и морской корабль. В промежутках были вкраплены надписи, местами сосредоточенные на особых стелах, местами расположенные, где попало. Финикийские и иероглифические хеттские письма совершенно произвольно (согласно формальному правилу — писать всюду, где есть свободное место) покрывали ортостаты, отдельные фигуры, вплоть до тела большого льва на воротах. Боссерт установил, что нигде не было ни малейшей связи между содержанием текстов, ортостатами и фигурами, которые они покрывали.

Поднимаясь вверх в лагерь экспедиции, мы рассуждали о том, как странно, что сохранилась эта форма культуры в Кархемише, в Зинджирли и здесь, на Каратепе. Форма, которая собственно и во время империи никогда не стала действительной формой, не приобрела

	—СТРАНА
	—СООРУЖАТЬ
	—ЗДОРОВЬЕ
	—МУЖЧИНА
	—ЖЕНЩИНА
	—МАТЬ
	—ИМЯ
	—НОГА
	—ДЕНЬ
	—СКЛАД
	—ВОЙСКО
	—ЩИТ
	—ЗАПАД
	—ВОСТОК

Некоторые из новых слов, изображенных хеттскими иероглифами, которые Боссерту удалось раскрыть еще до 1952 года с помощью билингвы, найденной в Каратепе

характера большого, оказывающего влияние стилия и тем не менее продолжала сохраняться на протяжении пятисот лет. Следует сказать: на протяжении половины тысячелетия! Тогда значение этого отрезка времени выступает ярче.

Здесь в наших исторических познаниях имеется пробел. Пятьсот лет, между 1200 годом до н. э. (когда сгорел город Хаттусас и погибла великая империя хеттов) и примерно 700 годом до н. э., когда последние хеттские города-царства растворились в Ассирийском царстве, пока еще не доступны нашему изучению. Весьма странно, что империя погибла, а на протяжении пятисот лет среди других, самых различных народностей, подвергаясь влиянию многочисленных чуждых культур, сохранились совершенно обособленные группы этого народа со своей особой культурой.

«Когда-нибудь мы поймем все взаимосвязи», — заявил Боссерт. Он осторожно развернул большой ломкий

рулон бумаги, покрытый хеттскими иероглифами,— только что изготовленный оттиск. «Когда, руководствуясь билинговой Каратепе, мы сможем прочитать иероглифы Каратепе, то получим возможность прочитать и все иероглифы времен империи!»

И тут мы подходим к самой волнующей главе раскопок на Каратепе — к дешифровке билингов. Мы прервали нашу главу «Об искусстве дешифровки», когда дешифровка хеттских иероглифов снова зашла в тупик. Здесь, на Каратепе, эта глава получила свое завершение. Интересно, что даже после открытия подлинной иероглифической надписи (рядом с финикийской) нельзя было немедленно доказать, что действительно найдена билингва (т. е. не только две надписи на разных языках, но две надписи одинакового содержания).

Забавно и почти невероятно, что доказать это удалось одному из сотрудников Боссерта... во сне.

Глава 12

АЗИТАВАНДА ГОВОРИТ

Само собой разумеется, после раскопок 1947 года следовало сразу же приступить к переводу финикийских текстов. Эту задачу могли решить только специалисты, ибо речь шла об очень древней разновидности языка. Боссерт, который хотел немедленно заняться иероглифами, послал первые финикийские тексты нескольким выдающимся семитологам — Иоганну Фридриху в Берлин, Дюпону Зоммеру в Париж, патеру О'Каллагану в Рим и, наконец, также Р. Д. Барнетту в Лондон.

В первую очередь он послал точную копию надписи на статуе, цоколь которой, так называемый «Львиный камень», и послужил началом открытия Каратепе. Этот камень тем временем стал уже знаменит. Рабочий Кемаль Деведж сочинил, как сумел, в его честь гимн из двенадцати стрóf, здесь приведен только отрывок:

«Это — наследие хеттов.
Как много лет могло пройти с тех пор?
Мир еще не может этого постичь,
Ничто не сходно с ним, „Львиным камнем“!»

А вечером прозвучала длинная песня, сочиненная десятилетним сыном рабочего — Мехмедом Кисти. Она кончалась строфой:

Маленький Мехмед приходит в восторг,
Когда слышит о „Львином камне“.
Пусть будет воспет „Львиный камень“ в песне,
Которая покорит все сердца.

Весьма забавно, что, как выяснилось в связи с приездом профессора Гютербока из Анкары, «львы» на самом деле были быками.

Итак, надпись на статуе, состоящую из четырех столбцов, теперь изучали специалисты, и первый перевод ее был прислан Боссерту Иоганном Фридрихом из Берлина.

Не имеет смысла приводить здесь дословный перевод, ибо из-за многочисленных повреждений в тексте имеются пробелы, и он лишен связности. Кроме того, главная ценность надписей с Каратепе заключается не в их содержании, а в том, что они являются наиболее длинными из найденных доселе древнефиникийских и хеттских иероглифических надписей. Притом не без основания надеялись, что эти надписи одинакового содержания.

Во всяком случае мы узнали (это подтверждается гораздо более длинными надписями на нижних воротах, в дешифровке которых участвовали известнейшие семитологи Америки и Европы), что автором надписи был царь, имя которого в лишенном гласных семитском письме писалось «Цтвд». Позднее это имя Боссерт на основании содержавшего гласные иероглифического письма сумел представить в виде Азитаванды. Тот факт, что письмо здесь, как отмечает Фридрих, «чисто древнефиникийское, без арамейских примесей», позволяет нам датировать годы жизни этого царя. Он жил в VIII столетии до н. э., точнее около 730 года до н. э. Возможно, еще при жизни этого царя Каратепе был захвачен врагами и разрушен. Азитаванда восхваляет себя с известной хеттской скромностью, если сравнивать ее с обычным на Востоке самовосхвалением: «И я построил этот город и дал ему название Азитаванде». «И я построил надежные укрепления во всех

концах и на всех границах, и в тех местах, где дурные люди были предводителями банд». Он называет себя «властелином дануна» — народа, как нам известно, населявшего равнину Адана, и сообщает, что установил мир на своей западной границе, выслав всех строптивых жителей к восточной границе. Азитаванда обращает особое внимание на то, что он и его народ всегда жили счастливо и в довольстве. Наблюдая этого округлого господина во время пира, легко поверить в его склонность к такому существованию.

Таково в основном содержание финикийского текста в переводе Фридриха. Переводы, прибывшие из Парижа и Рима, отличались от редакции Фридриха лишь отдельными подробностями, но в существенных моментах полностью совпадали. Но вот прибыл перевод из Лондона.

Он не просто отличался от остальных. Уже в пятой строке был открыт совершенно иной смысл текста, короче говоря, в надписи кроме Азитаванды переводчики обнаружили еще царя Анека.

Естественно, что это открытие вызвало огромную сенсацию.

Выводы профессора Барнетта (он написал историческое введение к этому переводу) были весьма остроумны и подтверждались двумя семитологами — Яковом Левееном и Кириллом Моссом.

Надпись начинается финикийским словом «нк», что является личным местоимением первого лица единственного числа, и означает «я». В пятой строке этот знак повторяется, но в такой грамматической связи, что его невозможно прочесть как «я». Эта догадка подтверждается девятой строкой третьей строфы: если там «нк» читать как «я», то текст гласит «для сыновей и дочерей я», что, как отмечают английские исследователи, «как в переводе, так и в финикийском языке является одинаково абсурдным».

И Барнетт вместо «я» читает новое царское имя, а именно Анек (или Инак, ибо гласные отсутствуют). Эти трое ученых приводят весьма смелые соображения, ищут отдаленнейшие исторические связи, высказывают предположения о возможном родстве царя Анека, или Инака, и даже решаются делать известные выводы.

	𐎗𐎛𐎠𐎢𐎡𐎠𐎧𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠
A 11b 6		𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠
A 4 d	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠
A 1a 5	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠
MVI 5	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠
Kuhulu I 2	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠	𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠𐎠

Хеттская иероглифическая жертвенная формула. Переведена Боссертом в 1953 году при помощи финикийско-хеттской билингвы, найденной в Каратепе

- A 11b6: И да (будет) зарезано им среди этих богов для ежегодного питания:
 Богу Кархуха один вол и одна овца,
 Богине Кюпата один вол и одна овца.
 Божеству Сарку одна овца
 И одна овца кутупалис мужским божествам.
- A 4d: И этому богу A. среди богов (я буду?..; глагол обломан) для ежегодного питания (одного?) вола (и) две овцы...
- A 1a5: И кто для своей овцы (приглашен), Этому герою (?), богу, он должен «пожертвовать» овцу! Но кто для его питания (приглашен), Ему он обязан (они обязаны) «принести» еду и напитки.
- Кулулу 12: И этого Тархунда преисподней я приказал воздвигнуть. И я год за годом буду «жертвовать» ему одного вола (и) трех овец.

Однако все то, что они предполагают относительно этого царя, основывалось на ошибочных предположениях. Царя Анека, или Инака, никогда не существовало.

Тем не менее в местоимении «нк» действительно сохранилась настоящая проблема. Однако Фридрих уже решил ее в своем первом переводе. Он сделал это в подстрочном примечании, и остальные переводчики, за исключением Барнетта, Левеена и Мосса, пришли к такому же заключению.

«Автор надписи, — пишет Фридрих, — имел свойственное носителям варварских языков обыкновение связывать „нк“ — „я“ с третьим лицом единственного числа мужского рода прошедшего времени (вместо первого лица единственного числа)».

Так из жаргона древнего писца спустя две тысячи семьсот лет появился новый царь, но он умер так же быстро, как и родился.

В период становления молодой науки такие ошибки неизбежны. Они могут оказаться опасными, приостановив на долгое время дальнейшее развитие науки. Так случилось, когда Йенсен вычитал в иероглифической хеттской надписи имя «Сиеннезис» и настолько остроумно обосновал это толкование, что его переняли все остальные исследователи. В действительности, как доказал Боссерт, это имя следует читать Црапалаус, по-ассирийски — Урбалла.

Однако могут быть и безобидные промахи, как появление у Барнетта царя Анека. Здесь ошибка была устранена сразу же после опубликования работ других исследователей.

Во всяком случае после прочтения финикийских текстов наступила пора использовать билингву, т. е. приступить к окончательной дешифровке хеттских иероглифов путем сравнения слов-иероглифов с финикийским текстом.

Звучит это просто, но сделать было значительно труднее, чем думали в пылу первых восторгов. Мало того, оказалось невозможным даже доказать, что это на самом деле билингва.

Дело в том, что имелись три финикийские надписи, сопровождавшиеся двумя хеттскими иероглифическими

текстами. Этими надписями настолько бессистемно были покрыты ворота и здания, что невозможно было найти начало хеттских иероглифических текстов. Надписи часто перескакивали с камня на камень, а исследователи обладали еще слишком незначительным запасом слов (они, например, знали только один глагол «делать»), чтобы установить идентичность содержания надписей.

Вероятность того, что налицо настоящая билингва, сильно возросла бы, если бы, например, в хеттских иероглифах можно было обнаружить хотя бы имя Азита-ванда.

Когда дело обстояло таким образом, одному из учеников Боссерта дважды необычайно повезло... во сне найти верное решение вопроса.

Франц Штайнгерр — не профессионал.

Штайнгерр родился в 1902 году в Германии, в Ландегуте у Нюрнберга, и начал свою карьеру, имея лишь посредственное школьное образование, учеником бухгалтера. Затем он был корреспондентом судоходной компании, банка, фирмы по производству искусственного шелка, строительной фирмы (представителем которой он впервые посетил Стамбул) и благодаря совершенно необыкновенному знанию языков взял на себя разнообразное представительство. Одна из первых его статей, опубликованная без ведома его работодателей, называлась «О народном и воровском жаргоне Стамбула».

В пятнадцать лет Штайнгерр изучил турецкий, в семнадцать — арабский, в восемнадцать — японский, в девятнадцать — русский языки. В одной беседе он сказал: «С увеличением числа изученных языков приобретаешь известную технику к изучению последующих». Нечего и говорить, что он свободно владел французским и английским. Когда во время случайной встречи в 1939 году Боссерт посоветовал Штайнгерру применить его выдающиеся способности к языкам к изучению древнего мира, ему понадобилось изучить также латынь и греческий. Но, чтобы стать настоящим студентом, он, согласно университетским правилам, вынужден был в тридцать семь лет сдать экзамен на аттестат зрелости. Он ежедневно брал два урока по

математике и покончил с ней за два месяца. Затем наверстал все остальное и поехал в Мюнхен, в свою старую школу, для сдачи экзамена. И сдал его блестяще. Вернувшись, Штайнгерр записался студентом к Боссерту, который, идя навстречу этому необыкновенному студенту, назначил свой специальный лекционный курс.

Так Франц Штайнгерр, бывший в то время коммерческим директором и бухгалтером немецкой больницы в Стамбуле, мимоходом у Боссерта получил звание «доктора философии» и был приглашен в качестве гостя принять участие в экспедиции 1947 года на Каратепе.

Он был мастером на все руки. Вначале не хватало рабочих, и Штайнгерр принимал участие во всех работах, устанавливал палатки, устраивал лагерь, фотографировал, обследовал местность, очищал надписи и рельефы, копировал и сортировал (вернее, пытался сортировать) тексты, те надписи, особенно хеттские иероглифы, которых удавалось обнаружить все больше и больше.

Однажды вечером, после окончания рабочего дня, он рассматривал только что выкопанную хорошо сохранившуюся фигуру сфинкса и, небрежно проведя рукой по ее заскорузлой поверхности, случайно стер покрывавший ее тонкий слой пыли. «Вдруг я заметил, что фигура сфинкса покрыта хеттскими иероглифами. Я тут же попытался прочитать открытые иероглифы, и меня охватило сильное волнение, когда увидел, что передо мной — имя царя Азитаванды, упоминавшееся в финикийском тексте. Хотя написание его было необычным, но остальные знаки подтверждали, что оно прочитано правильно... Вечером все члены экспедиции соответствующим образом отпраздновали эту важную находку. А Мухиббе Дарга торжественно вручила мне, по принятому здесь обычаю, ожерелье из синих бус, которое и сейчас еще хранится у меня как память».

Итак, было установлено, что в обеих надписях речь идет об одном и том же царе. Однако убедиться в том, что не только предмет рассказа, но и дословные тексты тождественны, можно было, только прочитав целое предложение.

Вернувшись в Стамбул к своему письменному столу в немецкой клинике, Штайнгерр на протяжении долгих недель вечерами работал над текстами, сравнивал, сортировал, копировал. «Таким образом, целые куски текстов на обоих языках так запечатлелись в моей памяти, что в любой момент я мог их записать».

Однажды, после полудня, он присутствовал на лекции Боссерта, посвященной отрывку финикийского текста, в котором, между прочим, говорится: «...и я сделал лошадь — лошадью, щит — щитом, войско — войском...»

Вечером Штайнгерр работал до поздней ночи и наконец лег спать в состоянии большого нервного возбуждения. Внезапно он проснулся, сел в постели и ясно увидел перед собой отрывок иероглифической надписи, в котором были изображены рядом две лошадиные головы. Он увидел знаки, означавшие «я сделал», — а мы помним, что единственным известным в то время глаголом хеттских иероглифов был именно глагол «делать». Как звучал финикийский текст, который он днем проходил у Боссерта — «...и я сделал лошадь — лошадью!..»

Это было доказательство! В хеттских иероглифах было найдено предложение, дословно соответствующее финикийскому. Надпись на Каратепе являлась билингвой!

Теперь, когда была найдена первая связь между обеими надписями, Боссерт неожиданно нашел и начало хеттской иероглифической надписи. Имея в своем распоряжении столько материала, сколько не было ни у кого другого, он с полной уверенностью в успехе перешел к окончательной дешифровке хеттских иероглифов.

В начале 1955 года, когда писалась эта книга, можно сказать: в результате труда трех поколений ученых, на протяжении почти семидесяти лет, стало возможно прочитать хеттские иероглифы (неизвестный язык неизвестного на протяжении долгого времени народа в неизвестной письменности). Случилось это благодаря открытию, сделанному у подножия Черной горы возле реки Сейхан.

Боссерт и сейчас еще ведет раскопки на Каратепе

совместно с «Смелой радугой», с Бахадиром Алкимом, с его женой Хандан, а также со своими старыми сотрудниками и учениками. Часто в этих работах принимает участие и его жена Хюрмюц.

В настоящее время они занимаются реставрацией, составлением обломков скульптур и надписей, а также и сохранением многочисленных рельефов и надписей, которые теперь быстро выветриваются, подвергаясь летом влиянию жгучих лучей солнца, а зимой — потоков дождя.

Боссерту постоянно приходится преодолевать трудности, добывая нужные для исследования деньги. Время покровительства меценатов прошло, а средства турецких научных обществ весьма ограничены. Одну из последних раскопок Боссерт и его сотрудники финансировали из собственных средств. И именно этим раскопкам 1953 года было суждено снова поразить всех открытием, которого никто не ожидал, но которое было результатом вдумчивых сопоставлений, проведенных за письменным столом.

При сравнении всех надписей на Каратепе Боссерт за последние годы яснее увидел наличие известных пробелов в текстах, где не всегда была логическая связь. По-видимому, надпись на южных воротах была значительно больше, чем могло показаться на основании результатов раскопок. Напрашивалась мысль — искать недостающие обломки на крутом обрыве перед южными воротами. Это была длительная и трудоемкая работа среди скал и густых зарослей колючего кустарника, притом небезопасная из-за кишевших там скорпионов и змей. Теория Боссерта оказалась верной: он нашел множество обломков, которые, составленные вместе, дали новую билингу с новым текстом.

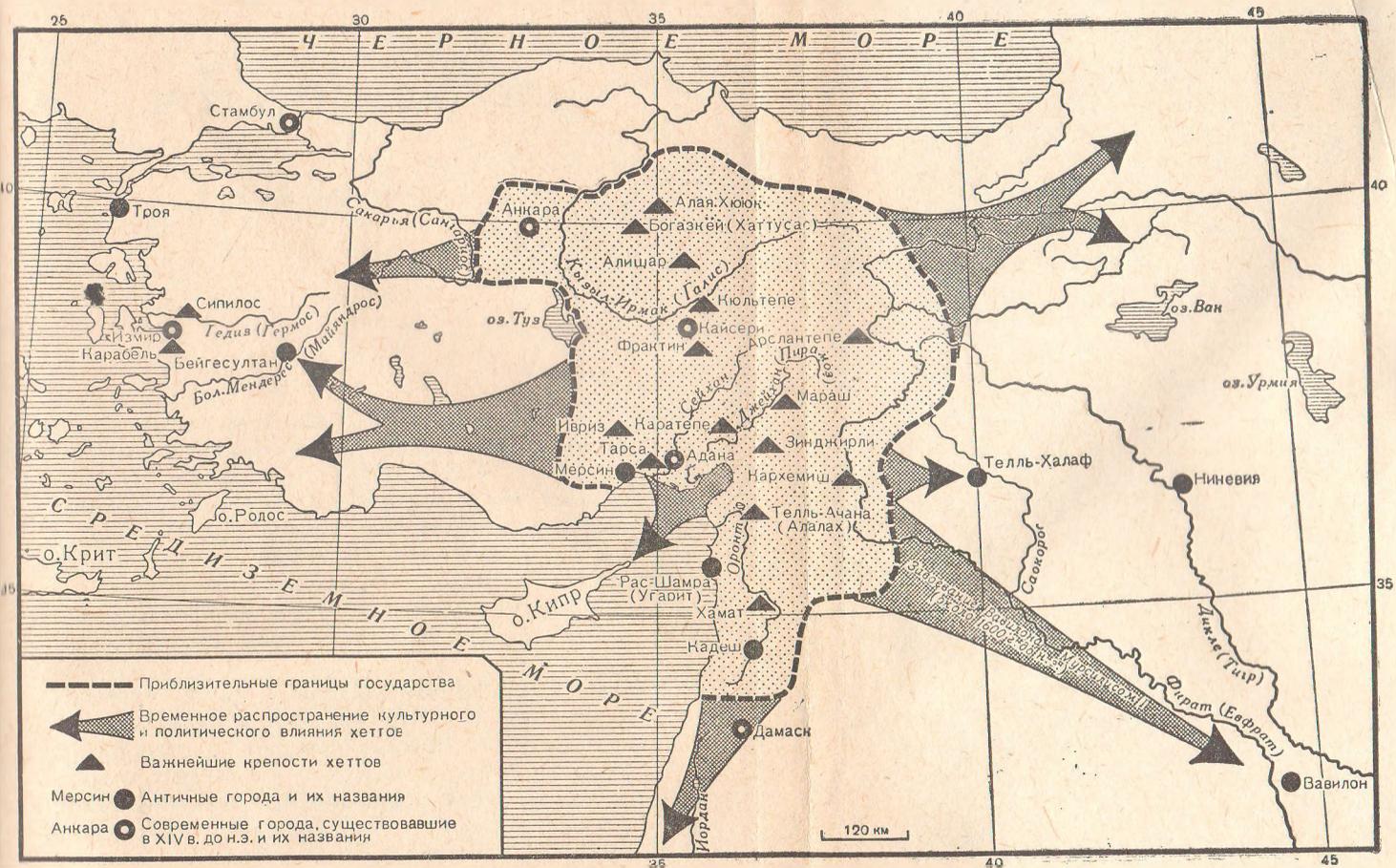
Работы на Каратепе еще не завершены, так же как и работа Биттеля в Богазкёе.

Суппидулиумас и Азитаванда рассказывают дальше..

Мне казалось в порядке вещей, что в 1951 году, когда я был гостем экспедиции, мы однажды вечером после наступления темноты отправились процессией к изображению Азитаванды.

Освещенные только резким светом ацетиленовой лампы, которую держал Боссерт, окруженные жужжа-

нием мириадом насекомых и ночными звуками, доносящимися с Черной горы, мы завершили очередной этап раскопок, поклонившись царю, господствовавшему здесь две тысячи семьсот лет назад и соизволившему теперь заговорить с нами.

Государство хеттов в XIV веке до н. э.

ОЧЕРК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ХЕТТОВ

В. В. ИВАНОВ

Большинство хеттских клинописных текстов, найденных в богазкёйском архиве, относится к эпохе Нового царства, т. е. к XIV—XIII векам до н. э. Сохранились также и сделанные в эпоху Нового царства копии более древних документов, оригиналы которых (до нас не дошедшие) относятся к XVII—XVI векам до н. э. В копии более позднего времени обнаружен древнейший памятник клинописного хеттского языка — надпись царя Аниттаса (около XVIII века до н. э.).

Хеттский язык — не единственный индоевропейский язык, памятники которого имеются в богазкёйском архиве. Наряду с многочисленными и разнообразными хеттскими текстами в Богазкёе найдены скудные фрагменты клинописных ритуальных текстов на двух других индоевропейских языках, родственных хеттскому, — на лувийском и палайском. Ритуальные тексты на этих двух языках относятся к периоду Нового царства. Учитывая архаичность хеттской религиозной традиции, можно предполагать, что в языке этих текстов отразились и более древние языковые нормы. Лувийскому близок язык выполненных особым письмом иероглифических хеттских (точнее иероглифических лувийских) текстов I тысячелетия до н. э., найденных в Сирии.

Хеттский, клинописный и иероглифический лувийский и палайский языки образуют одну группу индоевропейских языков — анатолийскую (иначе хетто-лувийскую). Около XVI века до н. э., когда составлялся наиболее ранний из дошедших до нас вариантов хеттских законов, тремя основными частями Хеттского государства были страна хеттов (в центре Малой Азии), Лувия (на юго-западе Малой Азии) и Пала (на севере или востоке Малой Азии). С начала новохеттского периода значение области Пала намного уменьшилось, так как север Хеттского царства подвергался постоянным набегам племен каска. Иногда им даже удавалось отрезать Пала от государства хеттов. Центр последнего постепенно перемещается к югу, с чем связано появление в хеттских текстах периода Нового царства множества слов, заимствованных из лувийского языка или из (южно)анатолийских диалектов, очень близких к лувийскому. Один из таких диалектов уже после крушения Хеттского царства был зафиксирован в письменных памятниках, выполненных иероглифическим хеттским письмом. Иероглифические тексты в Сирии создавались вплоть до VIII века до н. э. На юго-западе Малой Азии и позднее продолжали говорить на анатолийских языках. Об этом свидетельствует то, что к античному времени относятся немногочисленные памятники двух анатолийских языков — ликийского и лидийского.

Несмотря на то что наиболее ранние письменные памятники хеттского языка древнее текстов на всех остальных анатолийских языках, эти последние очень важны для исследования дописьменной истории хеттского языка, так как позволяют реконструировать общеанатолийский язык, время существования которого предшествовало эпохе создания древнейших хеттских текстов. К этому языку могут быть возведены все отдельные анатолийские языки, но время и место, к которому этот язык может быть приурочен, еще остаются неясными. Возможно, что время существования общеанатолийского языка предшествовало приходу носителей анатолийских языков в Малую Азию.

Хеттские памятники были созданы в период, когда хетты уже стали основным населением некоторых обла-

стей центральной и северо-восточной частей Малой Азии. Однако исконное население Малой Азии первоначально говорило не на анатолийских языках, а на неиндоевропейских: хеттский и палайский распространились на территории, где до этого говорили на неиндоевропейском языке хатти (или хаттском).

Лингвистические данные позволяют предполагать, что племена, говорившие на анатолийских языках, переселились в Малую Азию из областей первоначального расселения индоевропейских племен, находившихся значительно севернее.

В хеттских текстах встречаются места, которые могут быть истолкованы как отзвуки более древних переселений анатолийских племен в Малую Азию. Наибольший интерес в этом отношении представляет известная хеттская молитва, обращенная к богу солнца.

В палайской молитве, обращенной к богу солнца, также есть строка, которую можно перевести «из-за [?] моря ты встаешь». Если этот перевод правилен, то он подтверждает отражение в хеттской и палайской молитвах древних общеанатолийских представлений о солнце, встающем из-за моря. Благодаря архаичности религиозной традиции подобные представления могли сохраниться в молитвах вплоть до периода составления хеттских текстов, когда для хеттов и палайцев солнце на самом деле вставало уже не из-за моря. Космологические представления, отраженные в молитвах, вероятно, соответствовали какой-то географической реальности. Совершенно очевидно, что образ солнца, встающего из-за моря, мог возникнуть не в Анатолии, а в более северных областях — на берегах Каспийского или Черного морей или же на востоке — у берегов большого озера*.

Если предки хеттов действительно некогда обитали у Черного моря, то их путь в Малую Азию лежал через Балканы; если они жили у Каспийского моря или у озера Ван, то должны были пройти через Кавказ. В последнее время были выдвинуты дополнитель-

* Например, озера Ван; характерно, что в анналах новохеттских царей слово агипа «море» обозначает, по-видимому, большое озеро, которое находилось на востоке от Анатолии.

ные аргументы в пользу восточного, кавказского, пути переселения. Жители нескольких областей и городов, расположенных на востоке Хеттского государства (восточнее его столицы Хаттусаса), согласно древнехеттским законам освобождались от повинностей. Это свидетельствовало о привилегированном положении этих городов, которые в дальнейшем потеряли свое значение. Перемещение центра страны с востока на запад сопровождалось увеличением удельного веса южных областей, что, в частности, отразилось на усилении роли лувийского языка и ослаблении роли палайского. Таким образом, можно допустить, что уже в исторический период распространение хеттов в Малой Азии осуществлялось с северо-востока на юго-запад. В подтверждение того, что хетты пришли в Малую Азию через Кавказ, можно привести и некоторые археологические данные, свидетельствующие о связях предметов материальной культуры Малой Азии и Кавказа. Наконец, гипотеза о кавказском пути переселения анатолийских племен подтверждается наличием следов древнейших связей хеттского языка с тем восточным хурритским диалектом, из которого позднее развился урартский язык (район озера Ван). Можно предположить, что в этот же период хетты при посредстве хурритов переняли староаккадскую клинопись. В хурритской языковой области к II тысячелетию до н. э. появляются арийские племена, двигавшиеся через Кавказ из причерноморских или прикаспийских степей. С названными фактами можно связать и то, что индоарийские племена еще до их прихода в Переднюю Азию и Индию, по-видимому, заимствовали из анатолийских языков имя бога Варуны, сопоставляемое с анатолийским названием бога моря.

Хотя конкретный путь переселения носителей анатолийских языков еще твердо не установлен, несомненно одно — они пришли в Малую Азию с севера.

Наиболее вероятным можно считать предположение, по которому древнейшая область распространения индоевропейских диалектов до III тысячелетия до н. э. находилась в южной части Восточной Европы (и, возможно, в прилегающих степях Азии) — к северу от Черного и Каспийского морей. Из этой области пле-

мена, говорившие на индоевропейских диалектах, начали двигаться на юг, что привело к появлению индоевропейских языков в Восточном Средиземноморье и в Передней Азии. При передвижении с севера на юг индоевропейские племена постепенно стали испытывать влияние древних культур Средиземноморья и Ближнего Востока. О хеттах и других анатолийских племенах в Малой Азии, о греческих племенах в микенской Греции и на Крите, а также об арийских племенах в Передней Азии можно судить по письменным источникам только благодаря тому, что они соприкасались с древними цивилизациями, имевшими уже к тому времени свою письменность. Греки, овладевшие к середине II тысячелетия до н. э. материковой частью Греции и городом Кноссом на Крите, познакомились с критским линейным письмом, которое они приспособили для записи греческого языка. Носители анатолийских языков (а позднее и арийские племена), пришедшие в Переднюю Азию, застали там народы, пользовавшиеся клинописью, усвоенной хеттами к XVIII веку до н. э.

Клинописные памятники хеттского языка древнее клинописных текстов на других анатолийских языках, но из этого еще не следует, что хетты появились в Анатолии раньше, чем носители палайского и лувийского языков. Не исключена возможность, что еще не прочитанные древнейшие надписи начала II тысячелетия до н. э., выполненные иероглифическим хеттским письмом, отражают анатолийский язык, отличный от хеттского и более близкий лувийскому.

В древнейших известных нам географических названиях Малой Азии и прилегающих областей некоторые ученые видели следы пребывания лувийцев на этой территории еще в III тысячелетии до н. э., в связи с чем предполагалось, что лувийцы были первыми завоевателями-индоевропейцами, вторгшимися в Анатолию.

Последовательность перемещения носителей хеттского, лувийского и палайского языков в Малую Азию остается неизвестной, но данные древнейших малоазиатских письменных текстов позволяют утверждать, что носители этих языков уже находились в Малой Азии на рубеже III и II тысячелетий до н. э.

Наиболее ранние письменные свидетельства об анатолийских языках (а следовательно, и об индоевропейских языках в целом) содержатся в документах на аккадском языке, найденных в староассирийских торговых колониях в Малой Азии (в Кюльтепе — древнем Канесе, Богазкёе и Алишаре). В этих староассирийских, так называемых каппадокийских, текстах, составленных в начале II тысячелетия до н. э., засвидетельствован ряд собственных имен и слов, заимствованных из индоевропейских анатолийских языков. Многие из собственных имен представляют собой названия богов. Часть этих названий может быть признана хеттскими, часть — лувийскими. Наличие элементов хеттского языка в староассирийских текстах свидетельствует о длительном и тесном контакте хеттов с обитателями ассирийских торговых колоний в Каппадокии. При этом характерно, что языком, оказывающим культурное влияние на другой язык, был хеттский, и материальная культура староассирийских колоний является анатолийской, а не месопотамской. Это показывает, что к тому времени культура анатолийских племен достигла достаточно высокого уровня, позволившего им повлиять на население староассирийских торговых колоний. Очевидно, что контакт хеттов и других анатолийских племен с носителями месопотамской культуры, оказавшей существенное влияние на хеттскую, имел место не в ту эпоху, когда были составлены староассирийские таблички из малоазиатских торговых колоний. Возможно, что хетты еще до этой эпохи усвоили некоторые достижения месопотамской цивилизации (в том числе и письменность, которая у хеттов сильно отличается от староассирийской). Проводниками месопотамского влияния могли быть либо аккадские торговцы — предшественники ассирийских колоний в Малой Азии*, либо находившиеся под аккадским влиянием жители более восточных (в частности хурритских) областей, с которыми хетты находились в контакте еще до своего прихода в Малую Азию.

В начале II тысячелетия до н. э. носители анатолий-

* О еще более древних аккадских торговых колониях середины III тысячелетия до н. э. сохранился полуполюгендарный аккадский рассказ, хеттский перевод которого найден в Богазкёе.

ских языков, по-видимому, еще не были объединены в одно государство. Существовали области, каждая из которых имела самостоятельного правителя. Одним из таких правителей был хеттский царь Аниттас. Его надпись является наиболее архаичным памятником хеттского языка (несмотря на частичную модернизацию), которая могла иметь место при переписывании текста надписи). Царь Аниттас жил в начале II тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют документы того времени из ассирийских колоний в Анатолии. В тот период, о котором повествует надпись Аниттаса, столицей царства был город Куссар, а не Хаттусас, завоеванный Аниттасом после длительной борьбы. Надпись Аниттаса повествует также о покорении Аниттасом города Несаса. Позже по имени этого города хетты называли свой индоевропейский язык несийским. Согласно недавно выдвинутой гипотезе, можно допустить тождество города Несаса и города Канес — центра староассирийских колоний в Малой Азии. Предположение, что Аниттас завоевал Канес, подтверждается новыми археологическими открытиями: в этом месте недавно найден кинжал с клинописной надписью царя Аниттаса. При Аниттасе начинается государственное объединение некоторых областей Анатолии, бывших ранее центрами ассирийской торговли и вошедших позднее в Хеттское государство. Вассалом Аниттаса стал, по-видимому, правитель Бурусхандаса — крупнейшего малоазиатского княжества времени существования староассирийских колоний в Малой Азии. Бурусхандас был древнейшим центром месопотамской торговли в Малой Азии, так как аккадская торговая колония в этом городе упоминается уже в полулегендарном рассказе о походе Саргона в Малую Азию (около 2400 года до н. э.). По данным староассирийских табличек, на рубеже III и II тысячелетий до н. э. в Бурусхандасе (как и в Канесе) имелась колония ассирийских торговцев и независимый от них великий князь, которого Аниттас в своей надписи называет просто «человеком из Бурусхандаса».

Надпись Аниттаса отделена от позднейших хеттских текстов древнехеттского периода значительным промежутком времени. Этот вывод, основанный на сопоставлениях исторического характера, подтверждается

особенностями языка надписи, в котором сохранились некоторые чрезвычайно архаичные черты, утраченные в позднейших текстах древнехеттской эпохи.

Особое место надписи царя Аниттаса среди аналогичных хеттских документов доказывается и некоторыми жанровыми ее особенностями. Только в этой надписи мы встречаем описания царской охоты и строительства, которое вел царь. Подобные рассказы типичны для древней литературы других стран Передней Азии, но отсутствуют во всех остальных хеттских текстах, где царь выступает только как верховный военачальник, жрец и судья. Подобные факты позволяют считать, что надпись царя Аниттаса занимает особое место среди хеттских текстов исторического содержания. Можно допустить, что хетты, заимствовавшие к тому времени староаккадскую клинопись, испытывали в этот период особенно сильное воздействие месопотамских литературных образцов.

Вместе с тем в надписи царя Аниттаса имеются и некоторые места, сближающие ее с позднейшими хеттскими текстами: запрет нарушать слово царя, повторяющийся в других царских надписях древнехеттского периода, формула, говорящая о том, что хеттское войско пришло «целиком, целой массой», ритуальный запрет заселять разрушенный город. Таким образом, надпись царя Аниттаса с полным правом может считаться начальным пунктом истории известной нам хеттской литературы.

Начиная с XVII века до н. э. мы располагаем древнехеттскими текстами исторического и политического содержания. Первым царем, деятельность которого описывается в этих текстах, является царь Лабарна; сходное имя князя Канеса Лабарса упоминается в одном из староассирийских текстов. В завещании Хаттусиласа I (преемника Лабарны) сообщается, что дед Хаттусиласа оставил в качестве наследника в городе Санахуитта своего сына Лабарну, но его подданные и сановники выдвинули другого претендента на престол, за что были сурово наказаны. О походах Лабарны повествуют и более поздние хеттские источники, отделенные от царствования Лабарны значительным промежутком времени, что заставляет отнести к ним критически,

Как сообщают тексты позднейшего времени, Лабарна расширил границы Хеттского государства от моря до моря; имеются в виду, очевидно, Черное море (близ которого лежала область Пала) и Средиземное (у которого была расположена Лувия), хотя «морем» могло называться и большое внутреннее озеро. Расширение Хеттского царства при Лабарне явилось продолжением походов Аниттаса: так, Лабарна назначает своего сына правителем Бурусхандаса, ставшего вассальным княжеством еще при Аниттасе.

Преемник Лабарны — Хаттусилис I (XVII век до н. э.) * в позднейших текстах именуется царем Куссара, где был составлен и главный документ его времени — завещание Хаттусилиса. Но свое имя Хаттусилис получил по имени города Хаттусас, очевидно потому, что в его царствование столица была перенесена из Куссара в Хаттусас. В тексте «деяний», найденном в 1957 году, Хаттусилис называет себя «царь Хаттусаса, человек из Куссара».

Хаттусилис I оставил завещание на двух языках — хеттском и аккадском. Этот документ сильно поврежден, но его восстановление оказалось возможным благодаря сличению аккадской и хеттской версий и других аналогичных текстов. Завещание представляет собой обращение царя к собранию воинов и к главным сановникам. Из текста видно, что власть царя в то время не была безграничной. Значительными полномочиями обладало собрание — панкус **, объединявшее всех свободных членов общества, способных носить оружие.

Обращаясь к панкусу, Хаттусилис призывает своих слушателей беречь будущего царя в походах; при этом о своем наследнике он говорит, что его род должен быть единым, как волчий род. В этом призыве явственно чувствуется отзвук более древних обращений военачальника — предводителя племени к племенному (или родовому) собранию. Сравнение с волчьим родом, очевид-

* Хронология Хеттского царства дается в соответствии с работами А. Гётце.

** Панкус — собрание, унаследованное от родовой эпохи, в этом завещании изображается как юридическая инстанция, с которой царь обязан советоваться по поводу всех преступлений (в том числе религиозных).

но, можно расценить как пережиток тотемических представлений.

Таким образом, в завещании Хаттусилиса I можно найти явные следы пережитков родовых учреждений и обычаев. Сам текст завещания представляет собой пример обращения царя к панкусу. Поводом для этого послужило изменение порядка наследования: вместо племянника царя по женской линии, который должен был стать царем, наследником объявляется сын царя. В завещании речь идет не об одном частном случае изменения порядка наследования, но и о том, что впредь никто не должен назначать наследником сына своей сестры. Назначение наследником племянника по материнской линии было широко распространено у многих племен, находившихся на относительно архаичной ступени развития и сохранявших следы счета родства по матери. В хеттском обществе некоторые черты матриархата сохранялись вплоть до Новохеттского царства. Очевидно, следы материнского права были еще более явными в дописьменный период, так как в одном из наиболее древних текстов — завещании Хаттусилиса — можно видеть отражение процесса перехода от счета родства по матери к счету родства по отцовской линии. Следует отметить, что в этом тексте излагаются обвинения против женщин — родственниц царя: его сестры и дочери.

Изменение порядка наследования в завещании Хаттусилиса мотивируется подробными обвинениями, направленными против бывшего наследника и его родственников.

Значительную часть завещания Хаттусилиса составляют разделы, в которых излагаются обязанности будущего царя и его подданных; эти части завещания написаны в форме, отчасти напоминающей договор между военачальником-царем и его подданными-воинами.

В ряде древнехеттских документов (в том числе в единственной надписи, дошедшей до нас в клинописном оригинале XVII века до н. э.) упоминается борьба хеттов с городом Хальпа (хурритское княжество Ямхад в Северной Сирии; современное Алеппо). Этот город, за который сражался еще Хаттусилис I, был завоеван его сыном — царем Мурсилисом I. При Мурсилисе I воен-

ная мощь древнехеттского царства достигла наивысшего расцвета: этот хеттский царь около 1650 года до н. э. взял Вавилон, о чем повествуют как древнехеттские, так и вавилонские источники. Однако после смерти Мурсилиса I, убитого в результате дворцового заговора, военная мощь Хеттского государства ослабевает. При его преемнике Хантилисе племена каска совершили опустошительный набег на северную часть государства и угрожали столице хеттов. Хеттское царство расшатывают внутренние распри.

Охватывающий примерно сто лет период, который следовал за царствованием Мурсилиса I, был полон междоусобиц, актов кровной мести и дворцовых переворотов. Об этом периоде (как и об истории Древнехеттского царства в целом) позволяет судить вводная историческая часть важнейшего хеттского политического документа XVI века до н. э. — обращения царя Телепинуса I к панкусу.

Документ Телепинуса близок к завещанию Хаттусилиса по своему назначению: оба документа представляют собой обращение царя к собранию. В обоих текстах рассказы о смутах и междоусобицах (в частности о восстании, имевшем место при Хаттусилисе) приводятся для того, чтобы обосновать требование об объединении подданных — членов панкуса под властью царя, а также для мотивировки устанавливаемого порядка наследования. Запрещение заниматься магией, обращенное к членам царского рода в последнем параграфе документа Телепинуса, можно сопоставить с аналогичным запретом в заключительной части завещания Хаттусилиса.

Дословное совпадение документов позволяет думать, что завещание Хаттусилиса (или другие аналогичные обращения хеттских царей к панкусу) послужило в известной мере образцом для Телепинуса. Это тем более вероятно потому, что Телепинус описывает первых хеттских царей (в том числе и Хаттусилиса) как образцовых правителей, которым он стремится подражать.

В связи с тем что многие из установлений Телепинуса (как и само его обращение к панкусу) представляют собой возрождение древнейших обычаев, заслуживает внимания то, что и имя этого царя является хеттским. Оно совпадает с именем исчезающего и возвра-

щающегося бога плодородия Телепинуса, культ которого хетты заимствовали у аборигенов, говоривших на языке хатти.

Наряду с традиционными чертами в содержании и форме документа Телепинуса наблюдаются и существенные нововведения. В отличие от завещания Хаттусилиса, где наставления царя и примеры из истории, подтверждающие и иллюстрирующие их, свободно чередуются на протяжении всего текста, в документе Телепинуса проводится строгое разграничение исторической части повествования (близкой по жанру к «деяниям» Хаттусилиса I) и той, в которой излагаются законодательные установления. В вводной исторической части Телепинус противопоставляет царствование первых хеттских властителей позднему смутному времени. Стремясь положить конец эпохе смут, кровопролитных междоусобиц и распрей в царском роде, Телепинус возрождает старинные права панкуса, которому снова разрешается разбирать споры царя с членами царского рода.

Первое упоминание о панкусе в документе Телепинуса встречается в рассказе о наказании трех преступников, повинных в убийствах. Дело этих трех представителей знатных родов, осужденных панкусом, Телепинус рассматривает в качестве очень важного прецедента, который в дальнейшем должен определять права панкуса. По документу Телепинуса, панкусу предоставляется право судить высших должностных лиц. Надо думать, что это не было нововведением по сравнению с эпохой Хаттусилиса I, так как Хаттусилис обязывал царя спрашивать мнение панкуса обо всех преступлениях. Но в период, предшествовавший воцарению Телепинуса, преступления, совершаемые представителями высшей знати, оставались безнаказанными. Фактически высшие сановники перестали быть подсудными панкусу, что было естественным следствием неравноправия высших сановников и рядовых придворных, заметного уже по текстам XVII века до н. э. Телепинус восстанавливает прежние функции древнего собрания. Вместе с тем необходимость принятия решительных мер приводит Телепинуса к нововведению: панкус получает право созывать собрание для суда над царем, который

посягнет на жизнь своих родственников. Закрепляя реформу порядка наследования, начатую Хаттусилисом I, Телепинус устанавливает нормы наследования, действовавшие на протяжении всего новохеттского периода.

Несмотря на то что Телепинус выступает в роли реформатора, в его документе можно также найти свидетельства о некоторых обычаях более древнего времени, жестокость которых он в известной мере пытается смягчить. Наряду с кровной мстью в его документе предусматривается возможность возмещения за убитого. Эта тенденция к преобразованию древних обычаев особенно заметна в хеттских законах.

К эпохе Телепинуса можно отнести составление одного из вариантов хеттских законов, лежащего в основе дошедшего до нас текста, который сохраняет ряд особенностей, характерных для языка древнехеттских памятников. Из текста законов видно, что при «отце царя» (возможно, при Телепинусе. — В. И.) имела место реформа законодательства, приведшая к значительному смягчению наказаний и к отмене некоторых древних обычаев. К этому времени хеттское право начало ориентироваться не столько на наказание виновного, сколько на возмещение пострадавшему. Соответственно с правовой реформой многие пункты законов сформулированы двояко: с указанием древнего обычая и более поздней юридической нормы, пришедшей ему на смену. Вероятность того, что хеттские законы были составлены при Телепинусе, подтверждается также § 55 этих законов, где говорится о том, как подданные «отца царя» просили его отменить существовавшие ранее льготы для жителей (восточных) городов, которые не несли повинностей. При этом сообщается, что царь пришел на собрание, чтобы сообщить об уравнивании в правах всех подданных; это собрание названо тем же термином, который используется Телепинусом для обозначения созванного им собрания (*tulija-*).

Юридическая реформа, начатая при Телепинусе, получила дальнейшее развитие в дошедшей до нас части еще более позднего текста хеттских законов, относящихся уже к Новому царству.

Хеттские законы являются ценным источником для анализа экономической и социальной структуры хетт-

ского общества. В них ярко отражено различие социального положения свободных и рабов, в частности разница между наказаниями за преступление, направленное против свободного человека, и за аналогичное преступление, совершенное по отношению к рабу.

Сохранившиеся части хеттских законов дают достаточно полное представление о юридических нормах, связанных с браком. Ко времени составления этих законов семья была организована уже сообразно с отцовским правом, хотя в некоторых статьях отдельные исследователи видели возможное отражение пережитков материнского права.

Многие статьи законов касались земельных отношений и товарно-денежных сделок, а также охраны собственности на движимое имущество, к которому в хеттском обществе относились прежде всего рабы и скот. В этих статьях отражаются черты хозяйства, основанного на скотоводстве и земледелии, которое в географических условиях Анатолии требовало развитой системы орошения. Особый интерес представляет сохранившийся в тексте хеттских законов тариф, в котором стоимость мяса различных домашних животных оценивается посредством указания эквивалентных долей одной «овцы»*. Стоимость всех других товаров оценивается в серебре.

Для сравнительного исследования истории народов, говоривших на древних индоевропейских диалектах, несомненный интерес представляют аналогии, обнаруженные между хеттскими законами и составленными одним или двумя веками позднее крито-микенскими текстами линейного письма «В». Это связано отчасти со сходством описываемых отношений (в частности земельных), отчасти с жанровыми особенностями текстов. Вместе с тем хеттские законы обнаруживают явные аналогии с законами других стран Передней Азии, в частности с древнеизраильскими законами.

Помимо указанных выше документов, к эпохе Древнего царства относятся другие тексты, ценные для изучения истории и социальной структуры древнехеттско-

* Одна «овца» являлась, таким образом, древней единицей измерения стоимости.

го общества. Среди них выделяется текст, в котором царю заповедуется заботиться о своих подданных, опекать больных, кормить голодных, одевать бедных. Этот текст во многом сходен с египетскими надписями на гробницах эпохи Среднего царства.

Очевидно, к древнехеттскому периоду восходят и некоторые из ритуальных текстов, в большом количестве сохранившихся в богазкёйском архиве. Язык всех хеттских ритуальных текстов близок к языку древнехеттских памятников, однако это во многих случаях объясняется воздействием стилистической традиции, которой составители этих текстов следовали на протяжении всего новохеттского периода. К древнехеттскому периоду можно возвести наиболее древние мифологические тексты, связанные с хаттской традицией. Эти мифы дошли до нас в качестве составных частей архаичных ритуалов. Одним из них является мифологический рассказ о «змии». В мифе рассказывается о том, как бог грозы отомстил своему врагу-змиею, который до этого одержал победу над богом. Миф дошел до нас в двух вариантах. В первом, более древнем, варианте мщение удастся благодаря помощи человека по имени Хупасияс, которого за это богиня Инара дарит своей любовью. В этом древнем варианте мифа боги изображены как коварные и неблагодарные существа: Инара обманным путем заманивает к себе змия, пригласив его на угощение. Затем после мщения, совершенного с помощью Хупасияса, боги расправляются с самим Хупасиясом. Во втором варианте мифа, где боги предстают менее вероломными, бог грозы соединяется с дочерью человека по имени «Бедный» для того, чтобы родить сына, который затем женится на дочери змия и помогает своему отцу получить обратно сердце и глаза, отнятые у того змиею. То, что во втором, более позднем, варианте бог осуществляет мщение с помощью сына, специально для этого рожденного, напоминает об аналогичном мотиве в хурритском эпосе о боге Кумарби, переложённом на хеттский язык уже в новохеттский период. Миф о сражении богов со змиею нашёл отражение и в позднейших памятниках изобразительного искусства Анатолии (на барельефе в Малатя).

Второй древний миф, связанный с хаттской традицией, описывает исчезновение бога и засуху, вызванную этим исчезновением, попытки других богов найти и вернуть бога, его возвращение и возрождение природы. Этот миф может быть реконструирован на основании трех близких друг другу хеттских версий, различающихся тем, что в них в качестве исчезающего божества выступают три различных бога, связанных с хаттским пантеоном: хаттский бог плодородия Телепинус, бог грозы и бог солнца. Древний прототип этих трех хаттских мифов, который может быть восстановлен благодаря их сравнению, имеет много общего с широко распространенными в области древней восточномедитеранейской культуры мифами об исчезающем и возвращающемся божестве плодородия: греческом Дионисе, фригийском Аттисе, египетском Осирисе, финикийско-сирийском Адонисе, месопотамском Таммузе. Характерно, что сами хетты позднее отождествляли хаттского бога плодородия Телепинуса с месопотамским Таммузом; это можно сравнить с взаимным отождествлением Диониса, Осириса, Аттиса и Адониса в эллинистическую эпоху. Весь этот круг явлений важен для исследования параллелей к христианскому повествованию о воскресении. Среди восточномедитеранейских мифов об умирающем и воскресающем боге хеттские мифы отличаются глубокой архаичностью и примитивностью, наглядностью изображения обожествляемых сил природы.

Для сравнительного изучения хеттской религии особенно интересны атрибуты культа Телепинуса, в частности связь культа Телепинуса с вечнозеленым деревом. Использование этого дерева в качестве символа Телепинуса можно сравнить, например, с ролью ели в рождественских обрядах. То, что за Телепинусом посылается пчела, которая должна его вернуть, также находит параллели в мифах других народов.

Как и повесть о змии, миф о Телепинусе сохранился в качестве составной части ритуальных текстов: этот миф входил в ритуал, призванный смягчить гнев богов. Возможно, что некоторые из соответствующих ритуальных текстов были составлены уже в новохеттский период, но в основе своей миф о Телепинусе восходит к древнехеттскому.

Язык древнехеттских текстов XVII—XVI веков до н. э. и примыкающих к ним юридических, ритуальных и мифологических документов во многих отношениях существенно отличается от языка чрезвычайно многочисленных памятников эпохи Нового царства (XIV—XIII века до н. э.). Древнехеттский период отделен от новохеттского промежутком приблизительно в сто пятьдесят лет, на протяжении которого письменные памятники почти совершенно отсутствуют. Сохранились лишь перечни имен царей этого среднехеттского периода; в действительном существовании этих царей, однако, не приходится сомневаться.

Возможно, что начиная именно со среднехеттского периода хетты все в большей степени испытывают начавшееся еще в древнехеттский период влияние культуры хурритов, выступающих в начале новохеттской эпохи в качестве наиболее мощных противников хеттов в Северной Сирии и Месопотамии. Хурриты в середине II тысячелетия до н. э. образовали несколько государственных объединений, которые все в целом назывались «страна хурритов». От собственно хурритских областей отличалось могущественное царство Митанни, в котором, помимо хурритов, жили еще и арийцы, попавшие туда после вторжения арийских племен в Переднюю Азию. В частности, имена правителей Митанни и богов, упоминаемых в договоре между хеттским царем и царем Митанни, носят явно арийский характер. С хурритским влиянием связано проникновение в язык новохеттских текстов не только хурритских, но и арийских заимствований.

Военное могущество арийских правителей Митанни было связано прежде всего с исключительно высокой техникой коневодства. В этой области арийские специалисты оказались учителями не только неиндоевропейских народов Передней Азии (хурритов и ассирийцев), но и хеттов. Хотя хетты уже в эпоху Аниттаса и были знакомы с использованием лошадей и боевых колесниц, до новохеттского периода они не владели столь высоким искусством коневодства, как арийцы. Из этого можно сделать вывод об относительной хронологии расселения индоевропейских племен: тип боевых колесниц, которые были обнаружены у народов, говоривших на

древних индоевропейских диалектах (хеттов, арийцев, микенских греков, германцев, кельтов), в основном одинаков, но искусство коневодства, без которого невозможно было использование этих колесниц, у различных индоевропейских племен развивалось неравномерно. По-видимому, носители анатолийских диалектов отделились от носителей других родственных индоевропейских диалектов (в том числе арийских) еще до того, как те достигли столь значительных успехов в развитии коневодства. Эту гипотезу можно подтвердить лингвистическими данными, показывающими, что не существует общеиндоевропейской специальной коневодческой терминологии (за исключением общеиндоевропейского названия «лошади»), тогда как засвидетельствован ряд общеиндоевропейских терминов, относящихся к упряжи. Это согласуется и с отсутствием особой общеиндоевропейской терминологии, связанной с культом лошади. Все эти факты говорят о том, что знакомство с лошастью (как и культ лошади) было общеиндоевропейским явлением, непосредственно предшествовавшим расселению и разделению индоевропейских племен, которое оказалось возможным благодаря знакомству с коневодством. Искусство коневодства подробно описывается в специальном коневодческом трактате, написанном на хеттском языке уроженцем Митании — хурритом Киккули.

Особенно значительным в новохеттский период было хурритское влияние в области религии. Если религия древнехеттской эпохи в своих существенных чертах может быть понята как преобразование древней общеанатолийской (индоевропейской) системы религиозных представлений под воздействием хаттской, то новохеттский период характеризуется взаимодействием древнехеттской религии с хурритской.

Соединение хурритских элементов с хеттскими можно обнаружить даже в культе главного бога древнехеттского пантеона — бога грозы. В новохеттский период атрибутами культа этого бога становятся два мифологических быка, носящих хурритские имена: Hurriš (ḫurri 'ночь') и Seriš (šeri 'день').

Результатом взаимодействия этих двух религиозных систем является крупнейший памятник хеттского изобразительного искусства эпохи Нового царства —

скульптурная галерея Язылыккая. Язылыккая представляет собой группу скал к северу от Богазкёя, образующих естественное храмовое помещение, огороженное с трех сторон скалами. Эти скалы украшены барельефами — изображениями хеттских богов. На этих изображениях можно узнать древнехеттских богов, связанных с хаттской религиозной традицией (таких, как бог грозы). Но иероглифические подписи под этими изображениями содержат имена хурритских богов и богинь, по-видимому, рассматривавшихся как эквивалентные древнехеттским. Таким образом, хеттский пантеон в галерее Язылыккая отождествлен с хурритским, т. е. мы встречаемся здесь с переводом одной системы религиозных представлений в другую.

Эта особенность галереи Язылыккая, использовавшейся для нужд культа новохеттской династии, может быть связана с наличием хурритского элемента в самой династии. Следует отметить, что царицы новохеттского времени носят хурритские имена. Некоторые из них, согласно древним обычаям, унаследованным от эпохи материнского права, оказывали большое влияние на решение государственных дел. Так, хурритское имя царицы (Тавананны) Пудухепы (XIII век до н. э.) в царских документах стоит наравне с именем ее супруга Хаттусилиса III. Важную роль царица играла также в культовых церемониях; поэтому она могла оказывать влияние на развитие государственной религии. В документах времени царствования Хаттусилиса III и Пудухепы можно видеть косвенное свидетельство того, что покровительница Пудухепы — богиня солнца отождествлялась с хурритской богиней Хебат. Это отождествление имеет место и в галерее Язылыккая. Характерно, что у хеттов главным культовым центром богини солнца (по происхождению хаттской богини) был город Аринна, носящий хурритское название. Особенно следует отметить, что главный политический документ Хаттусилиса III — его автобиография — посвящен прославлению хурритской богини Иштар, культовый центр которой был родиной Пудухепы (Лавадантия в стране Кицуватна на юге Малой Азии).

Влияние хурритской религии на хеттскую особенно заметно в новохеттских ритуальных текстах, в которых

жрец во время священнодействия говорит по-хурритски. Такие ритуалы часто содержат значительное число хурритских слов.

В новохеттский период на хеттский язык было переведено значительное число произведений хурритской литературы, среди которых наибольшее значение имеет эпическое повествование о царствовании на небесах, где описывается последовательный переход власти от одной династии богов к другой, и эпическая поэма о боге Кумарби. Два последних сочинения представляют особый интерес для истории мировой культуры, так как они являются звеном, связывающим древние литературы Ближнего Востока с древнегреческой мифологической и поэтической традицией (в частности с «Теогонией» Гесиода).

Сюжет переведенной на хеттский язык хурритской мифологической поэмы о смене четырех поколений богов на небесах аналогичен повествованию Гесиода о переходе власти от Урана к Кроносу и от Кроноса к Зевсу. Сюжет поэмы о боге Кумарби — «Песни об Улликумми» — напоминает гесиодовский миф о Тифоне. Низвергнутый бог Кумарби, желая отомстить своим врагам, родит от скалы сына — каменное чудовище с хурритским именем Улликумми и хеттским прозвищем Кункунуцци, что можно перевести как «каменный убийца». Быстрый рост сына Кумарби, возвышающегося в море как каменный столп, вызывает испуг богов, совещающихся на небесах. Замечателен эпизод, в котором повествуется, как богиня Иштар тщетно пытается пением воздействовать на чувства каменного чудовища, остающегося слепым и глухим.

В последующих эпизодах описываются приготовления богов к сражению с Улликумми и начало сражения. Поэма заканчивается описанием битвы, в которой Улликумми терпит поражение (конец поэмы до нас не дошел).

В новохеттский период с хурритского языка на хеттский было переведено много литературных произведений помимо эпоса о смене династии богов и «Песни об Улликумми». К ним относятся и мифологические сочинения (миф о демоне-змеи Хедамму и богине Иштар, сказки), и эпические легенды (легенда о герое Гурпа-

ранцах, где упоминается река Тигр под ее хурритским именем Арандах, рассказ об охотнике Кессе).

Наряду с оригинальными произведениями хурритского эпоса на хеттский язык с хурритского был переведен ряд сочинений, по отношению к которым хурритская литература играла только роль посредника. В богзёйском архиве сохранились хурритский вариант эпоса о Гильгамеше и фрагменты хеттского перевода этого эпоса, сделанного, очевидно, с хурритского.

Хурритское влияние проникало к хеттам главным образом через Северную Сирию и южные области Малой Азии. Южные области Малой Азии, ставшие, очевидно, в среднехеттский период независимыми княжествами, в древнехеттский — уже являлись территорией распространения лувийского языка; вместе с тем позднее область Кицуватна сыграла особую роль в усилении хурритского влияния на хеттскую религию. Сходное сочетание лувийских элементов с хурритскими можно предполагать и по отношению к Северной Сирии, где лувийские и хурритские собственные имена встречаются уже с начала II тысячелетия до н. э., а один из лувийских диалектов сохраняется вплоть до I тысячелетия до н. э., когда на нем были составлены так называемые иероглифические хеттские тексты. Смешанной хурритско-лувийской культуре Северной Сирии в последнее время приписывается создание монументального изобразительного искусства, памятники которого в Сирии и Малой Азии неразрывно связаны с иероглифическими надписями. Этот хурритско-лувийский монументальный стиль, основной областью распространения которого является Северная Сирия, в новохеттский период оказал значительное влияние и на искусство Анатолии, что безусловно связано с хурритским воздействием на хеттскую культуру. С этими культурными влияниями следует связать также и увеличение роли иероглифического письма в официальных надписях новохеттского времени. Характерно, что хурритские подписи под барельефами хеттских богов в галерее Язылыкая выполнены иероглифическим письмом. Очевидно, что хурритское влияние на хеттскую культуру, воздействие хурритско-лувийского искусства Сирии на изобразительное искусство Анатолии и более широкое использование иероглифического

письма в официальных надписях в новохеттский период были тремя проявлениями одного и того же культурно-исторического процесса, который вел к преобразованию культуры центральной части Хеттского государства под влиянием южносирийских областей, постепенно включавшихся в его состав.

Позднее, после гибели центрального Хеттского государства, культура южных областей продолжала существовать на протяжении многих веков. Таким образом, падение Хеттского государства в Анатолии способствовало завершению процесса перемещения культурного центра области распространения анатолийских языков из более северной страны хеттов в южную, лувийскую, территорию.

Важнейшими оригинальными памятниками новохеттской литературы являются царские анналы, основной задачей которых было прославление военных подвигов царя, рассматривавшихся как выражение мощи, ниспосланной ему богами. Царские анналы представляют собой как бы отчет, который царь дает божеству о своей военной и религиозной деятельности. Походы царя описываются с помощью многочисленных штампов, повторяющихся из одного текста в другой. Хеттский царь «приводит в порядок» взятый им враждебный город (или захваченную им страну): «сжигает до тла» все дома, захватывает добычу, уводит в страну хеттов скот и рабов-военнопленных.

Боги приходят на помощь царю во время сражения, помогая ему одолеть врага, жители враждебного города выходят ему навстречу и кланяются в ноги, моля о пощаде, и т. п.

Однако в ряде случаев составители анналов выходят за рамки однообразного официального перечня военных побед и сообщают поучительные сведения, представляющие интерес для историка.

Сохранились анналы, повествующие о подвигах первого крупного царя новохеттского периода — Суппилулиумаса (примерно 1385—1345 годы до н. э.), составленные от имени его сына — царя Мурсилиса II (около 1343—1313 годов до н. э.). Суппилулиумас преодолел сопротивление врагов хеттов в Малой Азии и вел длительную войну с государством Митанни, которая сло-

мила могущество этого государства. Царь Митанни превратился в вассала хеттского царя, и хетты снова стали господствующей силой в Передней Азии. В результате походов Суппилулиумаса его вассалом стал царь Угарита — крупнейшего культурного центра Восточного Средиземноморья; сыновья хеттского царя начали править сирийскими государствами — Хальпа (Алеппо) и Кархемишем.

Дошли до нас также и анналы самого Мурсилиса II, составитель которых проявил себя как выдающийся писатель-историк. Первые десять лет царствования Мурсилиса описаны им как период последовательной борьбы за окончательное восстановление хеттского военного могущества. При описании сражений составитель анналов подробно и реалистически рассказывает и о тех трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться. Наряду с военной деятельностью Мурсилиса описывается и его участие в религиозных церемониях, что было особенно важно для хеттского царя, являвшегося не только верховным главнокомандующим, но и главным жрецом страны. Особенно интересны сообщаемые мимоходом сведения о народах и племенах, граничивших и воевавших с хеттами. Так, о своих военных противниках — племенах касков, опустошавших частыми набегами северные области Хеттского государства, Мурсилис сообщает, что у них отсутствовала единая царская власть — до тех пор пока один человек этого племени не изменил существовавших ранее порядков и не начал править единовластно. Это свидетельство особенно ценно также и потому, что оно показывает, насколько к эпохе Мурсилиса хеттам стала чужда описываемая Мурсилисом как аномалия идея коллективного правления, в известной мере сохранявшаяся еще в древнехеттский период благодаря существованию у хеттов собрания.

К жанру царских анналов близка автобиография Хаттусилиса III (правление которого относится примерно к 1283—1260 годам до н. э.) — ценный исторический источник, описывающий жизнь Хеттского государства. Через автобиографию Хаттусилиса красной нитью проходит идея связи царя с божеством. Каждый шаг царя соответствует воле его покровительницы — хурритской богини Иштар. Культ Иштар объявляется семей-

ной привилегией рода Хаттусилиса; этому роду в будущем должны быть обеспечены все льготы, связанные с отправлением этого культа.

Документ Хаттусилиса интересен как для исследования роли царя в новохеттский период, так и для изучения реальной политической жизни, с большой откровенностью описанной в этом тексте. Путь Хаттусилиса к царской власти лежит через интриги и преступления, благодаря которым он постепенно оттеснил от власти других членов царского рода, имевших на нее законное право.

Документ Хаттусилиса III является одной из первых автобиографий, известных в мировой литературе. В отличие от других литератур Древнего Востока, растворявших личность автора в безличном изложении политических, правовых и нравственных истин, хеттская письменная традиция (начиная с завещания Хаттусилиса I и документа Телепинуса) характеризовалась подчеркнутым вниманием к личности автора (или составителя) текста. Характерно, что во многих хеттских сочинениях указываются имена их составителей (например, в книге Кикулли о коневодстве, в ритуале Папаникри, в рассказе о змии, ведущемся от имени жреца Кела и т. п.). Среди произведений хеттской литературы, в которых внимание сосредоточивается на самом авторе, автобиография Хаттусилиса выделяется особенно личным характером содержания и формы текста.

С автобиографией Хаттусилиса III могут быть сопоставлены некоторые другие тексты, написанные от имени хеттских царей и цариц, где общий религиозный характер памятника сочетается с личной нотой, звучащей в обращении автора к богу.

Наиболее значительными из таких текстов являются молитвы царя Мурсилиса II, написанные в форме письма к богам во время чумы, опустошившей Хеттское царство. Этот текст поражает искренней болью, чувствующейся в описании эпидемии, охватившей всю страну. Мурсилис сообщает, что были испробованы все известные способы узнать причину гнева богов, вызвавшего чуму. В молитвах Мурсилиса особенно отчетливо изложено в форме притчи характерное для религии хеттского рабовладельческого общества понимание взаимоот-

ношений человека и бога как точного подобия взаимоотношений раба-слуги с его хозяином. Подобно тому как хозяин охраняет верного слугу от всяких бед и наказывает провинившегося, боги охраняют людей, почитающих и совершающих в их честь жертвоприношения. Люди же, сотворивших грех, они карают. За грехи отца может ответить сын, но возмездие рано или поздно приходит. В этой концепции, близкой к позднейшим религиозным учениям Востока, отчетливо выражена мысль о личной ответственности человека перед потомством и историей, свойственная тому мирозерцанию, которое может быть восстановлено на основании различных хеттских текстов. Но с трагическим голосом пробудившегося исторического сознания личности, звучащим в молитвах Мурсилиса, сочетаются отзвуки уникальных следованных от более древних времен наивных антропоморфических представлений о богах как точных подобиях людей: Мурсилис пробует уговорить богов приостановить чуму, ссылаясь на то, что иначе погибнут немногие оставшиеся в живых жрецы и тогда богам ничего будет есть и пить, так как прекратятся жертвоприношения. Такое смешение глубоких философских идей с наивными представлениями, идущими от предшествующих эпох, очень показательно для религиозных текстов новохеттского периода.

С именем Мурсилиса II связан также ряд других молитв и религиозных текстов, из которых уникальный интерес представляет рассказ Мурсилиса о том, как он лишился дара речи. Это первый в истории человеческой культуры рассказ об афазии — расстройстве речи, которой Мурсилис в соответствии с воззрениями своего времени дает религиозную интерпретацию.

Из молитв хеттских царей выделяется молитва Пудухепы. Ее молитва, обращенная к солнечной богине Аринне, отличается высоким лиризмом.

Если эпические произведения новохеттской литературы по большей части являются переложениями переднеазиатских образцов (хурритских, аккадских, хананских), то в молитвах и ритуалах хеттская литература порой достигает уровня высочайшей лирической поэзии.

Вместе с тем молитвы и ритуальные тексты новохеттского времени представляют собой ценный источник

для исследования социальной структуры и истории хеттского общества. Представление о божественном происхождении власти царя, отличающее Новое царство от Древнего, наиболее явно выражено в новохеттской молитве о царе, где говорится о том, что бог грозы, которому принадлежат небо, земля и народ, отдал страну хеттов царю, чтобы тот правил ею. В этой молитве отношения между богом и царем описываются точно в тех же терминах, которые обычно употребляются в хеттских текстах, когда речь идет об отношениях между хеттским царем и его вассалами. Хеттская религия в эпоху Нового царства еще сохраняет достаточно примитивный характер, позволяющий легко восстановить те реальные отношения, которые проецируются на небо.

Для уяснения судьбы областей, опустошенных хеттскими войсками при завоевательных походах, важен ритуал, посвященный проклятию завоеванного города. Из этого текста видно, что заселение опустошенного вражеского города запрещалось религией. Место, на котором стоял этот город, посвящалось богу грозы и объявлялось «пастбищем» быков этого бога. Упоминание этих быков, носящих хурритские имена, говорит о том, что молитва относится к новохеттскому периоду, но торжественный запрет восстанавливать разрушенный город восходит к древнехеттской традиции, так как аналогичный запрет (также связанный с именем бога грозы) содержится и в надписи царя Аниттаса.

Новохеттские ритуальные тексты имеют особое значение потому, что в этих текстах сохраняются ценные свидетельства о языках (как индоевропейских, так и неиндоевропейских), в контакте с носителями которых находились хетты на протяжении всей своей истории. Включение целых отрывков на этих языках в новохеттские ритуальные тексты было связано с тем, что хеттская религия объединяла все те культы, с которыми сталкивались хетты. Дошедшие до нас списки «1000 богов Хеттского царства» включают божества хаттского, хурритского, вавилонского, лувийского происхождения; в ритуалах упоминаются также палайские и арийские боги. В хеттский пантеон включались боги всех областей, присоединявшихся к Хеттскому государству. При этом культ каждого божества управлялся на том язы-

ке, с которым это божество было первоначально связано. Благодаря такому всеобъемлющему характеру хеттской религии в ритуальных текстах новохеттского времени можно найти культовые отрывки на языках, которые известны в основном только по этим отрывкам.

Религиозные тексты, составляющие основную массу богазкёйских клинописных памятников, чрезвычайно разнообразны по своему характеру. Помимо ритуалов, молитв, гимнов и списков богов, к ним относятся тексты обетов, необычайно многочисленные описания религиозных праздников и церемоний, наставления служителям храма, списки и описания предметов, используемых при ритуальных действиях, тексты оракулов. В целом эти тексты дают полное представление о внешней обрядовой стороне хеттской религии и об основных религиозных идеях хеттов.

С религиозными текстами по своему характеру тесно связаны астрологические памятники, в которых отразилось состояние науки у хеттов, лишенной самостоятельности и полностью зависящей от вавилонских образцов. Хеттские астрологические тексты являются точной копией аккадских. В них можно отметить черты сходства с древнехеттско-аккадскими двуязычными текстами, хотя они датируются новохеттским периодом. О достаточно древней дате хеттско-вавилонских культурных связей говорит также и терминология богазкёйских текстов, посвященных гаданию по печени; эта терминология возникла несомненно под влиянием вавилонской, существовавшей еще до времени Хаммурапи. Тексты, посвященные гаданию по печени, и модели печени с клинописными надписями (изготавливавшиеся в учебных целях), которые найдены в Богазкёе, особенно ценны для исследования культурных связей в Восточном Средиземноморье, так как аналогичные археологические находки обнаруживаются не только в Месопотамии, но и в древней Италии (в области этрусской культуры).

Под вавилонским влиянием у хеттов развивались также зачатки лингвистики, о чем свидетельствуют фрагменты трехязычных шумеро-аккадско-хеттских словарных списков. О серьезных занятиях хеттов аккад-

ским языком свидетельствуют разнообразные тексты на этом языке, найденные в Богазкёе. Вместе с тем этот язык входил в число языков, ритуальные отрывки на которых вставляются в хеттские ритуальные тексты. Сам характер хеттской клинописи, в которой широко использовались аккадские написания и шумерские идеограммы, требовал от писцов определенных знаний в области шумерского и аккадского языков.

Значительное развитие к концу новохеттского периода получил вид деятельности, предвосхищавший современную документалистику — науку о хранении и поисках сведений в виде книг, документов и т. п. Сохранившиеся в богазкёйском архиве клинописные тексты каталогов документов этого архива (с указанием утраченных документов) и этикетки к отдельным документам свидетельствуют о тщательности, с которой при последних царях (в XIII веке до н. э.) поддерживался порядок в царской библиотеке.

Поддержание царского архива было очень важно для сохранения государственной традиции. Уже в XVI веке до н. э. Телепинус завещает, что панкус в случае нарушения установленных им законов должен призвать будущего царя читать клинописную таблицу, оставленную его предшественником. Сходные запреты нарушать то, что записано в клинописных таблицах, характерны для хеттских государственных договоров.

В богазкёйском архиве тщательно сохранялись документы, относившиеся к государственным делам и к официальному культу. Значительно меньше осталось в нем текстов, относящихся к жизни частных лиц, которые позволили бы исследовать детали экономической и социальной структуры хеттского общества.

Из документов, освещающих экономическую структуру хеттского общества, особый интерес представляют царские дарственные на землю, которые можно отнести к среднехеттской эпохе. По этим документам видно, что хозяйственная единица, которая могла охватывать ряд разбросанных угодий, включала в свой состав не только скотоводов и земледельцев, но и ремесленников и таким образом представляла собой самодовлеющее, замкнутое в экономическом отношении целое. Эта особенность хеттского хозяйства может быть связана с теми типич-

ными для хеттского общества социально-экономическими отношениями, которые некоторыми исследователями истолковывались как аналогичные вассалитету и другим феодальным установлениям.

Для изучения юридических норм новохеттской эпохи большой интерес представляют сохранившиеся судебные протоколы, показывающие, с какой тщательностью исследовались обстоятельства разбираемого дела и как приводились к присяге свидетели. К сожалению, однако, не сохранилось ни одного протокола решения суда, который позволил бы оценить, в какой мере на практике осуществлялись предписания законов.

Из новохеттских текстов видно, что судебные дела могли вестись не только по отношению к рядовым лицам, но и против царицы (Тавананны): Мурсилис II начал судебный процесс против Тавананны — вдовы своего отца (Суппилулиумаса), обвиняя ее в самых различных преступлениях. Сведения об этом процессе очень интересны как свидетельство продолжавшейся в новохеттский период борьбы хеттских царей с пережитками материнского права. Одним из таких пережитков было то, что царица Тавананна сохраняла свой титул и независимую от нового царя власть и после смерти своего супруга — прежнего царя.

Сведений о судебных решениях, относящихся к частным лицам, в богазкёйском архиве не сохранилось. Это приводит к существенным пробелам в современных представлениях о жизни хеттского общества; несомненно, что это же обстоятельство обуславливает неполноту нашего знания хеттской лексики. Существует мнение, что такие документы могли быть написаны на непрочном материале, например на дереве*. В пользу такой точки зрения приводились косвенные археологические аргументы. В этом отношении клинописные новохеттские памятники противоположны современным им древнейшим памятникам другого индоевропейского языка — греческим крито-микенским текстам линейного письма «Б» (XV—XII века до н. э.). Если почти все тексты линейного письма «Б» представляют собой деловые

* Имеются в виду хеттские иероглифические надписи на дереве.

записи, относящиеся к повседневной жизни, а тексты других жанров этого времени до нас не дошли, то по отношению к хеттской клинописной литературе наблюдается обратная картина. Подавляющее большинство памятников богазкёйского архива представляет собой религиозные или официальные тексты, так или иначе связанные с личностью хеттского царя.

Ценные сведения о внутренней организации хеттского общества могут быть извлечены из сохранившихся в царском архиве инструкций различным должностным лицам. Эти предписания по форме и содержанию чрезвычайно близки к договорам, которые хеттские цари заключали со своими вассалами. Насколько можно судить по хеттским государственным договорам, написанным на хеттском и аккадском языках, в новохеттский период Хеттское царство было окружено целой системой союзных и вассальных государств, игравших роль буфера между хеттами и их могущественными противниками (такими, как Египет). Сходство государственных договоров с наставлениями должностным лицам Хеттского государства может объясняться только тем, что эти последние также рассматривались как особая категория вассалов хеттского царя.

Внешняя история Нового царства может быть восстановлена как на основании царских анналов и государственных договоров, так и благодаря сохранившейся в богазкёйском архиве дипломатической переписке. В особенности важны документы, относящиеся к египетско-хеттским отношениям: часть этих документов сохранилась в Богазкёе, часть — в архиве египетских фараонов в Эль-Амарне.

Из документов, найденных в Амарне, особый интерес для исследования роли хеттского языка в Передней Азии представляют два письма, которыми обменялись египетский фараон Аменофис III и царь Арцавы. Оба эти письма написаны на хеттском языке (несколько отличающемся от языка богазкёйских текстов). Это показывает, что хеттский язык стал проникать в сферу дипломатической переписки древних стран Малой Азии, к которым принадлежала Арцава.

Признание могущества Хеттского государства со стороны Египта видно из документов, относящихся уже

к царствованию Суппилулиумаса. В это время вдова одного из египетских фараонов должна была выйти замуж за сына хеттского царя. Но убийство хеттского принца, посланного в Египет, опрокинуло замысел династического союза двух великих держав.

Начиная с царствования Мурсилы II Египет и Хеттское царство как две наиболее мощные державы Ближнего Востока вступили в единоборство из-за преобладания в Сирии. Борьбе с Египтом были посвящены военные походы Муваталлы (около 1313—1285 годов до н. э.). После знаменитой битвы между египтянами и хеттами при Кадеше (1291 год до н. э.) египтяне вынуждены были смириться с мощью хеттских царей. При Хаттусиле III в 1276 году до н. э. между Египтом и Хеттским царством был заключен договор о дружбе, по которому Египет признавал права хеттов на Северную Сирию.

Другую важную группу новохеттских текстов составляют документы, касающиеся отношений хеттов со страной Аххиява, в которой можно видеть греческое, ахейское политическое образование.

Документы, относящиеся к Аххияве, особенно интересны, так как показывают, что носители анатолийских индоевропейских языков (лувийского и хеттского) столкнулись уже в начале новохеттского периода с другой группой индоевропейских диалектов — греческой (а также благодаря контактам с Митанни и с племенами, говорящими на арийских диалектах).

Хеттские источники изображают Аххияву как могущественное государство, обладавшее силой на море, что соответствует историческим данным об ахейцах. Однако точное местоположение Аххиявы (в Малой Азии или за Эгейским морем) не определено: известно лишь, что между Аххиявой и Хеттским государством находились другие области, в том числе страна Лукка на западе Малой Азии, зависевшая и от Аххиявы, и от Хеттского царства.

Первое упоминание Аххиявы относится к царствованию Суппилулиумаса. Сообщения об этой стране в хеттских источниках свидетельствуют о дружественных отношениях Аххиявы с Хеттским государством. Важнейшим источником для исследования отношений Аххиявы

с Хеттским государством является письмо Тавагалавы, из которого можно заключить, что знатные люди Аххиявы обучались у хеттов искусству езды на колесницах (которое у самих хеттов в то время развилось под влиянием Митанни). О роли Аххиявы среди великих государств конца II тысячелетия до н. э. говорит место в договоре хеттского царя Тудхалияса, где эта страна названа рядом с Египтом, Вавилоном и Ассирией. В период перед крушением Хеттского государства отношения между хеттами и Аххиявой стали враждебными.

При хеттском царе Тудхалиясе IV (примерно 1260—1240 годы до н. э.) Аххиява выступает в качестве врага Хеттского царства, а при царе Арнувандасе (около 1240—1230 годов до н. э.) против Хеттского государства на западе Малой Азии выступает целая коалиция государств, включающая Аххияву и Арцаву.

Около 1200 года до н. э. Хеттское государство пало под ударами переселявшихся с запада через Малую Азию и бассейн Эгейского моря племен. Крушение Хеттского царства было связано с переселением на юго-восток ряда индоевропейских племен юго-восточной Европы, которое привело в то же время к дорийскому нашествию в Греции, движению иллирийцев на Балканах, появлению фригийцев в Малой Азии и к переселению племен, которые в египетских источниках названы «народы моря». Это переселение индоевропейских племен в конце II тысячелетия до н. э. вело их к тем же очагам древних цивилизаций Передней Азии, к которым много ранее двигались с севера носители анатолийских, арийских и некоторых греческих диалектов. Но вторая волна индоевропейцев, двигавшаяся на этот раз не с северо-востока на юго-запад, а с северо-запада на юго-восток, смела те народы, которые осели в Малой Азии в результате первой волны завоеваний. Столица хеттов — Хаттусас — была разрушена, и клинописная хеттская традиция в Малой Азии прерывается. «Иероглифические хеттские» надписи на юге Малой Азии и в Северной Сирии продолжают составляться до I тысячелетия до н. э., но язык этих надписей, практически являющийся лувийским диалектом, сильно отличается от клинописного хеттского, исчезновение которого следует датировать рубежом XIII и XII веков до н. э.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Введение	8
I. Тайна существования	11
Глава 1. Открытие и предчувствие	11
Глава 2. Библия и новые исследования	25
Глава 3. Винклер ведет раскопки в Богазкёе	43
II. Тайна надписей	60
Глава 4. Об искусстве дешифровки	60
Глава 5. Говорили ли хетты по-хеттски?	71
Глава 6. «Из ничего нельзя ничего расшифровать»	77
III. Тайна власти	95
Глава 7. Цари Хаттусаса	95
Глава 8. Наука об исторических датах	101
Глава 9. Битва при Кадеше и вечный мир	120
Глава 10. Города и деревни — народ и его обычаи	154
IV. Тайна продолжения жизни	159
Глава 11. Открытие у подножия Черной горы	159
Глава 12. Азитаванда говорит	173
V. В. Иванов. Очерк истории и культуры хеттов	183

Цена 48 коп

